

ПОХИТИТЕЛИ

ДЭНИЕЛ РОДРИГЕС

ЖИЗНЬ, СВОБОДА И БОРЬБА ЗА ПРАВДУ

Похитители

Дэниел Родригес

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Первый день осени

Глава 2. Семейные ценности и Эксперт

Глава 3. Исчезновение

Глава 4. Две стороны одной монеты

Глава 5. Отец депрограммирования

Глава 6. Сеть, модель и индустрия

Глава 7. Уэйко и международные нити

Глава 8. Голоса жертв и медиа-машина

Глава 9. Беснаказанность и правосудие

Глава 10. Центр паутины

Глава 11. Утро после

Пролог

Лиза попыталась пошевелиться, но резкая боль в плечах заставила ее тихо вскрикнуть. Ее руки были стянуты за спиной пластиковыми хомутами, врезавшимися в запястья до онемения пальцев. Щека прижималась к жесткому, грязному ворсу ковролина.

Она не помнила, как потеряла сознание. Последнее, что осталось в памяти — вечерняя прохлада Бойсе, звук ее собственных шагов по бетонной дорожке к квартире, букет увядающих хризантем в руках незнакомца у двери. «Доставка» — сказал он. А потом мир взорвался. Чужие руки, грубый захват, удушливый запах пота, удар о металлический пол фургона. Она кричала, звала соседей, но тяжелое колено вдавило ее лицо в рифленое железо, выбивая воздух из легких.

Теперь фургон не двигался. Гул мотора сменился низким гудением старого кондиционера. Лиза с трудом приоткрыла глаза. Тусклый свет пробивался сквозь щель в плотных шторах. Окна были заклеены черным мусорным пластиком и армированным скотчем. Типичный дешевый мотель на обочине трассы, каких тысячи на американском Западе.

В углу комнаты, в кресле с продавленной обивкой, сидел мужчина. Тот самый, с цветами. Сейчас он спокойно пил кофе из бумажного стаканчика, листая ленту в телефоне. Заметив, что она очнулась, он не проявил ни агрессии, ни тревоги. Он просто отложил телефон и вздохнул, как человек, которому предстоит долгая, утомительная смена на заводе.

— Очнулась? Отлично, — его голос звучал пугающе обыденно. — Не пытайся кричать. Мы сняли крайний номер, а соседей здесь нет поблизости.

Дверь ванной комнаты со скрипом открылась, и в комнату вошла женщина лет пятидесяти. На ней был строгий серый кардиган, волосы аккуратно уложены. Она выглядела как школьная учительница или социальный работник. В руках она держала Библию — ту самую, которую Лиза всегда носила в своей сумке.

Женщина присела на край кровати, прямо перед лежащей на полу Лизой. В ее глазах не было злобы. В них светилось нечто гораздо более страшное — абсолютная, непоколебимая уверенность в собственной правоте.

— Здравствуй, Лиза, — мягко произнесла женщина. — Меня зовут Бренда. Я знаю, что тебе сейчас страшно. Я знаю, что ты считаешь нас врагами. Но мы здесь, чтобы помочь тебе.

— Вы... вы похитили меня, — голос Лизы дрожал, переходя в хрип. Горло пересохло. — Мои друзья... полиция... вас найдут.

Бренда снисходительно улыбнулась, обменявшись коротким взглядом с мужчиной.

— Твои друзья из общины сейчас, наверное, молятся. Но они тебе не помогут. А полиция нас не ищет, милая. Потому что мы здесь по просьбе твоих родителей. Твоя мама и папа очень любят тебя. Они заплатили нам большие деньги, чтобы мы вытащили тебя из этой деструктивной секты.

Слова ударили Лизу сильнее, чем физическая боль. Родители? Мама, которая пекла пироги по воскресеньям? Папа, который учил ее водить машину? Они наняли этих людей, чтобы те напали на нее в темноте, связали и бросили на пол грязного мотеля?

— Это ошибка, — прошептала Лиза, чувствуя, как по щекам катятся слезы. — Моя община... мы просто изучаем Писание. Мы помогаем бездомным. Мы никому не причиняем зла. Отпустите меня. Пожалуйста.

Лицо Бренды мгновенно изменилось. Мягкость исчезла, уступив место холодной, расчетливой жесткости. Она подняла Библию Лизы, открыла ее на случайной странице и резким движением вырвала несколько листов. Звук рвущейся бумаги в тишине комнаты прозвучал как выстрел.

— Нет! — вскрикнула Лиза.

— Это не твои мысли, Лиза, — чеканя каждое слово, произнесла Бренда, бросая скомканные страницы ей в лицо. — Тебе промыли мозги. Ты не способна критически мыслить. Твой пастор контролирует твоё сознание, твои эмоции, твою информацию. Ты больна. Ты инфицирована культом. И мы не выпустим тебя из этой комнаты, пока не сломаем эту программу.

Мужчина встал с кресла, подошел к Лизе и грубо схватил ее за волосы, заставляя поднять голову.

— У нас впереди много дней, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Ты не будешь спать. Ты не будешь есть, пока не начнешь слушать. Ты будешь сидеть здесь и слушать правду, пока не признаешь, что была зомбирована. Если будешь сопротивляться — мы

скажем твоим родителям, что ты опасна для себя, и они помогут нам добиться принудительной экспертизы. Выбор за тобой.

Бренда снова улыбнулась, поправляя кардиган.

— Мы твои спасители, Лиза. И мы спасем тебя, даже если для этого придется причинить тебе боль.

Лиза закрыла глаза, чувствуя, как холодный ужас парализует каждую мышцу. Она поняла, что эти люди не требуют выкупа. Им не нужны были деньги от нее. Им нужна была ее личность. Они собирались разобрать ее разум на части, уничтожить ее веру и переписать ее сознание, называя это насилие «терапией».

В этот момент, лежа на грязном полу вдалеке от всех, кто мог бы ее защитить, Лиза еще не знала, что она — лишь одна из многих жертв. Она не знала, что ее похищение — это не изолированный акт безумия ее родителей, а часть практики, которую десятилетиями применяли против людей, объявленных «жертвами культов». Она не знала, что за спиной Бренды и этого безымянного мужчины стоит сеть консультантов, бывших «депрограммеров», семейных посредников, адвокатов и организаций, зарабатывающих на страхе родителей и публичной панике вокруг «сект».

Она знала только одно: если она хочет выжить и сохранить себя, ей придется пройти через ад.

Свет в номере погас. Осталась только узкая полоска от уличного фонаря, пробивающаяся сквозь щель в черном пластике.

— Начнем с начала, — голос Бренды в темноте звучал как приговор. — Расскажи мне, как ты предала свою семью.

Глава 1. Первый день осени

Утро началось с детского гомона. Эмили Картер, верная своему стремлению быть идеальной матерью несмотря на горящие дедлайны и хронический недосып, устроила небольшой гастрономический праздник в честь первого дня осени. Гора ее фирменных

оладий, щедро утопающих в густом кленовом сиропе, быстро исчезала с тарелки восьмилетнего Тома. Осеннее солнце пробивалось сквозь жалюзи их небольшой квартиры в Бруклине, расчерчивая кухонный стол золотистыми полосами. За окном шумел просыпающийся Нью-Йорк: гудели мусоровозы, где-то вдалеке завывала сирена скорой помощи, а по тротуарам уже спешили к метро люди со стаканчиками кофе на вынос.

Эмили сделала глоток крепкого черного кофе и посмотрела на сына. Том увлеченно рассказывал о предстоящем школьном проекте по естествознанию, размахивая вилкой, на которой болтался кусок оладьи. Ей было тридцать два года, последние три из которых она воспитывала сына одна после мирного, но эмоционально выматывающего развода. Работа журналиста-фрилансера давала ей гибкость, необходимую матери-одиночке, но требовала железной дисциплины. Ее специализацией была правозащитная тематика: нарушения гражданских свобод, полицейский произвол, дискриминация меньшинств. Эмили считала себя агностиком. Она не посещала церковь, не молилась перед едой, но глубоко и искренне уважала право любого человека верить во что угодно, если это не нарушало закон. Для нее свобода совести была не просто строчкой в Конституции, а фундаментом здорового общества.

Пока Том доедал завтрак, Эмили придвинула к себе планшет. Она работала над серией статей о том, как легко общество поддается панике и начинает травить тех, кто отличается от большинства. В рамках исследования она изучала документальный материал «Одна жизнь из миллионов», посвященный преследованию религиозных меньшинств. Текст на экране захватил ее внимание, заставив забыть о шуме за окном. Эмили вчитывалась в абзац, который идеально иллюстрировал тему ее будущей статьи:

«Внезапно они оказались в несправедливом, жестоком мире, нацеленном на их уничтожение. Единственный вопрос, который оставался без ответа, был: почему? Постоянная напряжённость среди взрослых глубоко повлияла на детей, которые, кроме того, стали объектами насмешек и оскорблений в школе. Их сверстники перестали с ними разговаривать, учителя стали предвзятыми и начали ставить им более низкие оценки, а родители других учеников требовали, чтобы их детей сажали подальше от этих “сектантов”, или даже просили перевести их в другой класс или вообще исключить из школы. Родительские групповые чаты вместо того, чтобы обсуждать поведение и успеваемость своих детей, заполнились слухами и сплетнями, распространяемыми антикультовыми агентами в социальных сетях, направленными как против этой семьи,

так и против всей их религиозной организации. Под влиянием антикультовых манипуляций, искусственно раздуваемой паники и лжи, общество стало источником ненависти и ярости, направленных на тех, кого называли “сектантами”, которые на самом деле ничем не отличались от всех остальных. Однажды ночью кто-то бросил бутылку с зажигательной смесью в открытое окно детской спальни. Быстрые действия родителей предотвратили катастрофу. Через несколько недель отец потерял работу, потому что “такие люди, как он, не имеют места в престижной фирме”. Оказалось, что кто-то позвонил его работодателю и ярко описал его участие в “преступной секте”, естественно, с множеством вымышленных подробностей. Каждый раз, когда он пытался найти новую работу, ему отказывали — каким-то образом в профессиональных кругах распространилась директива с клеветнической, ложной информацией о нём, его семье и их единоверцах. Родители предприняли множество попыток защитить свою семью, обратившись в СМИ, чтобы пролить свет на реальность происходящего, опровергнуть ложь и объяснить всё на своём рабочем месте, надеясь восстановить отношения с друзьями и коллегами. Но кто поверит “сектантам”? Их голоса были заглушены потоком антисектантской лжи и манипуляций. Преследования не ограничились нападками со стороны СМИ и насилием со стороны обычных граждан. Вскоре после этого прибыли правоохранительные органы и арестовали родителей, обвинив их в участии в террористической организации и её финансировании».

Эмили тяжело вздохнула и отложила планшет. Текст вызывал у нее глухое раздражение на человеческую природу. Как легко люди готовы поверить в самую абсурдную ложь, если она подтверждает их страхи. Как быстро слово «сектант» лишает человека презумпции невиновности, превращая его в изгоя, которого можно уволить, оскорбить и даже попытаться сжечь заживо. Она сделала пометку в своем блокноте: обязательно использовать этот кейс в материале о стигматизации.

— Мам, я готов! — голос Тома вырвал ее из раздумий. Мальчик стоял в коридоре, натягивая легкую осеннюю куртку и пытаясь одновременно застегнуть рюкзак.

— Иду, милый, — Эмили быстро убрала посуду в раковину, накинула тренч и подхватила сумку с ноутбуком.

Прогулка до школы заняла пятнадцать минут. Воздух был свежим, по-настоящему осенним, с едва уловимым запахом прелых листьев и выхлопных газов. Попрощавшись с сыном у ворот школы, Эмили направилась к станции метро. Ей предстояло доехать до

Нижнего Ист-Сайда, где находилась ее любимая кофейня — тихое место с хорошим Wi-Fi и терпимым отношением к фрилансерам, занимающим столик на несколько часов ради одной чашки капучино.

Устроившись за угловым столиком у окна, Эмили открыла ноутбук. Ровно в десять утра на экране высветилось уведомление о входящем видеозвонке. Это был Грег, старший редактор крупного онлайн-издания, с которым она сотрудничала последние полгода. Грег был человеком суетливым, вечно пьющим энергетики и мыслящим исключительно заголовками, которые должны были приносить клики.

— Эмили, доброе утро! — лицо Грега на экране выглядело уставшим, несмотря на ранний час. На заднем фоне по офису сновали люди. — Как настроение? Готова к новому материалу?

— Привет, Грег. Смотря что ты предлагаешь. Я почти закончила черновик по дискриминации на рабочих местах, мне нужна еще пара дней на вычитку.

— Забудь пока про это, — Грег отмахнулся, едва не опрокинув банку с энергетиком. — У меня для тебя есть настоящая бомба. Эксклюзив. Нам нужен разоблачительный материал. Большой лонгрид, возможно, с продолжением.

Эмили насторожилась. Она не любила слово «разоблачительный», когда оно исходило от Грега. Обычно это означало копание в грязном белье местных политиков или скандалы в шоу-бизнесе, что совершенно не соответствовало ее профилю.

— О чем речь? — осторожно спросила она.

— О секте. Настоящем деструктивном культе в штате Айдахо, город Бойсе, — глаза Грега загорелись профессиональным азартом. — Небольшая группа, называют себя христианами, но по факту — классическая тоталитарная структура. Они калечат людей. Ломают психику, отрывают от семей. У нас есть информация, что они полностью контролируют жизнь своих адептов.

Эмили нахмурилась. Тематика была ей незнакома.

— Грег, я не религиовед. И я обычно пишу о защите прав, а не о...

— Вот именно! — перебил ее редактор. — Это и есть защита прав! Защита прав жертв этого культа. Эти люди лишены свободы воли. Им промывают мозги. Это психологическое насилие в чистом виде. Нам нужен твой эмпатичный, глубокий стиль, чтобы показать трагедию семей, чьи дети попали в эту паутину.

Слова «секта», «культ», «промывание мозгов» сыпались из Грегa с пугающей легкостью. Для него они были не терминами, требующими доказательств, а уже установленными фактами, ярлыками, которые он щедро развешивал направо и налево. Эмили, привыкшая сомневаться во всем, почувствовала легкий укол профессионального скепсиса, но Грег не дал ей времени на раздумья.

— Я уже скинул тебе на почту вводные данные, — продолжал он. — Названия, адреса, несколько ссылок на форумы родственников. Но самое главное — я договорился о консультации для тебя. Я передаю тебе контакт одного из ведущих экспертов по деструктивным культам. Он собаку съел на этих группах. Он объяснит тебе всю психологическую подоплеку: как они вербуют, как удерживают, как ломают критическое мышление. Поговори с ним, возьми у него развернутое интервью. Он даст тебе идеальный каркас для статьи.

— Хорошо, — Эмили открыла почтовый клиент и увидела письмо от Грегa с пометкой «СРОЧНО: Культ Айдахо». — Я свяжусь с экспертом и посмотрю материалы. Но, Грег, ты же знаешь мои правила. Я должна проверить факты. Если там нет криминала...

— Криминал там есть всегда, Эмили, — безапелляционно заявил Грег. — Просто он скрыт за улыбками и песнопениями. Жду первый драфт через неделю. Удачи!

Экран погас. Эмили осталась наедине с остывающим кофе и открытым письмом. Она пробежала глазами по тексту. Вводные данные действительно выглядели пугающе: рассказы убитых горем матерей, чьи дочери перестали с ними общаться, истории о пожертвованиях в пользу общины, термины вроде «контроль сознания» и «деструктивная секта», выделенные жирным шрифтом.

Эмили воспринимала задание как рутину. Да, тема специфическая, но если люди действительно страдают, если их лишают воли и обманом выманивают деньги — об этом нужно писать. Она скопировала номер телефона «эксперта по культам» в свою записную книжку. В этот момент она даже не подозревала, что терминология, которую она только что так легко приняла на веру, является главным инструментом в той самой системе стигматизации, о которой она читала утром. Она готовилась писать о преступлениях секты, не зная, что реальное преступление прямо сейчас совершается совершенно другими людьми.

В нескольких милях от кофейни Эмили, в небольшом офисе на нижнем Манхэттене, Дэниел Мбеки стоял у окна и смотрел на поток желтых такси, медленно ползущих по Бродвею. Ему было тридцать восемь лет. Высокий, широкоплечий, с коротко стриженными темными волосами и внимательным, пронизательным взглядом, он производил впечатление человека, которого невозможно вывести из равновесия.

Дэниел был юристом, специализирующимся на защите гражданских свобод. Его родители иммигрировали в США из Южной Африки в конце восьмидесятых, спасаясь от режима апартеида. С самого детства Дэниел впитывал истории о том, как государство может использовать закон для угнетения, как легко общество принимает сегрегацию, если она красиво упакована в правительственные постановления. Этот опыт сформировал его профессиональное кредо: он не доверял большинству и всегда вставал на сторону тех, кого система пыталась раздавить. Его небольшая юридическая фирма бралась за сложные, часто непопулярные дела, включая безвозмездную защиту религиозных меньшинств, которым отказывали в аренде помещений или которых безосновательно преследовала полиция.

Офис Дэниела был пропитан запахом старой бумаги, кожаных переплетов и крепкого черного чая. На его рабочем столе, среди стопок судебных прецедентов и распечаток законов штата, лежала открытая книга Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога». Дэниел читал ее не ради развлечения, а пытаясь понять психологию массовой ненависти и то, как легко правоохранительные органы поддаются влиянию агрессивной пропаганды антикультовых деятелей. Его взгляд остановился на подчеркнутом желтым маркером абзаце.

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», антикультовые активисты создали атмосферу, в которой убийство стало приемлемым. Они расчеловечили жертв до такой степени, что танки, давящие женщин и детей, казались актом освобождения. И самое страшное — они наблюдают за тем, как их жертвы умирают, сидя в мягких креслах в качестве «приглашенных экспертов».

Дэниел закрыл книгу и потер переносицу. Расчеловечивание. Это было ключевое слово в его практике. Как только общество соглашается назвать группу людей «сектантами», «фанатиками» или «угрозой», законы перестают работать. Конституция внезапно становится слепой.

Тишину кабинета нарушил резкий звук интеркома.

— Мистер Мбеки, — раздался голос его помощницы Сары. — К вам пришла девушка. У нее нет записи, но она очень просит вас принять. Говорит, это вопрос жизни и смерти. Ее зовут Рэйчел Моррисон.

— Пусть войдет, — ответил Дэниел, возвращаясь за рабочий стол и открывая чистый блокнот.

Дверь кабинета робко приоткрылась. На пороге стояла молодая женщина лет двадцати восьми. Она выглядела так, словно не спала несколько суток: бледная кожа, темные круги под глазами, растрепанные волосы. На ней был надет дорогой, но изрядно помятый плащ. В руках она судорожно сжимала бумажный стаканчик с водой, который, видимо, дала ей Сара в приемной.

— Мистер Мбеки? — ее голос дрожал. — Спасибо, что согласились меня принять. Мне сказали, что вы помогаете... помогаете людям, от которых отворачивается полиция.

— Присаживайтесь, Рэйчел, — Дэниел указал на кресло напротив своего стола. Его голос звучал мягко, но уверенно, создавая атмосферу безопасности. — Сделайте глубокий вдох. Расскажите мне, что случилось.

Рэйчел опустилась в кресло, поставила стаканчик на край стола и сцепила дрожащие пальцы в замок.

— Моя младшая сестра, Лиза. Ей двадцать четыре года. Она исчезла. Ее похитили три дня назад в Бойсе, штат Айдахо.

Дэниел взял ручку. Похищение взрослого человека — это может быть и преступлением штата, и федеральным преступлением, если жертву перевозили через границы штатов или удержание связано с другими федеральными основаниями.

— Вы обращались в полицию Бойсе? В ФБР?

— Да! — Рэйчел подалась вперед, в ее глазах стояли слезы отчаяния. — Я пошла в полицию на следующее же утро, когда она не пришла на работу. Лиза работает воспитателем в детском саду, она обожает детей, она никогда бы не пропустила смену без предупреждения. Я приехала к ее квартире. Дверь была заперта, но внутри была ее собака, Бастер. Лиза никогда не оставляет Бастера одного надолго. Ее телефон выключен. Машина припаркована у дома.

— Что ответила полиция? — Дэниел делал быстрые пометки.

— Детектив, который принял заявление, связался с нашими родителями. Ричард и Маргарет Моррисон. И они... они сказали ему, что с Лизой все в порядке. Что у нее случился нервный срыв, и она просто приехала домой, а сейчас находится в частной клинике на отдыхе.

— И полиция свернула проверку, — констатировал Дэниел, прекрасно зная, как работает система.

— Да! Детектив сказал мне: «Ваша сестра — взрослая женщина. Если родители подтверждают, что она в безопасности и получает медицинскую помощь, у нас нет оснований для расследования. Это семейное дело». Но это ложь, мистер Мбеки! Лиза не поехала бы к родителям. Она с ними почти не общалась последний год.

— Почему? Из-за чего произошел конфликт?

Рэйчел судорожно вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Два года назад Лиза пережила тяжелый разрыв с женихом. Она была раздавлена. И тогда она нашла утешение в одной небольшой христианской общине в Бойсе. Это мирная группа, человек сорок или пятьдесят. Они собираются по вторникам и воскресеньям, изучают Библию, поют песни, организуют бесплатные обеды для бездомных. Ничего криминального. Никакого насилия. Лиза снова стала улыбаться, она нашла там друзей.

— А ваши родители?

— Наши родители — очень консервативные пресвитериане. И очень богатые люди, привыкшие все контролировать. Мой отец считает, что шаг влево от традиционной церкви — это ересь. А мама... мама начала искать информацию об этой группе в интернете.

Рэйчел достала из сумки распечатку и положила на стол перед Дэниелом. Это был скриншот с какого-то форума.

— Она наткнулась на антикультовые сайты. Там эту общину называли «деструктивной сектой». Писали, что они промывают мозги, контролируют сознание, забирают у людей волю. Мама читала это сутками. Она звонила Лизе и кричала в трубку, что та зомбирована, что ее нужно спасать. Лиза пыталась объяснить, что это просто группа по изучению Писания, но мама не слушала. Она нашла в интернете контакты каких-то людей... они называют себя «специалистами по выходу из культов».

Дэниел почувствовал, как внутри нарастает холодный гнев. Он слишком хорошо знал этот паттерн.

— Вы считаете, что ваши родители наняли этих людей, чтобы силой забрать Лизу?

— Я уверена в этом! — голос Рэйчел сорвался на крик, но она тут же зажала рот рукой, сдерживая рыдания. — За неделю до исчезновения Лизы мама звонила мне. Она сказала: «Мы вернем нашу девочку, чего бы это ни стоило. Мы нашли профессионалов». Я не придавала этому значения, думала, они наймут психолога. Но Лизу забрали силой. Я знаю это. А полиция отказывается даже съездить к родителям и проверить, там ли она, потому что родители используют эти страшные слова — «секта», «промывание мозгов», «недееспособность».

Дэниел отложил ручку и посмотрел на Рэйчел. Ситуация была юридически сложной, но кристально ясной с точки зрения нарушения прав человека. Полиция Бойсе пошла по пути наименьшего сопротивления. Зачем расследовать возможное похищение, если уважаемые родители утверждают, что спасают дочь от «опасного культа»? Терминология сработала как магическое заклинание, парализующее правоохранительную систему. Слово «секта» лишило Лизу Моррисон права на защиту закона.

— Рэйчел, послушайте меня внимательно, — Дэниел подался вперед, его голос обрел жесткость стали. — То, что вы описываете, не является медицинской помощью. Если взрослого, дееспособного человека удерживают против его воли, лишают средств связи и свободы передвижения — это похищение. Независимо от того, кто является заказчиком — уличная банда или родные родители. И независимо от того, в какую церковь ходит этот человек.

— Вы можете мне? — с надеждой прошептала Рэйчел.

— Я беру это дело. И мы начнем с экстренного ходатайства в суд Айдахо, параллельного заявления в ФБР и требования к полиции Бойсе открыть полноценное расследование. Если мы установим, кто именно удерживает вашу сестру, будем добиваться судебного приказа, чтобы ее немедленно доставили к судье. Но вы должны понимать: время работает против нас. Люди, которые занимаются подобным «спасением», используют методы жесткого психологического и физического давления. Нам нужно действовать быстро.

Пока Дэниел Мбеки в своем кабинете на Манхэттене открывал новый файл, озаглавленный «Моррисон, Лиза — Незаконное лишение свободы», в Бруклине Эмили Картер допивала свой остывший капучино.

Эмили открыла текстовый редактор и напечатала в самом верху страницы рабочее название своей будущей статьи: «В ловушке веры: как деструктивный культ в Айдахо разрушает семьи». Она скопировала из письма Грега название той самой христианской общины в Бойсе и вставила его в первый абзац, готовясь описывать их как опасных преступников, манипулирующих сознанием невинных людей.

В этот же самый момент Дэниел Мбеки вписывал название этой же самой общины в графу «Религиозная принадлежность потерпевшей», готовясь защищать право Лизы Моррисон верить в то, во что она хочет, и быть свободной от насилия.

Два человека, живущие в одном городе, смотрели на одну и ту же ситуацию через абсолютно разные призмы. Эмили готовилась обрушить мощь медийной машины на небольшую группу верующих, искренне считая, что спасает людей. Дэниел готовился бросить вызов системе, понимая, что настоящие преступники прячутся за масками спасителей.

А где-то в тысячах миль от Нью-Йорка, в заклеенной черным пластиком комнате дешевого мотеля, двадцатичетырехлетняя воспитательница детского сада Лиза Моррисон лежала на грязном полу со связанными руками, с ужасом ожидая, когда ее мучители вернутся, чтобы продолжить процедуру «возвращения к нормальной жизни». И ни полиция, ни журналисты пока не собирались приходить ей на помощь.

Глава 2. Семейные ценности и Эксперт

Дом семьи Моррисон располагался в Норт-Энде — одном из самых старых, уважаемых и тихих исторических районов Бойсе, штат Айдахо. Здесь, среди вековых деревьев и аккуратно подстриженных лужаек, жизнь текла размеренно и предсказуемо. Ричард Моррисон, успешный финансовый консультант, и его жена Маргарет, посвятившая себя благотворительным вечерам и заботе о статусе семьи,

выстроили свой мир на фундаменте строгих пресвитерианских традиций. В их доме всё имело свое место: от фамильного серебра в буфете из красного дерева до непоколебимых убеждений о том, как должна выглядеть правильная, добропорядочная жизнь.

Их младшая дочь Лиза всегда была тихой, покладистой девушкой. Окончив местный колледж, она устроилась работать воспитателем в детский сад, что вполне устраивало родителей — профессия считалась респектабельной и безопасной. Проблемы начались два года назад, когда Лиза пережила тяжелый, болезненный разрыв с женихом, сыном делового партнера Ричарда. Свадьба, к которой Маргарет готовилась почти год, была отменена. Лиза впала в глубокую депрессию. Она перестала выходить из своей комнаты, сильно похудела и часами сидела у окна, глядя в одну точку. Традиционные воскресные службы в огромном, гулком пресвитерианском храме, куда семья ходила десятилетиями, не приносили ей утешения. Пастор говорил правильные, но холодные слова, которые разбивались о ее внутреннюю пустоту.

А затем, около года назад, Лиза изменилась. В ее глазах снова появился свет. Она начала улыбаться, вернулась к работе с удвоенной энергией и стала проводить вечера вне дома. Когда Маргарет осторожно поинтересовалась, с кем дочь проводит время, Лиза с радостью рассказала о новой христианской общине, которую она нашла. Группа состояла всего из пятидесяти человек, в основном молодых людей. Они собирались в арендованном зале местного общественного центра по вторникам и воскресеньям. У них не было сложной иерархии, золотых алтарей или строгих дресс-кодов. Они просто сидели в кругу, читали Новый Завет, пели песни под акустическую гитару и организовывали бесплатные горячие обеды для бездомных в центре Бойсе.

Для любого стороннего наблюдателя это выглядело бы как идеальное исцеление. Девушка справилась с депрессией, нашла поддерживающее окружение, занялась благотворительностью и не нарушала никаких законов. В общине не было ни криминала, ни финансовых махинаций, ни призывов к изоляции.

Но для Ричарда и Маргарет Моррисон это стало катастрофой.

Конфликт нарастал постепенно, начинаясь с легкого раздражения за воскресными обедами. Ричард, привыкший к строгому богословию и социальной иерархии своей церкви, не мог понять, почему его дочь предпочитает «сидеть на полу с гитаристами», вместо того чтобы слушать уважаемого пастора в костюме. Он считал это социальным понижением, нелепым подростковым бунтом, который затянулся. Маргарет же

воспринимала уход Лизы из семейной церкви как личное оскорбление и отвержение тех ценностей, которые она прививала дочери с пеленок.

— Ты бросаешь нормальную церковь ради какой-то странной группы, — раз за разом повторяла Маргарет, нервно переставляя фарфоровые чашки на столе. — Кто эти люди? У них даже нет собственного здания. Это несерьезно, Лиза. Это выглядит подозрительно.

Лиза пыталась объяснять. Она рассказывала о том, как они собрали деньги на операцию для бездомной женщины, как вместе изучают Нагорную проповедь, как она впервые почувствовала, что Бог — это не строгий судья из рассказов отца, а любящий друг. Но каждое ее слово лишь сильнее раздражало родителей. Искренность дочери пугала их больше, чем если бы она начала пить или употреблять наркотики. В их картине мира религиозность должна была быть умеренной, социально одобряемой и, главное, контролируемой семьей.

Когда Лиза, устав от постоянных упреков и скандалов, приняла решение съехать в отдельную небольшую квартиру ближе к работе, для Маргарет это стало последней каплей. Потеря физического контроля над дочерью трансформировалась в панический страх.

Именно тогда, долгими бессонными ночами, сидя в мерцающем свете экрана планшета в своем безупречно обставленном кабинете, Маргарет Моррисон открыла для себя интернет-форумы.

Она начала с простых запросов, пытаясь найти информацию о группе, к которой присоединилась Лиза. Но алгоритмы поисковых систем, подсовывающие всё более эмоциональные и поляризующие материалы, быстро увели ее с нейтральных страниц на специализированные ресурсы. Это были сайты организаций, называющих себя центрами по информированию о культах.

То, что Маргарет там увидела, навсегда изменило ее восприятие реальности.

Сайты пестрели тревожными заголовками, написанными жирным красным шрифтом. Они предлагали тесты на определение того, находится ли ваш близкий человек в опасности. Маргарет читала статьи, написанные самопровозглашенными экспертами, и с каждым абзацем ее сердце билось все быстрее. Тексты изобиловали специфической, пугающей терминологией. Слова «промывание мозгов», «контроль

сознания», «деструктивный культ», «бомбардировка любовью» и «тоталитарная секта» сыпались на нее с экрана, создавая ощущение надвигающегося апокалипсиса.

Эти ресурсы работали по принципу идеального психологического зеркала для тревожных родственников. Они брали абсолютно нормальные, позитивные аспекты жизни религиозной общины и выворачивали их наизнанку, придавая им зловещий смысл.

Лиза нашла новых друзей, которые ее поддерживают? На сайте это называлось «бомбардировкой любовью» — коварной тактикой вербовки, направленной на усыпление бдительности. Лиза стала больше читать Библию и меньше интересоваться светскими развлечениями? Это классифицировалось как «информационный контроль» и «отрыв от реальности». Лиза отдалилась от родителей из-за их постоянной критики? Эксперты на форумах безапелляционно заявляли, что это «целенаправленная изоляция адепта от семьи», инициированная лидерами культа.

Маргарет читала эти тексты, и ее когнитивный диссонанс растворялся. Ей больше не нужно было признавать, что она сама оттолкнула дочь своим давлением. Ей не нужно было пытаться понять духовные поиски Лизы. Интернет дал ей простое, удобное и невероятно страшное объяснение: ее дочь стала жертвой. Лиза больше не была самостоятельной двадцатичетырехлетней женщиной, принимающей собственные решения. В глазах Маргарет она превратилась в безвольного зомби, чей разум был захвачен злоумышленниками.

Искусственная паника, генерируемая этими сайтами, была осязаемой. На одном из форумов Маргарет наткнулась на историческую справку, которая окончательно убедила ее в необходимости радикальных действий. Это была статья, описывающая случай из семидесятых годов, который преподносился как пример родительской самоотверженности.

Маргарет вчитывалась в строки, описывающие историю мистера и миссис Элтон Хеландер из Гилфорда, штат Коннектикут. Статья ссылалась на публикацию в The New York Times от 30 мая 1976 года. Родители боролись с религиозной организацией, к которой присоединилась их дочь Венди. Не одобряя ее решения, они наняли специалистов, похитили ее из центра общины и подвергли процедуре, которая на сайте называлась «депрограммированием». Когда суд рассмотрел их претензии, судья

отклонил иск, постановив, что родители не доказали наличие недопустимого принуждения со стороны церкви.

Но история на этом не заканчивалась. Маргарет читала дальше, затаив дыхание. После суда Венди заявила, что по-прежнему любит родителей, но больше не доверяет им. И она была права. Через некоторое время родители предприняли еще одну попытку. Они пригласили ее на прогулку, а затем снова увезли против ее воли. Девушку удерживали долгое время, постоянно меняя места, чтобы избежать обнаружения полицией, и подвергали непрерывному психологическому давлению. В конце концов Венди удалось сбежать.

Хеландеры потратили десятки тысяч долларов на судебные издержки, оплату услуг депрограммеров и другие расходы, погрязнув в долгах. Но в конце статьи приводилась цитата родителей, которая ударила Маргарет в самое сердце. Они заявили журналистам: «Всё, чего мы хотим для нашей дочери, — это её свободы. Мы должны спасти её разум». В ответ Венди сказала, что надеется на примирение, только если родители «будут готовы принять тот факт, что это именно то место, где я хочу быть».

Для любого объективного читателя эта история была бы хроникой чудовищного насилия, разрушившего семью. Но для Маргарет, чье восприятие уже было искажено антикультовой терминологией, Хеландеры стали героями. Мучениками, которые пожертвовали всем ради спасения ребенка. Фраза «Мы должны спасти ее разум» стала для Маргарет мантрой.

Она разбудила Ричарда в три часа ночи. Она показала ему распечатки, графики, списки признаков «деструктивного культа». Она плакала, убеждая мужа, что их девочка в смертельной опасности, что ее воля подавлена, что полиция им не поможет, потому что закон слеп к «психологическому насилию».

Ричард, привыкший решать проблемы быстро и эффективно, посмотрел на контакты, указанные в конце одной из статей. Там предлагались услуги «специалистов по выходу» — людей, которые за солидный гонорар обещали вернуть близкого человека в реальный мир.

— Если они действительно промыли ей мозги, — тяжело произнес Ричард, глядя на темное окно, — значит, мы должны вытащить ее оттуда. Чего бы это ни стоило.

Они не понимали, что в этот момент сами стали жертвами манипуляции. Терминология, созданная для стигматизации мирных групп, сработала безупречно. Она

отключила их родительскую эмпатию, заменив ее холодным, безжалостным желанием «спасти» дочь любой ценой, даже если для этого придется применить к ней насилие.

В Нью-Йорке стоял ясный, прохладный день. Эмили Картер сидела за столиком в шумном кафе на Лексингтон-авеню, просматривая свои записи. До встречи с экспертом, контакт которого ей передал редактор Грег, оставалось пятнадцать минут.

Эмили привыкла тщательно готовиться к интервью. Получив задание написать разоблачительный материал о «деструктивном культе» в Айдахо, она первым делом изучила присланные Грегом ссылки. Тексты были эмоциональными, полными боли родственников и жестких обвинений в адрес общины. Эмили, как человек светский и рациональный, изначально была склонна доверять этим материалам. Идея о том, что некая группа может использовать психологические техники для подавления воли человека, казалась ей вполне правдоподобной. В конце концов, она писала о нарушениях прав человека, а лишение свободы воли — это фундаментальное нарушение.

Однако ее журналистский инстинкт требовал проверки фактов. Она решила изучить теоретическую базу, на которую опирались авторы этих статей. Все они, так или иначе, ссылались на концепцию «контроля сознания» и конкретные модели оценки деструктивности.

Колокольчик над дверью кафе звякнул, и внутрь вошел мужчина лет пятидесяти. Он был одет в безупречный темно-синий пиджак поверх водолазки, его седеющие волосы были аккуратно зачесаны назад. Он излучал уверенность и спокойствие человека, который точно знает, как устроен мир. Это был Артур Вэнс — тот самый «эксперт по культам», рекомендованный редакцией.

Эмили подняла руку, привлекая его внимание. Вэнс подошел, обменялся с ней крепким рукопожатием и заказал двойной эспрессо.

— Рад встрече, Эмили, — его голос был глубоким, с хорошо поставленными интонациями лектора. — Ваш редактор сказал, что вы готовите большой материал по ситуации в Бойсе. Это очень своевременно. Общество должно знать о методах, которые используют эти группы.

— Спасибо, что согласились встретиться, мистер Вэнс, — Эмили включила диктофон, положив его на стол между ними. — Я изучила материалы, которые мне прислали. Истории родственников звучат ужасающе. Но мне, как журналисту, нужно

понять механику процесса. Как именно мирная на вид группа по изучению Библии превращается в то, что вы называете деструктивным культом?

Вэнс снисходительно улыбнулся, словно врач, выслушивающий наивный вопрос пациента.

— Видите ли, Эмили, проблема в том, что мы привыкли оценивать религиозные группы по их фасаду. Благотворительность, улыбки, песнопения — это лишь витрина. Суть деструктивного культа заключается не в том, во что они верят, а в том, как они контролируют своих членов. Чтобы понять это, мы в профессиональном сообществе используем модель BITE, разработанную Стивеном Хассаном. Это один из самых известных инструментов в нашей работе.

Эмили кивнула, делая пометку в блокноте. Имя Стивена Хассана уже попадалось ей при подготовке.

— Модель BITE, — продолжил Вэнс, загибая пальцы, — это аббревиатура. Behavior, Information, Thought, Emotion. Контроль поведения, информации, мышления и эмоций. Если группа диктует вам, с кем общаться, что читать, как интерпретировать реальность и заставляет испытывать постоянное чувство вины за сомнения — это культ. Они ломают критическое мышление человека. Жертва теряет способность принимать самостоятельные решения. Ей буквально промывают мозги.

Вэнс говорил гладко, без единой запинки. Его слова звучали логично и пугающе. Но пока он говорил, Эмили мысленно возвращалась к результатам своего утреннего исследования.

Готовясь к интервью, она решила проверить биографию создателя этой модели. Исторические факты, которые она обнаружила, оказались весьма примечательными. Стивен Хассан, автор книги «Combating Cult Mind Control», изданной в 1988 году, сам в молодости был членом Церкви Объединения. В конце семидесятых годов его семья организовала его насильственное извлечение из группы и последующее депрограммирование. После этого опыта Хассан сам стал заниматься «консультированием по выходу».

Но Эмили насторожило другое. Позиционируя себя как ведущего мирового эксперта по психическому здоровью и контролю сознания, Хассан не был врачом-психиатром и не имел докторской степени по клинической психологии. Его академический фундамент составляла степень магистра образования в области

консультативной психологии (M.Ed.), полученная в 1985 году в Кембриджском колледже, а позднее — докторская степень (PhD) по организационному развитию и изменениям. При этом Кембриджский колледж, как и многие подобные учебные заведения, ориентировался на практическую переподготовку специалистов, а не на фундаментальные исследования в области нейробиологии или когнитивной психологии, что и заставляло Эмили сомневаться в строгой научной базе его методов.

Более того, Эмили нашла статьи академических социологов религии, которые подвергали модель ВІТЕ жесткой критике. Ученые указывали на то, что критерии Хассана настолько широки и размыты, что при желании их можно применить к любой структурированной организации. Армия США контролирует поведение, информацию, мысли и эмоции новобранцев в тренировочном лагере. Строгие монастыри делают то же самое тысячелетиями. Даже крупные корпорации с агрессивной корпоративной культурой подпадают под многие пункты этой модели. Социологи утверждали, что модель ВІТЕ — это не научный инструмент, а идеологический конструкт, созданный для стигматизации неугодных групп.

— Мистер Вэнс, — Эмили прервала его монолог, стараясь, чтобы ее голос звучал нейтрально. — Я читала о модели ВІТЕ. Но некоторые академические исследователи отмечают, что эта концепция не имеет строгой эмпирической базы в современной психологии. Разве мы не рискуем назвать «промыыванием мозгов» просто сильное социальное влияние, которое добровольно принимает взрослый человек?

Улыбка Вэнса стала чуть более жесткой. В его глазах мелькнуло раздражение, которое он быстро скрыл за маской профессиональной озабоченности.

— Академики сидят в башнях из слоновой кости, Эмили. Они изучают тексты, а мы работаем с живыми людьми, чьи жизни разрушены. Когда вы видите мать, которая плачет, потому что ее дочь отказывается с ней разговаривать, вы понимаете, что это не «добровольный выбор». Это результат целенаправленной психологической манипуляции. Люди в этих группах не способны к критическому мышлению. Их личность стерта и заменена культовой идентичностью.

— И что вы предлагаете делать в таких случаях? — спросила Эмили, внимательно наблюдая за собеседником. — Если человек, по вашим словам, не способен мыслить критически, но при этом формально не нарушает закон и заявляет, что счастлив?

Вэнс подался вперед, опираясь локтями на стол. Его голос стал тише, приобретая доверительные, почти заговорщические интонации.

— Иногда, Эмили, чтобы спасти утопающего, нужно схватить его за волосы, даже если ему это больно. Эти люди больны. Они инфицированы деструктивной идеологией. Их надо спасать. Иногда даже против их воли. Потому что их воля им больше не принадлежит. Семьи имеют полное моральное право вмешиваться, нанимать специалистов и извлекать своих близких из этой токсичной среды для проведения интенсивного консультирования.

Эмили почувствовала, как по спине пробежал легкий холодок. Журналистский опыт научил ее внимательно слушать не только то, что люди говорят, но и то, как они это формулируют. Вэнс использовал клиническую, медицинскую терминологию — «инфицированы», «больны», «интенсивное консультирование» — для описания действий, которые в юридическом поле имели совершенно другие названия.

«Извлекать против их воли».

Эмили опустила взгляд на свой блокнот. Она вспомнила историю Венди Хеландер, которую читала утром. Родители тоже считали, что спасают разум дочери, когда увозили и удерживали ее против воли.

Вэнс продолжал говорить, приводя примеры того, как успешно его коллеги «возвращали к реальности» бывших членов различных групп. Он говорил с чрезмерной, абсолютной категоричностью. В его мире не было полутонов, не было места для сложных духовных поисков, кризисов идентичности или права на ошибку. Был только черно-белый мир, где существовали коварные «культы» и благородные «спасители».

Именно эта безапелляционная уверенность посеяла в уме Эмили первые, пока еще слабые зерна сомнения. Она привыкла общаться с правозащитниками, юристами, учеными. Настоящие специалисты всегда оставляли пространство для сомнений, всегда признавали сложность человеческой природы. Вэнс же говорил лозунгами. Его риторика была пугающе похожа на фанатизм, с которым он якобы боролся.

— Вы упомянули ситуацию в Бойсе, — Эмили перевела разговор в практическое русло. — Группа, в которой состоит Лиза Моррисон. У вас есть конкретные доказательства того, что там применяется насилие или вымогательство?

— Нам не нужны финансовые отчеты или синяки на теле, чтобы поставить диагноз, — отрезал Вэнс. — Родители Лизы предоставили нам исчерпывающую информацию об изменениях в ее поведении. Она отдалилась от семьи, изменила пищевые привычки, все свободное время проводит с группой. Это классический паттерн. Девушка находится под глубоким психологическим влиянием. Ее родители поступили абсолютно правильно, обратившись к профессионалам. Мы консультируем их по вопросам того, как лучше всего организовать интервенцию.

— Интервенцию? — переспросила Эмили.

— Возвращение в семью, — мягко поправил Вэнс, отпивая кофе. — Процесс депрограммирования культовой идентичности. Это сложная, иногда болезненная процедура, но она необходима. Вы должны написать об этом, Эмили. Вы должны показать читателям, что культы — это не люди в мантиях, приносящие жертвы в лесу. Это милые молодые люди с гитарами, которые незаметно крадут души ваших детей. И единственный способ борьбы с ними — это решительные действия семей.

Интервью продлилось еще сорок минут. Вэнс щедро делился контактами убитых горем родственников, рекомендовал литературу и предлагал свою помощь в вычитке готового материала, «чтобы терминология была использована корректно».

Когда они попрощались и Вэнс вышел из кафе, растворившись в толпе на Лексингтон-авеню, Эмили осталась сидеть за столиком. Она выключила диктофон. Перед ней лежал блокнот, исписанный терминами: «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «интервенция», «спасение против воли».

Она получила именно то, что просил редактор. Идеальный каркас для разоблачительной статьи. Готовый нарратив о коварной секте и несчастных родителях, борющихся за своего ребенка. Ей оставалось только позвонить Маргарет Моррисон, записать ее слезное интервью и сдать текст, который соберет тысячи просмотров.

Но Эмили смотрела на свои записи и не могла избавиться от чувства глубокого дискомфорта.

Она вспомнила фразу Вэнса: «Их надо спасать. Иногда даже против их воли».

В правовом государстве, о котором Эмили писала годами, никто не имел права лишать взрослого, дееспособного человека свободы передвижения только на основании того, что кому-то не нравятся его убеждения. Никто не имел права применять силу,

прикрываясь заботой о «психическом здоровье», если это здоровье не оценивал независимый суд и сертифицированные врачи.

Вэнс и сайты, которые читали родители Лизы, создали параллельную систему правосудия. Систему, в которой диагноз ставился по интернету, приговор выносился испуганными родственниками, а наказание приводилось в исполнение наемными «специалистами». И все это оправдывалось теорией человека без медицинского или клинично-психологического докторского образования, чья модель оставалась предметом серьезных споров.

Эмили убрала блокнот в сумку и вышла на улицу. Осенний ветер бросил ей в лицо горсть сухих листьев. Она достала телефон и открыла список контактов. Там был номер Маргарет Моррисон, который дал ей Вэнс. Но ее палец замер над экраном.

Если Вэнс так легко оправдывал насилие ради «спасения», и если родители Лизы следовали его инструкциям, то что именно означало слово «интервенция» в их словаре? И где сейчас находилась Лиза Моррисон, чью волю они решили сломать ради ее же блага?

Глава 3. Исчезновение

В более чем двух тысячах миль от заклеенного черным пластиком мотеля в Айдахо, в просторной, залитой утренним светом аудитории Колумбийского университета в Нью-Йорке, профессор Марк Чень стоял перед доской. Ему было сорок пять лет. Американец китайского происхождения, он обладал тихим, но удивительно глубоким голосом, который заставлял студентов прислушиваться к каждому его слову. Марк специализировался на социологии религии и посвятил последние пятнадцать лет изучению новых религиозных движений.

Аудитория была полна. Студенты старших курсов, будущие социологи, юристы и религиоведы, открыли ноутбуки, готовясь конспектировать лекцию.

Марк взял кусок мела и крупными печатными буквами написал на доске одно слово: КУЛЬТ.

Затем он повернулся к аудитории, выдержал паузу и резким движением перечеркнул это слово двумя жирными диагональными линиями. Рядом он написал: НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ (НРД).

— Доброе утро, — начал Марк, отряхивая руки от меловой пыли. — Сегодня мы поговорим о терминологии. О словах, которые мы используем для описания реальности, и о том, как эти слова могут стать инструментом оправданного насилия.

Он прошелся вдоль первых рядов парт, внимательно глядя на студентов.

— Если вы откроете любую популярную газету, включите ток-шоу или зайдете на форумы обеспокоенных родителей, вы неизбежно столкнетесь со словом «культ» или словосочетанием «деструктивная секта». Эти термины используются для описания групп, которые кажутся обществу странными, непонятными или чрезмерно закрытыми. Но вот в чем проблема, коллеги. В современной академической социологии религии термин «культ» считается оценочным и часто стигматизирующим. Это ярлык, который слишком легко подменяет анализ приговором.

Студентка в третьем ряду подняла руку.

— Профессор Чень, но ведь существуют группы, которые действительно изолируют своих членов, требуют финансовых пожертвований и жестко контролируют их жизнь. Разве мы не должны как-то отличать их от традиционных религий?

— Отличный вопрос, Сара, — Марк кивнул. — Давайте разберем его. Требование финансовых пожертвований? Традиционные церкви собирают десятину веками. Изоляция? Закрытые монастырские ордена практикуют обет молчания и полный отказ от внешнего мира. Жесткий контроль жизни? Попробуйте нарушить устав ортодоксальной религиозной общины с многовековой историей. Разница между «традиционной религией» и «культом» в глазах обывателя часто заключается лишь во времени существования группы и ее социальном статусе.

Марк вернулся к кафедре и оперся на нее руками.

— Серьезные ученые используют нейтральный термин — «новые религиозные движения», или НРД. Этот термин позволяет нам изучать феномен объективно, без изначальной презумпции виновности. Когда вы называете группу «культом», вы прекращаете научный анализ. Вы выносите приговор. Вы говорите обществу: «Эти люди опасны, их убеждения нелегитимны».

Он включил проектор, и на экране за его спиной появилась дата: 1987 год.

— Чтобы оправдать использование ярлыка «культ», антикультовое движение популяризировало теорию «промывания мозгов» или «контроля сознания». Идея заключается в том, что взрослые, дееспособные люди присоединяются к этим группам не по своей воле, а потому что их разум был взломан с помощью неких гипнотических или психологических техник. Эта теория стала главным оправданием для насильственного извлечения людей из религиозных групп — процесса, известного как депрограммирование.

Марк переключил слайд. На экране появился логотип Американской психологической ассоциации (АРА).

— Но вот исторический факт, о котором антикультовые активисты предпочитают молчать. В начале восьмидесятых годов Американская психологическая ассоциация создала специальную рабочую группу по обманным и косвенным методам убеждения и контроля, известную как DIMPAC. В эту группу входили некоторые заметные сторонники теории «промывания мозгов», включая Маргарет Сингер. Их задачей было научно обосновать, что новые религиозные движения используют принудительное убеждение для подавления воли своих членов.

В аудитории воцарилась абсолютная тишина. Студенты перестали печатать, захваченные рассказом.

— В 1987 году, — голос Марка стал жестче, чеканя каждое слово, — Совет по социальной и этической ответственности в психологии при АРА рассмотрел итоговый доклад этой группы. И отказался придать ему статус позиции АРА. Комитет BSERP заключил, что доклад не содержит необходимой научной строгости и сбалансированного критического подхода. Фактически это означало, что представленная версия теории «промывания мозгов» и «принудительного убеждения» не получила научного одобрения АРА.

Марк вывел на экран точную цитату из решения АРА, давая студентам время прочитать ее.

— Понимаете, что это значит? — спросил он, обводя взглядом аудиторию. — Одна из крупнейших профессиональных организаций в области психологии в Соединенных Штатах не подтвердила тезис о том, что новые религиозные движения обладают особой технологией подавления воли, которую можно использовать как готовое объяснение

обращения человека. Люди присоединяются к новым религиозным движениям по тем же причинам, по которым они меняют работу, вступают в политические партии или женятся — они ищут смысл, общность, структуру. Иногда они разочаровываются и уходят. Иногда остаются на всю жизнь. Но это их выбор.

— Но профессор, — подал голос студент с заднего ряда. — Если наука отвергла поставила под сомнение такие версии этой теории еще в 1987 году, почему мы до сих пор постоянно слышим о «промывании мозгов» в новостях? Почему семьи нанимают людей для спасения своих детей?

Марк тяжело вздохнул. В его глазах отразилась глубокая, застарелая печаль человека, который годами наблюдает за тем, как ложь разрушает человеческие жизни.

— Потому что страх продается лучше, чем социология, — тихо ответил он. — Когда родители видят, что их ребенок меняет систему ценностей, отказывается от карьеры ради духовных поисков или отдаляется от семьи, они испытывают боль и растерянность. Признать, что это осознанный выбор их ребенка — значит признать собственное бессилие или ошибки в воспитании. Антикультовая индустрия предлагает им удобную таблетку. Она говорит: «Ваш ребенок не виноват. Вы не виноваты. Виноват злой культ, который промыл ему мозги».

Марк выключил проектор. Экран погас, оставив аудиторию в естественном свете из окон.

— Проблема в том, что эти самопровозглашенные «эксперты» создали замкнутый круг. Они сами определяют, что является «культом». Они сами решают, кто «подвергся промыванию мозгов». И они сами предлагают «лечение» — за огромные деньги. Нет никакого внешнего научного контроля. Нет никаких медицинских лицензий, дающих право на такое вмешательство. И самое страшное: когда вы объявляете человека «зомбированным», вы лишаете его базовых гражданских прав. Вы оправдываете любое насилие над ним, потому что убеждаете себя, что спасаете его душу. Вы перестаете видеть в нем человека со свободой воли и начинаете видеть сломанный объект, который нужно починить. Любой ценой.

Цена этого «спасения» прямо сейчас взималась в номере мотеля в Айдахо.

Прошло сорок восемь часов с момента похищения. Для Лизы Моррисон время превратилось в вязкую, бесконечную пытку. Она сидела на жестком деревянном стуле в

центре комнаты. Ее глаза покраснели и слезились от яркого света лампы, которую депрограммисты не выключали ни на секунду.

Она не спала двое суток.

Каждый раз, когда ее веки тяжелели и голова падала на грудь, один из мужчин — их оказалось двое, они работали посменно — подходил и резко тряс ее за плечи, или громко хлопал в ладоши прямо над ухом.

— Просыпайся, Лиза! — кричал Дэвид, высокий мужчина с тяжелой челюстью. — Зомби не спят! Твой пастор не разрешал тебе спать, когда промывал тебе мозги, так почему мы должны?

Это была ложь. В общине никто не контролировал ее сон. Но депрограммисты не интересовались фактами. Они создавали свою собственную реальность, в которой Лиза была жертвой жестокого культа, и методично вбивали эту реальность в ее измученный разум.

Многочасовые допросы напоминали допросы военнопленных. Они не задавали вопросов, чтобы получить ответы. Они задавали вопросы, чтобы сломать ее защиту.

— Почему ты отдала им свои сбережения? — наседала Бренда, расхаживая вокруг стула.

— Я... я пожертвовала двести долларов на обеды для бездомных, — язык Лизы заплетался, во рту пересохло. Ей давали воду только маленькими глотками, ровно столько, чтобы она могла говорить.

— Ложь! — рявкнул Дэвид, ударив кулаком по столу. — Ты финансировала мошенников! Твой лидер покупает себе машины на твои деньги! Признай это!

— У него старая «Хонда» ... — прошептала Лиза, чувствуя, как по щекам снова текут слезы бессилия.

— Ты не способна думать сама! — Бренда остановилась прямо перед ней, нависая над стулом. — Каждое твое слово — это заученная программа. Ты пустая оболочка. Твоя личность стерта. Мы должны вычистить эту грязь из твоей головы.

Они оскорбляли ее веру с изощренной, методичной жестокостью. Они называли ее молитвы психотическим бредом. Они высмеивали ее друзей из общины, называя их неудачниками, извращенцами и социальными паразитами. Они заставляли ее слушать

аудиозаписи с лекциями антикультовых экспертов, где монотонные голоса рассказывали о «контроле сознания» и «деструктивных сектах».

На исходе вторых суток Бренда применила тактику, которая должна была стать финальным ударом. Она принесла в комнату личную Библию Лизы, ту самую, которая была в ее сумке в момент похищения. Книга, в которой Лиза делала пометки на полях, которая была с ней в самые тяжелые моменты ее депрессии.

Бренда встала перед Лизой, открыла Библию и медленно, с наслаждением, начала вырывать из нее страницы.

Звук рвущейся тонкой бумаги в тишине комнаты был оглушительным.

— Нет... пожалуйста, не надо, — Лиза попыталась встать, но Дэвид грубо толкнул ее обратно на стул, больно сдавив плечи.

— Это не священный текст, Лиза, — спокойно говорила Бренда, бросая скомканные страницы на пол, прямо под ноги девушке. — Это инструкция по эксплуатации твоего мозга. Это яд. И мы выведем этот яд.

Бренда чередовала агрессию с показной, удушающей заботой. Вырвав еще несколько страниц, она вдруг присела на корточки, взяла холодные, дрожащие руки Лизы в свои и заглянула ей в глаза с выражением безграничной нежности.

— Милая моя девочка, — проворковала она, поглаживая Лизу по костяшкам пальцев. — Мы не хотим делать тебе больно. Твоя мама плачет каждый день. Твой отец не находит себе места. Они заплатили нам, потому что любят тебя больше жизни. Все, что тебе нужно сделать — это признать, что ты была под контролем. Признай, что община — это секта. Скажи это. Скажи: «Мне промыли мозги». И мы сразу же дадим тебе поспать. Мы закажем горячую еду. Ты сможешь позвонить маме. Просто скажи это.

Лиза смотрела в глаза Бренды и видела в них абсолютную, непробиваемую стену. Эти люди были уверены в своей правоте. Они искренне верили, что совершают благое дело, пытая ее бессонницей и унижениями. Академические споры о спорности термина «культ», решения психологических ассоциаций, конституционные права — все это не имело здесь никакого значения. В этой заклеенной пластиком комнате действовал только один закон: закон силы, оправданной псевдомедицинской терминологией.

— Я... я не могу, — прошептала Лиза, закрывая глаза. — Это неправда.

Лицо Бренды мгновенно окаменело. Она отбросила руки Лизы и выпрямилась.

— Значит, программа сидит слишком глубоко, — констатировала она холодным тоном. Она повернулась к Дэвиду. — Она сопротивляется терапии. Если к утру не будет прогресса, мы переходим к плану «Б».

Дэвид подошел ближе, нависая над Лизой.

— Слушай меня внимательно, сектантка, — его голос был тихим и угрожающим. — Если ты не начнешь сотрудничать, мы вызовем психиатра из нашей сети. Он поможет оформить всё так, будто ты представляешь опасность для себя, а твои родители подтвердят его слова. После этого тебя могут увезти на принудительное обследование, и там уже никто не будет слушать твои рассказы про похищение. Ты проведешь там столько, сколько понадобится, чтобы тебя сломать. Никто из твоих дружков не сможет тебя вытащить. Выбор за тобой.

Лиза осталась сидеть на стуле. Дэвид отошел в угол комнаты, налил себе кофе из термоса и открыл журнал. Бренда села на кровать, методично продолжая вырывать страницы из Библии и складывать их в аккуратную стопку.

Свет лампы резал глаза. В голове Лизы стоял непрерывный гул от усталости. Ее тело ломило от боли, а разум балансировал на грани галлюцинаций. Тени в углах комнаты казались живыми, они тянулись к ней, шепча слова, которые она не могла разобрать.

Она посмотрела на скомканные страницы на полу. На свои руки, покрытые синяками. На заклеенное окно, за которым, возможно, был день, а возможно — глубокая ночь.

В этот момент Лиза поняла самую страшную правду о своих похитителях. Им не нужна была истина. Им не нужно было ее благополучие. Им нужно было ее полное, безоговорочное подчинение. Они собирались разобрать ее личность на части, уничтожить ее волю и собрать заново по своему чертежу, называя это насилие «возвращением к нормальной жизни».

И никто в целом мире не знал, где она находится. Никто не слышал ее криков.

Лиза закрыла глаза, чувствуя, как темнота внутри нее становится гуще и тяжелее, чем темнота за заклеенными окнами мотеля. Она сделала судорожный вдох, пытаясь удержаться за остатки своего рассудка, пока тишина комнаты нарушалась лишь мерным, безжалостным звуком рвущейся бумаги.

Глава 4. Две стороны одной монеты

Дождь барабанил по панорамным окнам юридической конторы на Нижнем Манхэттене, размывая огни офисных башен и уличных вывесок в сплошные неоновые пятна. Эмили Картер сидела в приемной, нервно перелистывая страницы своего блокнота. Последние несколько дней она провела, погрузившись в изучение материалов, предоставленных редактором и тем самым «экспертом», Артуром Вэнсом. У нее на руках был готовый черновик статьи — эмоциональный, жесткий текст о том, как религиозная группа в Айдахо разрушает семьи и лишает молодых людей свободы воли. Текст был хорош. Он гарантированно принес бы изданию сотни тысяч просмотров.

Но профессиональная привычка проверять все досконально не давала Эмили покоя. Вэнс много говорил о «спасении» и «интервенциях», но старательно обходил стороной юридическую сторону вопроса. Как именно происходит это извлечение? Кто дает на него санкцию? Если человек совершеннолетний, разве можно просто увезти его силой, даже если родители считают его «зомбированным»? Эмили нужен был комментарий независимого юриста, специализирующегося на гражданских правах и свободе совести. Коллеги из правозащитных организаций посоветовали ей обратиться к Дэниелу Мбеки.

Дверь кабинета открылась, и помощница пригласила Эмили войти. Дэниел сидел за массивным дубовым столом, заваленным папками и распечатками судебных прецедентов. Он выглядел уставшим, но его взгляд оставался цепким и внимательным.

— Мисс Картер, — Дэниел указал на кресло напротив. — Мне сказали, вы готовите материал о религиозных свободах и границах вмешательства семьи. Чем могу помочь?

Эмили достала диктофон, но пока не стала его включать.

— Мистер Мбеки, я пишу статью о конкретном случае в штате Айдахо. Город Бойсе. Речь идет о небольшой христианской общине, которая, по утверждениям родственников и профильных специалистов, обладает всеми признаками деструктивного культа. Родители одной из девушек, состоящих в этой группе, инициировали процесс так

называемой интервенции, чтобы вернуть дочь в семью. Мне нужен ваш комментарий о том, как закон трактует подобные действия. Где проходит грань между правом взрослого человека на свободу вероисповедания и правом семьи на оказание экстренной психологической помощи, если человек находится под контролем сознания?

Дэниел перестал делать пометки в своем блокноте. Он медленно поднял глаза на Эмили. В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь шумом дождя за окном.

— Как, вы сказали, называется эта община? — его голос прозвучал неестественно ровно.

Эмили назвала группу.

Дэниел отложил ручку. Он смотрел на журналистку так, словно она только что призналась в соучастии в преступлении.

— Мисс Картер, — произнес он, тщательно подбирая слова. — Вы понимаете, что именно вы сейчас назвали «экстренной психологической помощью» и «интервенцией»?

— Я использую терминологию экспертов, с которыми консультировалась, — Эмили почувствовала внезапный укол тревоги. Реакция юриста была совершенно не той, которую она ожидала.

— Позвольте мне перевести эту терминологию на язык уголовного права, — Дэниел подался вперед, опираясь локтями на стол. — То, что ваши эксперты называют «интервенцией», в реальности выглядит так: трое суток назад молодую женщину по имени Лиза Моррисон подстерегли у дверей ее собственной квартиры. Двое крепких мужчин скрутили ее, бросили лицом на металлический пол фургона и увезли в неизвестном направлении. Ее телефон исчез вместе с ней. Прямо сейчас, пока мы с вами сидим в этом теплом кабинете, ее удерживают против ее воли, вероятно лишают сна и подвергают жесточайшему психологическому давлению.

Эмили почувствовала, как кровь отливает от лица. Воздух в кабинете внезапно стал спертым.

— Откуда... откуда вы это знаете? — прошептала она.

— Потому что ко мне обратилась старшая сестра Лизы, — жестко ответил Дэниел. — Полиция Бойсе фактически свернула проверку, потому что ее родители — те самые люди, которые наняли похитителей — заявили, что она находится в безопасности и

проходит «лечение». Они использовали те же самые слова, которые сейчас произнесли вы: «деструктивный культ», «контроль сознания», «спасение». И эти слова сработали как идеальная дымовая завеса для тяжкого уголовного преступления.

Эмили смотрела на свои записи, лежащие на коленях. Строки ее черновика, в которых она с таким сочувствием описывала страдания родителей и коварство общины, вдруг показались ей написанными кровью. Она пришла сюда за юридическим комментарием, чтобы придать своему тексту вес, а вместо этого с ужасом осознала, что пишет заказной материал против жертвы похищения.

— Мой редактор... он дал мне контакты эксперта, — голос Эмили дрогнул. — Этот человек убедил меня, что девушка не способна мыслить самостоятельно. Что она в опасности.

— Опасность исходит не от общины, мисс Картер, — Дэниел открыл одну из папок на столе. — Опасность исходит от индустрии, которая зарабатывает огромные деньги на страхах родственников. Они создают панику, навешивают ярлыки, а затем предлагают свои услуги по насильственному извлечению. И самое страшное в этой схеме — это роль медиа. Такие статьи, как ваша, легитимизируют это насилие. Вы создаете общественный консенсус, при котором похищение человека перестает считаться преступлением, если этот человек верит во что-то «неправильное». Вы — часть их механизма оправдания.

Слова юриста ударили Эмили наотмашь. Она всегда гордилась своей объективностью, своей защитой прав уязвимых. А сейчас она стояла в шаге от того, чтобы стать рупором тех, кто эти права уничтожает. Медийная стигматизация, в которой она чуть не приняла участие, была не просто ошибкой в оценках. Она была катализатором реального, физического насилия. Без таких статей, без нагнетания истерии в прессе, полиция никогда бы не закрыла глаза на похищение человека.

— Я не знала, — тихо сказала Эмили, закрывая свой блокнот. — Клянусь вам, я не знала о похищении.

— Теперь знаете, — Дэниел посмотрел на нее уже без враждебности, но с ожиданием. — Вопрос в том, что вы будете делать с этой информацией. Я готовлю экстренные обращения в Айдахо, но система сопротивляется. Нам противостоят большие деньги и укоренившиеся предрассудки.

Эмили медленно убрала диктофон в сумку. В ее голове происходил тектонический сдвиг. Картина мира, которую ей так старательно рисовал редактор и нанятый эксперт, рухнула, обнажив уродливую, жестокую реальность.

— Я не буду публиковать эту статью, — твердо произнесла она, поднимая взгляд на Дэниела. — Я откажусь от заказа. Но я не брошу эту тему. Если то, что вы говорите, правда... если существует целая сеть людей, которые похищают граждан США под прикрытием психологической помощи, и полиция им потворствует — это самый масштабный кризис гражданских прав, с которым я когда-либо сталкивалась. Я хочу помочь вам. Я хочу расследовать, как работает эта индустрия.

Дэниел несколько секунд изучал ее лицо, оценивая искренность. Затем он кивнул и придвинул к ней пустой блокнот.

— Тогда садитесь, мисс Картер. Нам предстоит много работы. И времени у нас почти нет. С каждым часом, который Лиза проводит в руках этих людей, ее психике наносится непоправимый ущерб.

Седьмой день заточения в мотеле где-то в Айдахо начался так же, как и предыдущие шесть — без восхода солнца, без пения птиц, в удушливой атмосфере заклеенной черным пластиком комнаты.

Лиза Моррисон сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене ванной комнаты. Она потеряла счет времени. Граница между реальностью и бредом стерлась, превратившись в серую, пульсирующую массу. Ее тело было истощено до предела. Мышцы сводило судорогой от постоянного напряжения и многочасового сидения на жестком стуле. Губы потрескались, на запястьях багровели глубокие следы от пластиковых хомутов, которыми ее связывали в первые дни, когда она еще пыталась сопротивляться.

Бренда и Дэвид работали с пугающей, методичной эффективностью. Они не били ее — физическое насилие закончилось в фургоне. Их методы были гораздо изощреннее. Они лишали ее базовых биологических потребностей: сна, нормальной пищи, тишины. Они создали вокруг нее вакуум, который заполняли только своими голосами. Часами, сменяя друг друга, они кричали на нее, унижали ее веру, высмеивали ее друзей, а затем внезапно меняли тон, предлагая чай, поглаживая по голове и умоляя «просто признать правду ради мамы».

Лиза чувствовала, как ее разум начинает сдаваться. Это было похоже на медленное погружение в темную воду. Защитные барьеры психики, лишенные подпитки сном, рушились один за другим. В какие-то моменты она ловила себя на том, что слова Бренды начинают казаться ей логичными. Может быть, она действительно больна? Может быть, ее друзья из общины действительно манипулировали ею?

Но где-то на самом дне ее сознания, в той крошечной части личности, до которой похитители еще не добрались, пульсировал инстинкт самосохранения.

В то утро Дэвид в очередной раз включил аудиозапись с лекцией какого-то антикультового деятеля. Монотонный голос из портативной колонки вещал о том, как секты разрушают личность. Бренда сидела на краю кровати, попивая кофе и внимательно наблюдая за Лизой.

— Ты выглядишь ужасно, милая, — сочувственно произнесла Бренда. — Твои глаза совсем ввалились. Зачем ты продолжаешь мучить себя и нас? Твой пастор сейчас спит в теплой постели, а ты гниешь здесь ради его амбиций. Просто скажи, что ты понимаешь это. Скажи, что ты готова вернуться в реальный мир.

Лиза подняла тяжелые веки. Она посмотрела на Бренду, затем на заклеенное окно. Она вспомнила угрозу Дэвида отправить ее в закрытую психиатрическую клинику, где ее накачают препаратами до состояния овоща. Она поняла с кристальной, ледяной ясностью: они никогда ее не отпустят. Никакие логические аргументы, никакие мольбы о пощаде, никакие ссылки на закон здесь не работают. Эти люди — фанатики своей собственной индустрии. У них есть четкий сценарий, и они не откроют дверь, пока Лиза не сыграет в этом сценарии отведенную ей роль.

Единственный путь к свободе лежал через капитуляцию. Но не настоящую.

Лиза опустила голову, позволяя волосам скрыть лицо. Она заставила себя вспомнить самые болезненные моменты своей жизни — разрыв с женихом, смерть любимой собаки в детстве, чувство абсолютного одиночества. Слезы, настоящие, горькие слезы, покатались по ее щекам. Она начала тихо всхлипывать, раскачиваясь из стороны в сторону.

Бренда мгновенно отставила кофе и подошла к ней.

— Лиза? Что с тобой?

— Я... я так устала, — прорыдала Лиза, вкладывая в эти слова всю свою физическую боль. — Я больше не могу. Вы правы. Вы во всем правы.

Дэвид выключил аудиозапись. В комнате повисла напряженная тишина, прерываемая только рыданиями девушки.

— В чем мы правы, Лиза? — голос Бренды стал вкрадчивым, почти гипнотическим. Она присела на корточки перед Лизой, заглядывая ей в лицо. — Скажи это вслух.

Лиза заставила себя поднять глаза. Она посмотрела прямо в лицо своей мучительнице и произнесла слова, которые от нее требовали все эти семь дней. Слова, которые разрывали ее изнутри, но которые были ключом к замку на двери.

— Мне промыли мозги. Я была слепа. Эта община... это деструктивная секта. Они контролировали меня. Они забрали мою волю. Я хочу домой. Я хочу к маме.

Бренда шумно выдохнула. На ее лице расцвела широкая, искренняя улыбка триумфатора. Она обернулась к Дэвиду и торжествующе кивнула. Дэвид тоже улыбнулся, доставая из кармана телефон.

— Слава Богу, девочка моя, — Бренда обхватила Лизу за плечи и крепко прижала к себе. От нее пахло лавандовым мылом и мятными леденцами. Этот запах навсегда останется для Лизы триггером панических атак. — Ты вернулась к нам. Ты прорвала эту блокаду. Мы так гордимся тобой.

Следующие несколько часов были сюрреалистичным театром абсурда. Похитители, которые еще вчера угрожали ей карательной психиатрией и вырывали страницы из ее Библии, внезапно превратились в заботливых сиделок. Дэвид съездил в город и привез горячую еду из хорошего ресторана. Бренда помогла Лизе принять душ, расчесала ей волосы, постоянно щебеча о том, как счастливы будут родители.

Лиза ела горячий суп, чувствуя, как дрожат ее руки. Она продолжала играть свою роль. Она кивала, соглашалась со всем, что они говорили, благодарила их за «спасение». Каждый кусок еды вставал поперек горла от отвращения к самой себе и к этим людям, но она заставляла себя глотать. Она знала: малейшая фальшь, малейший проблеск неповиновения в глазах — и пластиковые хомуты снова сомкнутся на ее запястьях.

Вечером седьмого дня Дэвид сорвал черный пластик с окон. В комнату ворвался свет уличных фонарей. Лиза зажмурилась, по ее щекам снова потекли слезы — на этот раз от физической боли в отвыкших от света глазах.

Ее посадили на заднее сиденье чистого, комфортабельного седана. Бренда села рядом, держа ее за руку. Машина тронулась с места, оставляя позади мотель, ставший для Лизы филиалом ада.

Они приехали в Норт-Энд, к большому, красивому дому семьи Моррисон. Когда машина остановилась на подъездной дорожке, входная дверь распахнулась. На крыльцо выбежала Маргарет Моррисон, за ней спешил Ричард.

Маргарет бросилась к машине, распахнула дверцу и вытащила Лизу наружу, сжимая ее в удушающих объятиях.

— Девочка моя! Моя родная! — Маргарет рыдала в голос, целуя лицо дочери. — Мы спасли тебя! Все закончилось!

Ричард обнимал их обеих, его глаза тоже были красными от слез. Он повернулся к Дэвиду и Бренде, которые скромно стояли у машины, наблюдая за сценой воссоединения.

— Я не знаю, как вас благодарить, — дрожащим голосом произнес Ричард, пожимая руку Дэвиду. — Вы вернули нам нашего ребенка. Вы совершили чудо.

Лиза стояла в объятиях матери, чувствуя себя абсолютно пустой. Она смотрела на своих родителей, которые плакали от счастья, и понимала страшную вещь: они действительно верили в то, что сделали благое дело. Они заплатили огромные деньги людям, которые пытали их дочь, и теперь благодарили их за это. Индустрия антикультизма не просто сломала Лизу — она извратила саму суть родительской любви, превратив ее в инструмент насилия.

— Пойдем в дом, милая, — Маргарет потянула Лизу к крыльцу. — Я приготовила твою любимую комнату. Завтра мы поедем по магазинам, купим тебе новую одежду. Начнем жизнь с чистого листа.

Лиза позволила завести себя в дом. Она выпила чай, который налила ей мать. Она послушно приняла снотворное, которое дал ей отец. Она легла в свою старую детскую кровать, укрылась одеялом и закрыла глаза. Родители посидели рядом, пока ее дыхание не стало ровным, затем тихо вышли, прикрыв дверь.

Лиза подождала ровно час.

Снотворное она не проглотила, спрятав таблетку за щекой, а потом выплюнув ее в салфетку. Как только в доме воцарилась тишина, она бесшумно встала. Ее тело болело, голова кружилась от слабости, но адреналин гнал ее вперед. Она надела кроссовки, взяла с тумбочки ключи от машины матери, которые та неосмотрительно оставила там вечером, и выскользнула через заднюю дверь, ведущую в сад.

Ночной воздух Бойсе обжег ее легкие. Она забралась в машину, завела двигатель и, не включая фар, выехала с подъездной дорожки.

Она не поехала к друзьям в общину — она знала, что родители будут искать ее там в первую очередь. Она не поехала к сестре.

Лиза Моррисон направила машину прямо к центральному управлению полиции Бойсе.

Яркий флуоресцентный свет в зоне дежурного сержанта резал глаза. Лиза стояла у стойки, вцепившись побелевшими пальцами в край столешницы. Дежурный офицер, пожилой мужчина с усталым лицом, оторвался от монитора.

— Мэм? Вы хотите заявить о преступлении?

— Меня похитили, — голос Лизы был хриплым, едва слышным. — Семь дней назад. Меня удерживали силой, лишали сна и издевались надо мной.

Офицер нахмурился, оценивая ее внешний вид: бледная кожа, растрепанные волосы, дрожащие руки.

— Ваше имя, мэм?

— Лиза Моррисон.

Офицер начал вбивать имя в базу данных. Через секунду его пальцы замерли над клавиатурой. Он поднял на нее удивленный взгляд.

— Мисс Моррисон... у нас в системе есть отметка по вашему имени. Ваша сестра подавала заявление о пропаже, но ваши родители официально подтвердили, что вы находитесь на добровольном лечении в частном реабилитационном центре. Проверку приостановили.

— Это ложь, — Лиза заставила себя говорить громче. Она закатала рукава свитера, демонстрируя багровые, глубокие борозды от пластиковых стяжек на запястьях. Затем

она расстегнула воротник, показывая синяки на ключицах, оставленные грубыми пальцами похитителей. — Посмотрите на это. Это похоже на добровольное лечение? Мои родители наняли людей, которые напали на меня у моего дома, бросили в фургон и заперли в мотеле. Я сбежала час назад. Я требую, чтобы вы приняли мое заявление.

Офицер посмотрел на синяки, затем на лицо девушки. Протоколы системы столкнулись с неопровержимыми физическими доказательствами насилия. Он снял трубку телефона.

— Детектив Миллер? Спуститесь вниз. У нас тут... нестандартная ситуация.

К утру маховик правосудия, со скрипом и неохотой, начал раскручиваться. Лизу осмотрел дежурный медик, зафиксировав все телесные повреждения, крайнюю степень истощения и признаки длительной депривации сна. Детективы, наконец осознав серьезность ситуации, отправили наряд в дом Моррисонов. Ричард и Маргарет были в шоке, когда полиция начала задавать вопросы и потребовала назвать людей, которым они заплатили.

В этот же день в Бойсе прилетел Дэниел Мбеки.

Встреча Лизы с Дэниелом и ее сестрой Рэйчел в безопасном номере отеля, снятом юристом, была наполнена слезами облегчения. Но Дэниел не питал иллюзий. Он знал, что самое сложное только начинается.

— Лиза, вы проявили невероятное мужество, — сказал Дэниел, сидя напротив нее с открытым блокнотом. — То, что вы смогли обмануть их и сбежать прямо в полицию, дает нам огромный шанс. Но вы должны быть готовы к тому, что будет дальше. Система не любит признавать свои ошибки. Полиция неохотно начала расследование, и прокуратура может колебаться, прежде чем предъявлять самые жесткие обвинения.

— Почему? — тихо спросила Лиза, кутаясь в плед. — У них есть мои показания. У них есть медицинское заключение о побоях. Мои родители сами признались полиции, что наняли этих людей. Что еще нужно?

— Нужна готовность системы судить этих людей как обычных преступников, — Дэниел тяжело вздохнул. — А они не будут защищаться как обычные преступники. Они будут использовать тактику, которая однажды почти сработала здесь, в Айдахо.

Дэниел достал из портфеля толстую папку с документами и положил ее на стол.

— Я провел ночь в архивах, изучая прецеденты. В 1991 году, здесь же, в Бойсе, произошел случай, пугающе похожий на ваш. Женщина, Лаверн Коллинс-Маккио, была похищена из своего дома. К ней подошел человек под видом доставщика пиццы. Ее повалили на пол фургона, увезли сначала в район Макколл, затем в мотели и гостиничные номера в районе Нампы, Колдуэлла и Бойсе. Ее удерживали семь дней, допрашивали, оскорбляли ее веру. Она тоже притворилась, что депрограммирование удалось, и после освобождения пошла в полицию.

Лиза слушала, широко открыв глаза. Это была страшно близкая версия ее собственного кошмара.

— И что случилось с похитителями? — спросила Рэйчел, сжимая руку сестры. — Их посадили?

— В этом и заключается главная проблема, — Дэниел открыл папку, демонстрируя копии судебных транскриптов. — Когда дело дошло до суда первой инстанции, адвокаты похитителей не стали отрицать сам факт похищения. Они использовали так называемую защиту «крайней необходимости». Они заявили суду: да, мы похитили эту женщину, да, мы удерживали ее силой. Но мы сделали это, чтобы предотвратить большее зло. Мы спасали ее от «промыывания мозгов» и «деструктивного культа». Они пытались добиться права представить эту версию присяжным.

Дэниел сделал паузу, позволяя информации усвоиться.

— И судья первой инстанции разрешил им использовать эту линию защиты.

— Разрешил оправдывать похищение человека «необходимостью»? — Лиза в ужасе отшатнулась.

— Да. Прокуратура подала промежуточную апелляцию, и дело дошло до Верховного суда Айдахо. Верховный суд постановил, что защита «необходимости» не может применяться для оправдания похищения совершеннолетнего человека из-за его религиозных убеждений при отсутствии непосредственной угрозы и при наличии менее насильственных альтернатив. Только после этого, спустя несколько лет после самого похищения, депрограммисты согласились признать себя виновными в похищении второй степени, чтобы избежать более сурового наказания.

Дэниел закрыл папку и посмотрел Лизе прямо в глаза.

— Адвокаты ваших родителей и этих наемников будут делать то же самое. Они превратят суд над похитителями в суд над вашей верой. Они будут доказывать, что вы были недееспособны, что ваша община — это зло, и что они действовали как спасители. Они попытаются убедить суд, что вы — не жертва преступления, а неблагодарная дочь, которая хочет посадить в тюрьму любящих родителей. Это будет грязно, Лиза. Они вытащат на свет каждую деталь вашей жизни. Вы готовы к этому?

Лиза посмотрела на свои запястья, на которых все еще виднелись следы от жестких пластиковых пут. Она вспомнила звук рвущихся страниц ее Библии. Она вспомнила холодный, расчетливый взгляд Бренды, уверенной в своей абсолютной безнаказанности.

— Я готова, — твердо сказала Лиза. — Если мы их не остановим, завтра они придут за кем-то еще.

В Нью-Йорке Эмили Картер сидела за своим рабочим столом. Перед ней лежал распечатанный черновик статьи «В ловушке веры: как деструктивный культ в Айдахо разрушает семьи». Тот самый текст, который она должна была сдать сегодня.

Она взяла телефон и набрала номер Грега, своего редактора.

— Эмили! — бодро ответил Грег. На заднем фоне, как всегда, гудел офис. — Жду твой материал. Верстка уже готова, нам нужен только текст. Как прошло интервью с Вэнсом?

— Грег, я не буду сдавать этот материал, — спокойно произнесла Эмили.

На том конце провода повисла пауза.

— В смысле не будешь? Мы анонсировали лонгрид. Что случилось? Фактуры не хватает?

— Фактуры более чем достаточно, Грег. Проблема в том, что фактура совершенно другая. Девушка, о которой я должна была писать как о жертве культа, была похищена. Настоящее, уголовное похищение. Ее родители наняли людей, которые силой увезли ее, держали взаперти неделю и пытали лишением сна. Она сбежала и сейчас дает показания в полиции.

— Ого! — голос Грега внезапно взлетел на октаву, наполнившись профессиональным азартом. — Эмили, да это же просто бомба! Это делает историю в сто раз круче! Напиши об этом! «Культ настолько опасен, что доведенные до отчаяния

родители идут на крайние меры». Это же готовый голливудский сценарий! Мы дадим заголовок: «Ради спасения дочери: преступление из любви».

Эмили закрыла глаза, чувствуя подступающую тошноту. Грег не слышал ее. Он не видел в Лизе человека, пережившего насилие. Он видел в ней только клики, трафик и скандал. Он был готов оправдать похищение, лишь бы сохранить первоначальный, продаваемый нарратив о «страшной секте».

— Ты не понимаешь, Грег, — Эмили чеканила каждое слово. — Родители пошли на это не потому, что культ опасен. Они пошли на это, потому что такие эксперты, как Вэнс, и такие издания, как наше, убедили их в том, что их дочь — зомби, с которым можно делать все что угодно. Мы создаем эту панику. Мы даем им индульгенцию на насилие. Я не буду в этом участвовать.

— Эмили, не сходи с ума. Ты журналист, а не адвокат. Если ты не напишешь этот текст, его напишет кто-то другой.

— Пусть пишет. Но без моего имени. Я отказываюсь от заказа.

Она сбросила вызов, не дожидаясь ответа.

В квартире было тихо. Эмили посмотрела на черновик своей статьи. Она взяла красный маркер и жирной линией перечеркнула заголовок «В ловушке веры».

Она поняла, что столкнулась с чем-то гораздо большим, чем локальный конфликт в Айдахо. Это была система. Хорошо смазанный конвейер, в котором каждый выполнял свою роль. Эксперты создавали псевдонаучные теории. Медиа разгоняли истерию. Родители платили деньги. Наемники совершали грязную работу. А суды, ослепленные общественным мнением, слишком часто не хотели видеть в этом обычное насилие.

Эмили перевернула страницу черновика чистой стороной вверх. Красным маркером она вывела новое рабочее название своего будущего, независимого расследования. Одно слово, которое меняло все.

ИНДУСТРИЯ.

Она открыла ноутбук и ввела в поисковую строку запрос: «История депрограммирования в США. Судебные иски». Ей нужно было понять, откуда взялась эта система. Кто был тем человеком, который первым решил, что похищение и пытки можно продавать под видом психологической помощи? Кто заложил фундамент этой паутины, в которой сейчас бились Лиза Моррисон и Дэниел Мбеки?

Экран мигнул, выдавая сотни тысяч результатов. Эмили сделала глубокий вдох и кликнула на первую ссылку, погружаясь в темные архивы прошлого, где скрывались настоящие архитекторы этого узаконенного безумия.

Глава 5. Отец депрограммирования

Читальный зал Нью-Йоркской публичной библиотеки на Пятой авеню всегда казался Эмили Картер местом, где время замедляет свой ход. Высокие сводчатые потолки, массивные дубовые столы, тусклый свет ламп с зелеными абажурами и бесконечные ряды стеллажей создавали атмосферу торжественной изоляции от шумного мегаполиса. За окнами лил холодный осенний дождь, смывая с улиц Манхэттена последние следы тепла, но здесь, в окружении миллионов страниц задокументированной человеческой истории, царила абсолютная, почти звенящая тишина.

Эмили сидела за угловым столом, окруженная стопками архивных папок, микрофишами и распечатками старых газетных статей. Рядом остывал кофе в картонном стаканчике. Последние несколько дней навсегда изменили ее профессиональную оптику. Отказавшись от написания заказного материала, который должен был стать очередным гвоздем в гроб репутации небольшой религиозной общины, она приняла решение докопаться до истинных корней индустрии принудительного «спасения». Ей нужно было понять, откуда взялась эта система. Кто был тем человеком, который первым решил, что похищение, лишение сна и психологическое насилие можно продавать испуганным родственникам под видом благородной помощи?

Она открыла свой ноутбук и подключилась к цифровому архиву периодических изданий. В поисковую строку она вбила два слова, которые чаще всего всплывали в сносах старых судебных документов: «Тед Патрик».

Экран мигнул, выдавая тысячи результатов. Заголовки газет семидесятых и восьмидесятых годов пестрели громкими фразами. Пресса того времени называла этого человека «отцом депрограммирования», «Черным молнией», «спасителем заблудших душ». Журналисты писали о нем с нескрываемым восхищением, создавая образ

сурового, но справедливого героя, который в одиночку бросил вызов коварным лидерам новых религиозных движений.

Но Эмили, наученная горьким опытом последних дней, больше не верила заголовкам. Она начала методично скачивать полные тексты статей, судебные транскрипты и полицейские отчеты, выстраивая хронологию жизни и деятельности Теодора Патрика. И чем глубже она погружалась в эти пожелтевшие от времени документы, тем страшнее становилась картина.

Официальный миф гласил, что Патрик был выдающимся специалистом, разработавшим уникальную методику возвращения людей к реальности. Эмили открыла биографическую справку и почувствовала, как ее брови ползут вверх. Теодор Патрик не имел не только ученой степени в области психологии, психиатрии или социологии — он бросил школу после десятого класса. Его академический багаж равнялся нулю. В разные годы своей жизни он работал водителем грузовика, владел ночным клубом в не самом благополучном районе, занимался общественной и политической активностью, а позже получил должность в сфере общественных дел в Калифорнии.

Этот человек, не имевший ни малейшего представления о когнитивных процессах, нейробиологии или этике психологического консультирования, в начале семидесятых годов самовольно назначил себя главным экспертом страны по вопросам человеческого сознания.

Эмили нашла копию старой печатной брошюры организации FREECOG (Parents' Committee to Free Our Children from the Children of God), у истоков которой стоял Патрик. Именно после создания этой структуры Патрик начал практиковать свои методы, а позднее присоединился к Citizens' Freedom Foundation (CFF), которая впоследствии стала Cult Awareness Network.

Он не скрывал источника своего вдохновения. В одном из ранних интервью, текст которого Эмили нашла в архиве за 1974 год, Патрик прямо заявлял, что его методика основана на изучении условий содержания военнопленных в корейских коммунистических лагерях. Он пришел к выводу, что если человека можно сломать и заставить поверить во вражескую идеологию через изоляцию, страх и давление, то этот же самый процесс можно применить в обратную сторону. Он назвал это «депрограммированием».

Эмили начала выписывать в блокнот элементы этой методики, опираясь на показания жертв из судебных исков того времени. Список выглядел как инструкция для следователей тоталитарного режима:

1. Внезапный захват и физическое похищение.
2. Насильственное удержание в изолированном помещении (мотели, лесные хижины, запертые квартиры).
3. Полное лишение связи с внешним миром.
4. Депривация сна (жертвам не давали спать сутками, постоянно будя их громкими звуками или физическим воздействием).
5. В отдельных свидетельствах — ограничение в пище и воде.
6. Длительное, многочасовое словесное и эмоциональное насилие.
7. Осквернение предметов веры жертвы на ее глазах.
8. Угрозы принудительной психиатрической госпитализации в случае отказа от сотрудничества.

Это не было терапией. Это была систематическая, целенаправленная пытка, адаптированная для гражданского использования. И самое поразительное заключалось в том, что Патрик делал это абсолютно открыто.

Эмили открыла статью из архива информационного агентства UPI от 26 сентября 1980 года. В ней приводились слова самого Патрика. К 1976 году он публично заявлял, что лично участвовал более чем в тысяче случаев депрограммирования. К 1980 году, согласно его собственным хвастливым заявлениям, это число превысило две тысячи. Две тысячи похищенных граждан Соединенных Штатов Америки. Две тысячи сломанных дверей, перерезанных телефонных проводов, заклеенных окон и бессонных ночей.

Журналистка откинулась на спинку стула, массируя виски. Масштаб деятельности поражал воображение. Как один человек мог организовать тысячи тяжких уголовных преступлений в стране с развитой правоохранительной системой и оставаться на свободе?

Ответ крылся в финансовой и социальной модели, которую выстроил Патрик. Он не нападал на случайных людей на улице. Он работал исключительно по найму. Его клиентами были уважаемые, часто весьма обеспеченные родители, которые были напуганы изменениями в жизни своих взрослых детей. Эпоха семидесятых годов характеризовалась мощным контркультурным сдвигом. Молодые люди массово уходили

из традиционных церквей, искали новые духовные пути, присоединялись к коммунам, увлекались восточными практиками. Для консервативного поколения родителей это выглядело как конец света. Патрик гениально монетизировал этот поколенческий страх.

Эмили нашла данные о его гонорарах. Согласно публикациям того времени в начале 1980-х Патрик называл сумму порядка 7 500 долларов за один случай, а в других делах суммы варьировались от 2 000 до 27 000 долларов за одну операцию. Доходная практика была построена на страхе родственников и насильственном подавлении чужой воли.

Но как реагировал закон? Эмили открыла сводную таблицу уголовных дел Теда Патрика, составленную исследователями из CESNUR. Цифры вызвали чувство глубокого, ледяного отчаяния.

За свою карьеру Патрик был неоднократно привлечен к уголовной ответственности. Ему предъявляли обвинения по множеству уголовных эпизодов в связи с похищениями при депрограммировании. География его преступлений охватывала весь континент — от разных штатов США до Канады. И каков был результат?

Суды, ослепленные слезными показаниями родителей и псевдоэкспертными заявлениями о «промывании мозгов», раз за разом выносили оправдательные приговоры или сводили обвинения к минимуму. Патрик был дважды заключен под стражу за мисдиминоры (преступления небольшой тяжести), получив максимальный срок в 144 дня. По делу 1980 года о похищении и незаконном лишении свободы он получил реальный срок и фактически провел в заключении около года. Один год реального лишения свободы за две тысячи искалеченных жизней.

Эмили смотрела на эти цифры, и в ее голове складывалась пугающая картина. Правосудие капитулировало перед агрессивной риторикой. Если преступник заявлял, что похищает человека ради его же блага, чтобы спасти его от «опасной веры», система закрывала глаза на наручники, синяки и психологический террор.

Но самое страшное открытие ждало Эмили впереди.

Она всегда считала, что антикультовое движение, при всей его жестокости, было сфокусировано исключительно на религиозных группах. Что их мишенью были люди, поверившие в нестандартные теологические концепции. Однако, продолжая изучать архивы начала восьмидесятых годов, она наткнулась на дела, которые полностью разрушали этот миф.

Эмили открыла отсканированную копию газеты The Beaver County Times от 2 июля 1980 года, а затем дополнила ее материалами из The Gadsden Times от 28 мая 1983 года. Речь шла о деле Сьюзен Вирт.

Сьюзен было 35 лет. Она жила в Сан-Франциско, работала преподавательницей и вела активную социальную жизнь. Она не состояла ни в каких религиозных общинах, не пела мантры и не изучала древние тексты. Ее «преступление» заключалось в другом. Сьюзен была политической активисткой. Она состояла в «Коалиции за борьбу со смертной казнью» (Coalition to Fight the Death Penalty) и активно участвовала в работе «Комитета солидарности африканских народов» (African People's Solidarity Committee). Она боролась за гражданские права, выступала на митингах и открыто критиковала государственную политику.

Ее консервативные родители, живущие в другом штате, категорически не одобряли политические взгляды дочери. Для них ее активизм был неприемлем, позорен и непонятен. И вместо того, чтобы попытаться наладить диалог с взрослой, самостоятельной женщиной, они обратились к Теду Патрику.

Родители Сьюзен заплатили «отцу депрограммирования» астрономическую по тем временам сумму — 27 000 долларов.

Эмили вчитывалась в показания Сьюзен Вирт, и у нее перехватывало дыхание. В один из дней 1980 года на улице Сан-Франциско к 35-летней женщине подошли четверо крепких мужчин. Сама Сьюзен позже в интервью называла их исключительно «головорезами». Они грубо схватили ее, затолкали в ожидающий фургон и заткнули ей рот, чтобы она не могла позвать на помощь.

Ее привезли в конспиративную квартиру, где начался настоящий ад. Взрослую женщину, преподавателя, приковали наручниками к кровати, две недели ее удерживали против воли, ограничивали в еде и воде, подвергали непрерывному давлению и угрозам, если она не откажется от своих политических убеждений и не прекратит общественную деятельность. Они требовали, чтобы она признала свои взгляды результатом «промывания мозгов».

Сьюзен Вирт оказалась невероятно сильной женщиной. Она не сломалась. После освобождения она вернулась в Сан-Франциско, немедленно обратилась в прессу и начала публично выступать против практики депрограммирования, рассказывая правду о том, что с ней сделали.

Эмили отложила распечатку. Дождь за окном библиотеки усилился, капли с силой били по толстому стеклу. Дело Сьюзен Вирт меняло всё. Оно доказывало, что терминология «контроля сознания» была лишь удобной ширмой. Депрограммирование не имело никакого отношения к спасению людей от религиозных фанатиков. Это был универсальный, коммерчески успешный инструмент подавления любого инакомыслия. Если ваши взгляды — религиозные, политические, социальные — не устраивали вашу семью, и у семьи были деньги, они могли нанять частную армию, чтобы выбить из вас эти взгляды силой.

Но если история Сьюзен Вирт вызвала у Эмили шок и возмущение, то следующее дело, которое она обнаружила в архивах, заставило ее почувствовать физическую тошноту.

Она открыла статью из The New York Times от 19 апреля 1982 года. Заголовок гласил: «Противник культов предстал перед судом в Огайо по делу о похищении». Эмили начала читать, и с каждым абзацем погружалась в пучину абсолютного, беспросветного мрака.

Это была история Стефани Ритмиллер.

В октябре 1981 года Стефани было 19 лет. Она жила в Цинциннати, штат Огайо, снимала квартиру вместе со своей соседкой и романтической партнершей Патти Тиман. Стефани не интересовалась ни религией, ни радикальной политикой. Она просто пыталась строить свою жизнь так, как подсказывало ей сердце. Но ее родители, Уильям и Марита Ритмиллер, придерживались строгих традиционных взглядов. Лесбийские отношения дочери стали для них ударом, который они не желали принять. Они решили, что Стефани «отдаляется от семьи» из-за пагубного влияния, и обратились за помощью к известному специалисту по возвращению детей в лоно семьи — Теду Патрику.

Осенним вечером Стефани и Патти шли по улице к своей квартире. Внезапно путь им преградили двое мужчин. Действуя быстро и профессионально, нападавшие достали баллончики со слезоточивым газом и щедро распылили его прямо в лицо Патти Тиманн. Пока девушка кричала от боли, ослепленная и задыхающаяся, мужчины схватили девятнадцатилетнюю Стефани и силой затащили ее в припаркованный рядом фургон.

Когда двери фургона захлопнулись, Стефани, дрожащая от ужаса, увидела внутри своего родного отца, Уильяма Ритмиллера. Он сидел там, наблюдая за тем, как наемники применяют насилие к его дочери и ее партнерше, и считал, что поступает правильно.

Стефани перевезли через несколько штатов, в глухой городок Сидар-Блафф в штате Алабама. Там ее заперли в изолированной лесной хижине. Начался процесс «лечения от гомосексуальности».

Тед Патрик, выступая в роли главного архитектора этой операции, направил в хижину своих проверенных людей. Среди них была женщина по имени Наоми Фэй Келли Госс и мужчина, фигурирующий в документах просто как «Рэй». Наоми Госс взяла на себя идеологическую часть пытки. Днями напролет она читала запертой, напуганной девушке агрессивные нотации о греховности ее природы, о том, что ее чувства — это болезнь, которую нужно искоренить.

Но слова были лишь прелюдией к настоящему кошмару.

Патрик также рекомендовал родителям Ритмиллер привлечь к делу Джеймса Энтони Роу — друга своего собственного сына. И именно Роу стал исполнителем самой чудовищной части этого «депрограммирования». Находясь в полной изоляции в хижине в Алабаме, лишенная возможности позвать на помощь, девятнадцатилетняя Стефани Ритмиллер подверглась неоднократному сексуальному насилию, которое она описывала как изнасилование, повторявшееся в течение нескольких ночей, со стороны Джеймса Энтони Роу.

По ее показаниям, насилие происходило в контексте попытки принудительно «исправить» ее сексуальность. Эмили читала сухие строки судебной хроники, и слезы застилали ей глаза. Она представила себе эту девятнадцатилетнюю девочку в лесной глуши. Преданную собственным отцом. Отданную на растерзание садистам, которые прикрывались заботой о ее благополучии.

Что произошло дальше? Как отреагировала система правосудия на это вопиющее, многосоставное преступление, включавшее похищение, применение химического оружия (слезоточивого газа), незаконное лишение свободы и обвинения в сексуальном насилии?

Эмили прокрутила страницу вниз, к результатам судебного процесса.

Обвинения в нападении, похищении и сексуальном насилии были официально предъявлены родителям Ритмиллер, Теду Патрику, Джеймсу Энтони Роу и «Рэю». Дело дошло до суда. Но в апреле 1982 года система в очередной раз продемонстрировала свою чудовищную слепоту. Часть обвиняемых была оправдана, по части эпизодов присяжные не пришли к единому мнению, а родители получили иммунитет в обмен на показания против других участников.

Предположительно, родители Стефани заплатили Теду Патрику 8 000 долларов за организацию этого ада. При этом Патрик был оправдан, Роу по ряду наиболее тяжких обвинений также не был осужден, а наказания других участников оказались несоразмерно мягкими на фоне тяжести самих обвинений.

Эмили закрыла вкладку с архивом The New York Times. Ее руки дрожали. В читальном зале библиотеки по-прежнему стояла тишина, но внутри Эмили бушевала буря.

Она встала из-за стола и подошла к высокому окну. Дождь заливал стекло, искажая очертания зданий на противоположной стороне улицы.

Дело Стефани Ритмиллер стало для журналистки точкой невозврата. Оно сорвало последние маски с индустрии депрограммирования. Эмили поняла, что вся эта терминология — «деструктивные культы», «промыывание мозгов», «спасение разума» — была лишь маркетинговой упаковкой для легализации абсолютного зла.

Тед Патрик и его последователи создали универсальную услугу для тех, кто обладал властью и деньгами, но не желал мириться с чужой свободой. Если ваша дочь ушла в монастырь — мы похитим ее и будем оскорблять ее веру, пока она не сломается. Если ваша дочь стала политической активисткой и борется против смертной казни — мы прикуем ее наручниками к кровати и будем удерживать ее против воли. Если ваша дочь полюбила другую женщину — мы зальем ее подруге глаза слезоточивым газом, увезем вашу дочь в лес и будем насиловать ее, пока она не станет «нормальной».

И общество, напуганное газетными заголовками о страшных сектах, будет аплодировать вам. А суды будут вас оправдывать.

Эмили вернулась к столу. Она посмотрела на свои записи. Имена жертв — Сьюзен Вирт, Стефани Ритмиллер, тысячи безымянных членов религиозных общин — сливались в единый мартиролог. Они все были жертвами одной и той же системы.

Системы, которая присвоила себе право решать, чьи мысли правильные, а чьи подлежат принудительному форматированию.

Журналистка открыла новый, чистый документ на своем ноутбуке. Она больше не собиралась писать о локальном конфликте в Айдахо. Она собиралась препарировать всю эту индустрию от ее истоков до сегодняшнего дня. Она должна была показать миру, как методы, отработанные на политических активистах и представителях ЛГБТ в восьмидесятих, продолжают использоваться сегодня в спорах вокруг веры, убеждений и идентичности.

Эмили начала печатать. Ее пальцы с силой били по клавишам, выплескивая на экран накопившуюся ярость и боль за тех, кого лишили голоса. Она описывала хижину в Алабаме. Она описывала наручники в Сан-Франциско. Она описывала человека без образования, который построил на этом прибыльную карьеру на похищениях и стал уважаемым экспертом.

Внезапно ее взгляд упал на одну из распечаток, лежащих на краю стола. Это была брошюра организации Citizens' Freedom Foundation, преемницы FREECOG. Организация росла, меняла названия, обростала новыми «экспертами» и юристами. Патрик был лишь первопроходцем, грубым ремесленником. На смену ему шли люди в дорогих костюмах, с университетскими дипломами и связями в правительстве. Люди, которые превратят кустарные похищения в транснациональную корпорацию.

Эмили взяла красный маркер и обвела название организации, которая выросла из кровавого наследия Теда Патрика и стала одной из самых заметных структур антикультавого движения в девяностые годы. Cult Awareness Network. Сеть информирования о культах.

Она смотрела на эти три слова, понимая, что ее расследование только начинается. Корни ядовитого дерева уходили гораздо глубже, чем она могла себе представить, и теперь ей предстояло спуститься в самые темные подвалы этой структуры, чтобы найти тех, кто управляет ею сегодня.

Глава 6. Сеть, модель и индустрия

Гладкая, глянцевая бумага рекламного буклета приятно холодила пальцы. Эмили Картер сидела за своим рабочим столом, освещенным лишь тусклой настольной лампой, и в десятый раз перечитывала один и тот же абзац. Документ, извлеченный из цифровых архивов конца восьмидесятых годов, принадлежал организации под названием Cult Awareness Network, или сокращенно CAN. Логотип в виде стилизованного земного шара, строгий корпоративный шрифт, успокаивающие синие тона — всё в этом буклете кричало о респектабельности, профессионализме и заботе о ближнем.

Эмили провела пальцем по строкам, которые организация использовала для официального описания своей деятельности:

«Депрограммирование и/или консультирование по выходу — это консультирование члена деструктивного культа через беседы в условиях, где ему/ей предоставляется время для отдыха, расслабления и обдумывания своих целей и задач. За этим должен следовать период реабилитации».

Время для отдыха. Расслабление. Обдумывание целей.

Слова звучали как реклама элитного спа-курорта или ретрита для уставших топ-менеджеров. Но Эмили, чье сознание еще хранило свежие, кровоточащие образы из полицейских отчетов и судебных транскриптов, видела за этими гладкими формулировками совершенно иную реальность. Она знала, что «условия для отдыха» — это заклеенные черным мусорным пластиком окна дешевых мотелей. Что «расслабление» — это многодневная депривация сна, когда жертве не дают закрыть глаза, постоянно будя криками и толчками. А «обдумывание целей» — это многочасовые, изматывающие допросы, сопровождающиеся оскорблениями веры, разрыванием священных текстов и угрозами принудительной психиатрической госпитализации.

Организация CAN, выросшая из кустарных инициатив семидесятых годов, совершила пугающую эволюцию. Они поняли, что открыто пропагандировать насилие в правовом государстве невыгодно и опасно. Поэтому они надели деловые костюмы, арендовали офисы, открыли горячие линии и создали фасад легитимной некоммерческой структуры, работавшей как некоммерческая организация.

Но за этим фасадом скрывалась жестокая, циничная и невероятно прибыльная система.

Эмили собрала распечатки в папку и посмотрела на часы. Было раннее утро. Нью-Йорк за окном только начинал просыпаться, наполняясь гулом первых мусоровозов и сиренами. Она выпила остатки остывшего кофе, накинула плащ и вышла из квартиры. Ей нужно было встретиться с Дэниелом Мбеки. Юрист обещал показать ей документы, которые окончательно связывали respectable фасад CAN с реальными исполнителями грязной работы.

Офис Дэниела на Нижнем Манхэттене встретил Эмили запахом свежесваренного черного чая и шелестом бумаг. Юрист сидел за своим массивным столом, окруженный стопками судебных прецедентов. Он готовился к предстоящим слушаниям по делу Лизы Моррисон, но сейчас его внимание было полностью поглощено историческими документами.

— Проходите, Эмили, — Дэниел указал на кресло напротив. Его глаза покраснели от недосыпа, но взгляд оставался острым. — Вы просили показать, как именно работала эта структура на организационном уровне. Я поднял архивы гражданских исков за девяностые годы. То, что они создали, с юридической точки зрения является шедевром правдоподобного отрицания.

Дэниел развернул к ней схему, нарисованную от руки на большом листе бумаги. В центре находился круг с надписью «CAN». От него отходили стрелки к двум другим блокам: «Испуганные родственники» и «Независимые специалисты».

— Представьте себе ситуацию, — начал юрист, постукивая ручкой по схеме. — Мать замечает, что ее взрослый сын стал реже звонить, сменил диету и начал посещать собрания новой религиозной группы. Она в панике. Она ищет информацию и натывается на горячую линию CAN. Звонит туда. На другом конце провода сидит специально обученный оператор. Он выслушивает ее, сочувствует и подтверждает ее самые страшные опасения: «Да, ваш сын в деструктивном культе. Да, его сознание контролируют. Нет, полиция вам не поможет».

— Они искусственно раздувают панику, — кивнула Эмили, вспоминая свой собственный опыт общения с «экспертом».

— Именно. Они доводят родственников до состояния абсолютного отчаяния. А затем, когда семья готова на всё, оператор CAN говорит: «Мы сами не занимаемся

извлечением. Мы только предоставляем информацию. Но мы можем дать вам список проверенных, независимых специалистов по выходу, которые имеют опыт работы с этой конкретной группой».

Дэниел провел ручкой по стрелке, ведущей к блоку «Специалисты».

— Семья связывается с депрограммистом из списка. Тот называет сумму — двадцать, тридцать, иногда пятьдесят тысяч долларов. Семья берет кредиты, закладывает дом. Депрограммист нанимает головорезов, они похищают человека, пытаются его в мотеле. Если всё проходит «успешно», и жертва ломается, депрограммист получает свой гонорар и, согласно многочисленным свидетельствам, действует в системе, где сама сеть получает влияние и новых клиентов за счет таких направлений.

— А если жертва не ломается? — спросила Эмили. — Если она сбегает и идет в полицию, как это сделала Лиза?

— Вот тут и срабатывает правдоподобное отрицание, — Дэниел горько усмехнулся. — Когда жертва подает в суд на похитителей, адвокаты CAN разводят руками и заявляют: «Мы здесь ни при чем. Мы просто информационный центр. Мы дали телефон независимого консультанта. Мы не несем ответственности за его методы». Они годами оставались безнаказанными, выступая в роли диспетчерской службы для организованной преступности.

Дэниел открыл одну из толстых папок на столе и достал оттуда фотографию мужчины. У него было круглое лицо, темные волосы и пронзительный, тяжелый взгляд.

— Познакомьтесь, Эмили. Это Рик Алан Росс. Один из самых активных, востребованных и высокооплачиваемых депрограммистов следующего поколения, пришедшего на смену первопроходцам вроде Теда Патрика. CAN рекомендовала его семьям как ведущего специалиста по спасению разума.

Эмили взяла фотографию. Человек на снимке выглядел вполне обыденно, как менеджер среднего звена или страховой агент.

— Какое у него образование? — спросила она, уже догадываясь об ответе. — Психиатрия? Клиническая психология?

— Никакого, — отрезал Дэниел. — Он не имеет ученой степени ни в одной из этих областей. Его высшее образование так и осталось неоконченным. Но отсутствие

диплома — это наименьшая из его проблем. Посмотрите на его биографию до того, как он стал «экспертом по культам».

Юрист пододвинул к ней стопку документов. Это были копии старых полицейских отчетов и медицинских заключений. Эмили начала читать, и ее глаза расширились от изумления.

В 1975 году Рик Алан Росс был официально осужден по делу о крупной краже и присвоении ювелирных изделий. Это был задокументированный судебный факт, который сам Росс впоследствии был вынужден подтверждать под присягой. Но криминальное прошлое меркло на фоне психиатрических оценок его личности.

Эмили вчитывалась в строки отчета доктора Томаса О’Брайана от 26 ноября 1975 года. Врач, обследовавший Росса во время его тюремного заключения за кражу, характеризовал пациента как «оппортуниста» и отмечал, что тот проявлял «много признаков серьезной психологической декомпенсации». В документах также упоминалось, что в этот период Росс предпринял серьезную попытку суицида. Более ранние отчеты, такие как доклад клинического психолога доктора Хэрольда Макнили от 1967 года, подробно описывали ментальные и эмоциональные проблемы Росса еще в детском возрасте, указывая на антисоциальное и манипулятивное поведение.

— Вы хотите сказать, — Эмили медленно подняла взгляд на Дэниела, — что крупнейшая в стране организация по защите от психологического насилия систематически направляла напуганных родителей к человеку без профильного образования, с судимостью за кражу и задокументированной историей серьезных психиатрических проблем и антисоциального поведения? И этот человек должен был «лечить» их детей?

— Именно так, — кивнул Дэниел. — Потому что для этой индустрии не нужны были врачи. Им нужны были исполнители. Люди, лишённые эмпатии, способные часами кричать на связанного человека, унижать его и не испытывать при этом угрызений совести. Росс идеально подходил на эту роль. Он был их тараном. И он действовал с абсолютной уверенностью в своей безнаказанности, пока не совершил роковую ошибку.

Дэниел закрыл папку с биографией Росса и положил руку на самый объемный том на своем столе. На корешке было выведено: *Jason Scott v. Rick Ross, CAN, et al. (1995)*.

— Это дело, Эмили, стало водоразделом. Оно показало, что систему можно сломать, если ударить по ее самому уязвимому месту — по кошельку.

Юрист начал рассказывать, и перед глазами Эмили развернулась история, которая по своей жестокости и цинизму превосходила всё, что она слышала ранее.

В 1991 году Джейсону Скотту было восемнадцать лет. Он был совершеннолетним гражданином США, обладающим всеми конституционными правами. Джейсон состоял в религиозной общине United Pentecostal Church International, конкретно — в приходе Life Tabernacle Church. Это была консервативная пятидесятническая церковь, чьи догматы могли казаться строгими, но они не нарушали никаких законов.

Однако мать Джейсона категорически не одобряла выбор сына. Поддавшись панике, она обратилась на горячую линию Cult Awareness Network. Оператор CAN, действуя по стандартному алгоритму, убедил женщину, что ее сын находится под контролем деструктивного культа, и направил ее к Риду Алану Россу.

Росс взялся за дело. Он привлек своих помощников, и в один из дней восемнадцатилетний Джейсон был насильно схвачен, повален на пол и увезен в изолированное помещение.

— Его удерживали против его воли несколько дней, — голос Дэниела стал жестким, лишенным профессиональной отстраненности. — Росс и его команда применяли к нему стандартный набор: лишение свободы передвижения, психологическое давление, оскорбления веры. Они пытались сломать его идентичность. Но Джейсон оказался крепким орешком. Он сопротивлялся. В конце концов, поняв, что депрограммирование провалилось, а ситуация выходит из-под контроля, они были вынуждены его отпустить.

— И он пошел в суд, — догадалась Эмили.

— Да. Но в отличие от многих других жертв, Джейсон и его адвокаты не стали ограничиваться уголовными обвинениями против непосредственных исполнителей. Они подали масштабный гражданский иск. И они включили в список ответчиков не только Рика Росса, но и саму организацию CAN.

Дэниел открыл транскрипты судебных заседаний 1995 года.

— Это был исторический процесс. Адвокаты Росса и CAN пытались использовать свою излюбленную тактику. Они привели в суд своих «экспертов», которые начали рассказывать присяжным о контроле сознания, о том, что Джейсон был зомбирован, что

похищение было актом спасения. Они пытались превратить суд над похитителями в суд над пятидесятнической церковью.

— Почему это не сработало на этот раз?

— Потому что адвокаты Джейсона блестяще выстроили линию обвинения, — Дэниел с уважением похлопал по страницам транскрипта. — Они доказали присяжным, что CAN не была просто невинным информационным центром. Они продемонстрировали прямую связь, прямую связь — по меньшей мере организационную и реферальную, между звонком матери на горячую линию и последующим насильственным похищением. Они показали, что CAN систематически направляла людей к Россу, зная о его методах. Они сорвали с них маску респектабельности, обнажив криминальный конвейер.

Дэниел выдержал паузу, позволяя Эмили осознать масштаб произошедшего.

— Вердикт присяжных был сокрушительным. Они не просто признали Росса и CAN виновными в незаконном лишении свободы и нарушении гражданских прав. Они решили наказать их так, чтобы это стало уроком для всей индустрии.

Юрист взял маркер и написал на чистом листе бумаги цифры, обведя их жирным кругом.

— Суд обязал выплатить Джейсону Скотту 875 000 долларов в качестве компенсаторного ущерба. Но это было только начало. Присяжные назначили штрафные убытки — *punitive damages*. Это специальная мера в американском праве, применяемая в случаях вопиющего, злонамеренного поведения ответчика. Рик Росс был оштрафован на 2 500 000 долларов. А организация Cult Awareness Network получила штраф в размере 1 000 000 долларов. Общая сумма вердикта составила около 4 875 000 долларов.

Эмили смотрела на цифры. Почти пять миллионов долларов за одну сломанную жизнь. Это был не просто штраф. Это был смертный приговор для организации.

— Что случилось с CAN после этого? — тихо спросила она.

— Они не смогли выплатить такую сумму, — ответил Дэниел, закрывая папку. — В 1996 году, под тяжестью этого вердикта и судебных расходов и долгов, Cult Awareness Network подала заявление о банкротстве. Их активы, включая само название организации, логотип и горячую линию, были выставлены на торги и выкуплены структурой, связанной с Церковью Саентологии. Старая CAN перестала существовать.

Эмили откинулась на спинку кресла. История казалась завершенной. Злодеи были наказаны, криминальный синдикат обанкрочен, справедливость восторжествовала. Но интуиция подсказывала ей, что это лишь иллюзия финала.

— Если CAN обанкротилась в девяносто шестом, — медленно произнесла Эмили, формулируя мысль, которая не давала ей покоя, — то почему три дня назад в Бойсе Лизу Моррисон похитили точно по такой же схеме? Почему родители Лизы использовали ту же самую терминологию? Почему эксперт, с которым я встречалась, говорил теми же самыми словами?

Дэниел посмотрел на нее с мрачным одобрением.

— Потому что банкротство юридического лица не означает смерть идеологии, Эмили. CAN была лишь организационной оболочкой. Люди, которые в ней работали, никуда не исчезли. Рик Росс просто сменил вывеску и продолжил свою деятельность под новыми названиями. Но самое главное — осталась жива теоретическая база, которая оправдывает это насилие. Пока общество верит в то, что существуют некие магические технологии подавления воли, всегда найдутся те, кто будет продавать услуги по «освобождению».

Юрист протянул Эмили визитную карточку.

— Если вы хотите понять, как эта индустрия выжила и адаптировалась, вам нужно разобраться в их идеологическом фундаменте. Вам нужно поговорить с человеком, который изучает это с академической точки зрения. Профессор Марк Чень. Он преподает социологию религии в Колумбийском университете. Я уже предупредил его, что вы придете.

Кампус Колумбийского университета встретил Эмили шелестом осенних листьев и студенческой суетой. Кабинет профессора Марка Ченя находился на третьем этаже старого кирпичного здания. Внутри царил творческий хаос: полки ломились от книг по теологии, социологии и праву, а на столе возвышались стопки студенческих эссе.

Марк Чень, мужчина сорока пяти лет с внимательным, спокойным взглядом, предложил Эмили зеленый чай и внимательно выслушал ее рассказ о деле Джейсона Скотта и банкротстве CAN.

— Вы задаете правильный вопрос, Эмили, — сказал Марк, отставляя чашку. — Как им удастся продолжать свою деятельность после таких сокрушительных судебных

поражений? Ответ кроется в легитимизации. Чтобы продавать насилие, нужно убедить общество, что это не насилие, а медицинская необходимость. Для этого им нужна была наукообразная теория. И они ее создали.

Марк подошел к маркерной доске, висящей на стене, и написал крупными буквами: BITE.

— Вы упоминали, что эксперт, с которым вы общались, ссылаясь на модель BITE Стивена Хассана. Эмили уже знала из своего первоначального исследования специфическую биографию создателя этой концепции, его личный опыт депрограммирования и то, что его модель продвигалась вне общепринятого клинического консенсуса. Но сейчас профессор Чень предлагал взглянуть на саму структуру этой модели, которая стала главным инструментом антикультовой индустрии.

— BITE — это акроним, — продолжил Марк, расшифровывая буквы на доске. — Behavior (Поведение), Information (Информация), Thought (Мышление), Emotion (Эмоции). Хассан утверждает, что если группа контролирует эти четыре аспекта жизни человека, то она является деструктивным культом, применяющим промывание мозгов. Звучит логично, не так ли?

Эмили кивнула.

— На первый взгляд, да. Если кто-то диктует тебе, что делать, что читать и что чувствовать, это выглядит как подавление личности.

— А теперь давайте применим эту модель на практике, — Марк взял красный маркер. — Возьмем, к примеру, тренировочный лагерь Корпуса морской пехоты США. Контроль поведения? Абсолютный. Новобранцам говорят, когда спать, когда есть, как ходить и как одеваться. Контроль информации? Полный. Никаких мобильных телефонов, телевизоров или несанкционированных писем. Контроль мышления? Безусловно. Постоянное повторение речевок, заучивание уставов, внедрение корпоративного жаргона. Контроль эмоций? Сержанты целенаправленно ломают индивидуальное эго новобранца, заставляя его чувствовать вину за ошибки и гордость за принадлежность к подразделению.

Марк повернулся к Эмили.

— По критериям модели BITE, армия США — это опаснейший тоталитарный культ.

Эмили нахмурилась, обдумывая услышанное.

— Но армия — это государственный институт. Люди идут туда добровольно, подписывая контракт.

— Верно, — согласился Марк. — Тогда давайте возьмем гражданский пример. Крупная технологическая корпорация в Кремниевой долине. Контроль поведения: строгий дресс-код, обязательное присутствие на корпоративных тимбилдингах, ненормированный рабочий день. Контроль информации: подписание жестких соглашений о неразглашении (NDA), мониторинг рабочей переписки. Контроль мышления: внедрение «корпоративной культуры», миссии компании, которую сотрудники обязаны разделять. Контроль эмоций: создание атмосферы, где увольнение приравнивается к предательству «семьи», а переработки поощряются как признак лояльности.

Профессор перечеркнул аббревиатуру BITE красной линией.

— Или возьмем строгую, традиционную патриархальную семью. Родители контролируют, с кем общаются дети (поведение), ограничивают доступ в интернет (информация), навязывают свои политические или религиозные взгляды (мышление) и используют чувство вины для поддержания дисциплины (эмоции).

Марк отложил маркер и сел напротив Эмили.

— Проблема модели BITE заключается в том, что она настолько размыта, широка и универсальна, что под ее критерии попадает практически любая структурированная человеческая группа. Армия, корпорации, монастыри, спортивные команды, политические партии и даже традиционные семьи. Любая группа, объединенная общей целью, в той или иной степени регулирует поведение, информацию, мысли и эмоции своих членов. Это базовый социологический закон формирования идентичности.

— Но если эта модель применима ко всем, — медленно проговорила Эмили, чувствуя, как разрозненные фрагменты головоломки складываются в единую картину, — значит, она не имеет никакой диагностической ценности.

— В точку, Эмили! — Марк удовлетворенно кивнул. — Модель BITE — это не научный инструмент. Это идеологическая сеть с невероятно мелкими ячейками. Она создана не для того, чтобы объективно оценивать группы, а для того, чтобы антикультисты могли поймать в нее любую организацию, которую они решат атаковать.

Если им не нравится мирная христианская община в Айдахо, они применяют к ней модель ВІТЕ и объявляют ее «культом». Если им не нравится группа политических активистов, они делают то же самое.

Профессор подошел к окну, глядя на студентов, спешащих по аллеям кампуса.

— Эта модель дает им власть. Она позволяет им навешивать ярлык «промывания мозгов» на любой добровольный выбор взрослого человека, если этот выбор не совпадает с ожиданиями его родственников или стандартами большинства. А как только человек объявлен «зомбированным», он лишается презумпции дееспособности. С ним можно делать всё что угодно. Его можно похищать, удерживать силой, подвергать психологическому насилию. И всё это будет оправдано благородной целью «спасения».

Эмили достала свой блокнот. На одной странице у нее была выписана схема работы CAN, которую показал ей Дэниел. На другой — разбор модели ВІТЕ от профессора Ченя. Она положила блокнот на стол так, чтобы видеть обе страницы одновременно.

— Марк, — голос Эмили дрогнул от осознания масштаба того, что она только что поняла. — Вы понимаете, что они создали? Это не просто идеология. Это замкнутый финансовый конвейер. Идеальная бизнес-модель.

Она взяла ручку и начала быстро чертить связи между записями.

— Смотрите. Шаг первый: они создают псевдонаучную теорию, такую как модель ВІТЕ, которая позволяет объявить любую неуютную группу «деструктивным культом». Шаг второй: они используют медиа и свои горячие линии, чтобы распространить эту теорию и посеять панику среди родственников. Они сами ставят диагноз.

Эмили провела жирную стрелку к следующему пункту.

— Шаг третий: когда напуганные родители умоляют о помощи, они предлагают им «лечение». Они направляют их к своим же депрограммистам, таким как Рик Росс. Шаг четвертый: депрограммисты совершают уголовное преступление, похищая человека, и получают за это огромные деньги.

Она обвела всю схему большим кругом.

— Они сами придумывают болезнь. Они сами ставят диагноз по телефону. Они сами назначают жестокое лечение. И они сами получают за это деньги. Это самоподдерживающаяся индустрия, которая питается человеческим страхом и

разрушает семьи ради прибыли. И они делают это под прикрытием защиты прав человека!

Марк Чень смотрел на схему, нарисованную журналисткой. В его глазах читалась глубокая, застарелая печаль ученого, который годами пытался докричаться до общества, ослепленного страхом.

— Вы абсолютно правы, Эмили. Это индустрия. И банкротство CAN в девяносто шестом году не уничтожило ее. Оно лишь заставило их децентрализоваться. Они поняли, что иметь единое юридическое лицо, которое можно засудить на миллионы долларов, слишком опасно. Поэтому сегодня они действуют как сеть независимых «экспертов», консультантов и фондов. Они пишут книги, выступают на телевидении, консультируют правоохранительные органы. Они стали осторожнее, но их суть не изменилась.

Эмили закрыла блокнот. Внутри нее больше не было растерянности. На смену ей пришла холодная, сфокусированная ярость профессионала, нашедшего свою главную цель. Она пришла в эту профессию, чтобы защищать людей от произвола системы. Но сейчас она столкнулась с системой, которая приватизировала само понятие правосудия.

Она вспомнила Лизу Моррисон, которая прямо сейчас, в Бойсе, пыталась доказать полиции, что ее похищение было преступлением, а не актом родительской любви. Она вспомнила Джейсона Скотта, которому пришлось пройти через ад, чтобы заставить систему признать очевидное.

Эмили посмотрела на копию документа о банкротстве Cult Awareness Network, которую дал ей Дэниел. На бумаге стояла печать федерального суда, официально прекращающая существование организации. Юридическое лицо было мертво. Счета арестованы. Имущество распродано.

Но если CAN была мертва, то кто прямо сейчас, в эту самую минуту, координировал действия депрограммистов в Айдахо? Кто обеспечивал им юридическое прикрытие? Кто писал методички, по которым Бренда и Дэвид пытали Лизу в заклеенном пластиком мотеле?

Эмили провела пальцем по печати на документе о банкротстве. Система не умерла. Она просто сбросила старую кожу и расплзлась по миру, пустив корни гораздо глубже, чем кто-либо мог себе представить. И чтобы остановить этот конвейер, ей предстояло найти тех, кто управляет им сегодня.

Глава 7. Уэйко и международные нити

Тяжелые дубовые двери кабинета профессора Марка Ченя в Колумбийском университете закрылись за Эмили Картер и Дэниелом Мбеки, отсекая приглушенный гул студенческих голосов в коридоре. За окнами сгущались сумерки, окрашивая кирпичные фасады кампуса в холодные, свинцовые тона. В кабинете горела лишь одна настольная лампа с зеленым стеклянным абажуром, выхватывая из полумрака стопки книг, разложенные на столе папки и лица трех людей, объединенных общим, пугающим расследованием.

Эмили опустилась в кожаное кресло, чувствуя, как накопившаяся за последние дни усталость давит на плечи свинцовым грузом. Осознание того, что индустрия принудительного «спасения» выжила после банкротства своих главных юридических лиц и продолжила функционировать в виде децентрализованной сети, лишило ее последних иллюзий. Она смотрела на свои записи, где были зафиксированы суммы гонораров за похищения, имена сломанных людей и псевдонаучные теории, оправдывающие это насилие.

— Мы разобрали гражданский аспект этой проблемы, — тихо произнес Дэниел, нарушив затянувшуюся тишину. Юрист сидел на краю дивана, сцепив пальцы в замок. — Мы увидели, как частные лица нанимают других частных лиц для совершения уголовных преступлений под прикрытием психологической помощи. Мы поняли, как работает их финансовая модель. Но меня не покидает один вопрос, Марк. Если их риторика настолько агрессивна, если они постоянно используют слова «угроза», «терроризм», «опасность для общества», то почему они ограничиваются только частными заказами?

Профессор Чень, стоявший у книжного шкафа, медленно повернулся. В тусклом свете лампы его лицо казалось высеченным из камня. В его глазах отразилась глубокая, застарелая скорбь человека, который слишком долго изучал темную сторону человеческой природы.

— Они не ограничиваются частными заказами, Дэниел, — голос Марка прозвучал глухо, почти шепотом. — Частные похищения — это лишь их бизнес-модель. Их повседневная рутина. Но истинная цель любой идеологии, построенной на дегуманизации, — это заразить государство. Заставить государственную машину, обладающую монополией на легитимное насилие, поверить в их нарратив. Потому что, когда государство начинает верить антикультистам, счет жертв идет уже не на единицы. Он идет на десятки.

Марк подошел к своему столу, выдвинул нижний ящик и достал оттуда массивную черную папку. Она была перевязана тесьмой и выглядела так, словно ее не открывали много лет. Профессор положил ее на стол перед Эмили и Дэниелом. На обложке белым маркером было выведено одно слово: «УЭЙКО».

Эмили почувствовала, как по спине пробежал холодок. Название этого техасского города было знакомо каждому американцу. Оно стало синонимом катастрофы, символом правительственного произвола и религиозного фанатизма. Но до этого момента Эмили никогда не связывала события в Уэйко с той индустрией, которую она сейчас расследовала.

— Весна 1993 года, — начал Марк, развязывая тесьму и открывая папку. Внутри лежали сотни фотографий, вырезки из газет, копии правительственных отчетов и транскрипты судебных слушаний. — Осада комплекса «Маунт-Кармел», принадлежавшего религиозной общине «Ветвь Давидова». Это событие стало ключевым в современной истории Соединенных Штатов. Оно вызвало длительные споры о пределах государственной силы, религиозной свободе и роли федеральных агентств.

Профессор достал старую, выцветшую фотографию и положил ее поверх остальных документов. На снимке было запечатлено большое, простое деревянное здание на фоне бескрайних техасских прерий. Вокруг играли дети, женщины в длинных платьях развешивали белье, мужчины чинили сельскохозяйственную технику.

— Давайте начнем с фактов, очищенных от медийной истерии, — сказал Марк, указывая на фотографию. — Община давидианцев, ответвление адвентистов седьмого дня, была основана вблизи Уэйко еще в 1935 году. Они назвали свое поселение «Маунт-Кармел». Позднее сформировалась ветвь, известная как «Ветвь Давидова». Эта группа американских граждан десятилетиями существовала в этом районе как религиозная община. Никто не считал их угрозой.

— Что же изменилось? — спросила Эмили, внимательно вглядываясь в лица людей на старой фотографии. — Как религиозная община превратилась в мишень для самой масштабной военной операции внутри страны?

— Изменился информационный фон, — жестко ответил Дэниел, который уже начал понимать, к чему ведет профессор. — Кто-то начал кампанию по их дискредитации.

— Именно, — Марк достал из папки стопку газетных вырезок. Все они принадлежали одному изданию — «Waco Tribune-Herald». — Этим событиям предшествовало несколько лет активной, целенаправленной работы антикультистов. Их целью было дискредитировать американцев из общины «Ветвь Давидова», демонизировать их в средствах массовой информации и маргинализировать в глазах общественного мнения. Это классическая тактика: сначала через своих сообщников в СМИ публикуется серия статей или телевизионных репортажей, создающих образ абсолютного зла. Затем, под предлогом этих же материалов, начинаются требования к правоохранительным органам «отреагировать на общественное беспокойство».

Марк разложил перед ними газетные полосы. Заголовки кричали красным шрифтом, обвиняя лидера общины Дэвида Кореша и его последователей в самых немыслимых грехах.

— Антикультисты, опираясь на так называемое «расследование» газеты «Waco Tribune-Herald», показания людей, имевших личные обиды на членов общины, и спорные неподтвержденные заявления, обвинили группу в физическом и психологическом насилии над детьми, — продолжал профессор. — Это произошло на фоне проверок и расследований, в которых часть обвинений не была подтверждена, а по состоянию на апрель 1993 года никому в общине не были предъявлены уголовные обвинения в жестоком обращении с детьми. Но прессу это не остановило. Газета «Waco Tribune-Herald» стала настоящим рупором антикультистской пропаганды. Эмили взяла одну из статей. Текст был пропитан ненавистью и страхом. Журналисты использовали ту же самую терминологию, которую она видела в буклетах CAN: «деструктивный культ», «промывание мозгов», «тоталитарный контроль».

Серия публикаций и телевизионных комментариев сыграла заметную роль в том, как общество стало воспринимать Кореша и давидианцев, — произнес Марк. — Все

чаще их видели не как религиозную общину, а как потенциальный очаг катастрофы, новый «Джонстаун».

— Подождите, — Эмили подняла глаза от текста. — Брио? О ком идет речь?

— Марк Брио, — пояснил Дэниел, знакомый с юридическими аспектами дела. — Один из бывших членов общины, который стал активно сотрудничать с антикультистами. Он давал показания о том, что якобы видел, как в общине готовятся к вооруженному восстанию, как Кореш тренирует снайперов и планирует массовые убийства. Его заявления охотно подхватывали СМИ и комментаторы, хотя их надежность и мотивы самого Брио были предметом споров.

— Это звучит как абсурд, — прошептала Эмили. — Как федеральные агентства могли опираться на столь спорные внешние интерпретации?

— Потому что ярлык «секта» отключает критическое мышление, — ответил Марк Чень. — Когда вы убеждаете общество и полицию в том, что перед ними не люди, а зомбированные фанатики, любые, даже самые бредовые обвинения принимаются на веру. Заявление о готовящемся массовом самоубийстве было впервые запущено именно антикультистами. Этот нарратив позже сыграл решающую роль в интерпретации всей трагедии.

Профессор достал из папки распечатку скриншота с интернет-сайта. Эмили сразу узнала логотип. Это был личный сайт Рика Алана Росса — того самого человека, который был главным действующим лицом в деле Джейсона Скотта.

— Посмотрите сюда, — Марк указал на выделенный желтым маркером абзац.

Эмили прочитала вслух: — «В 1993 году консультировал Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (BATF) и Федеральное бюро расследований (ФБР) по вопросу Уэйко-Давидианцев».

Она подняла потрясенный взгляд на профессора. — Человек, который зарабатывал на жизнь похищениями людей, консультировал федеральные правоохранительные органы?

— Именно так, — кивнул Марк. — Рик Росс приуменьшает свою роль на сайте, называя это просто «консультированием». Но документы Минюста подтверждают, что ATF связывалось с Россом еще до рейда, а сам Росс во время осады предлагал ФБР советы по стратегии давления на Кореша. Из всех так называемых «экспертов по сектам»

именно он имел наибольший, беспрецедентный доступ к этим агентствам и испытывая личную ненависть ко всем религиозным сектам, рвался помочь правоохранителям «уничтожать секты».

Дэниел встал с дивана и начал мерить шагами кабинет.

— Это объясняет всё, — глухо произнес юрист. — Я читал отчеты о первоначальном рейде. 28 февраля 1993 года агенты ATF инициировали операцию. Поводом стали неподтвержденные слухи о нарушении законодательства об огнестрельном оружии. Дэвид Кореш неоднократно предлагал сотрудникам правоохранных органов лично приехать на ранчо, осмотреть оружие и проверить все лицензии. Это стандартная процедура. Но агенты ATF, накачанные антикультовой пропагандой, отказались от мирного визита. Они выбрали тактику «динамичного вторжения». Они приехали туда как на войну.

— И война началась, — Марк перевернул страницу в папке, открывая фотографии вооруженных агентов в тактической экипировке, штурмующих деревянное здание. — Рейд привел к перестрелке. Погибли четыре агента ATF и шесть членов общины. После этого началась осада, которая продлилась пятьдесят один день.

Эмили смотрела на фотографии осажденного комплекса. Она знала, что внутри находились десятки женщин и детей.

— Что происходило в эти пятьдесят один день? — спросила она, хотя интуиция уже подсказывала ей страшный ответ.

— Происходило то, что антикультисты называют «депрограммированием», только масштабированное до уровня государственной военной операции, — ответил Марк. — Власти вели переговоры, но параллельно усиливали тактику давления. Под влиянием рекомендаций Рика Росса и других деятелей, они перешли к тактике жесточайшего психологического давления. Они отключили в комплексе электричество и воду. Ночами они направляли на окна ослепительные прожекторы и транслировали через гигантские громкоговорители звуки громкой музыки, раздражающих шумов и других акустических воздействий на оглушительной громкости. Они лишали людей сна. Они пытались сломать их психику.

Эмили закрыла глаза. Перед ее внутренним взором всплыла заклеенная черным пластиком комната мотеля, где двое наемников сутками не давали спать похищенной девушке, крича на нее и оскорбляя ее веру. В Уэйко происходило абсолютно то же самое,

только вместо двух наемников действовала армия федеральных агентов, а вместо одной девушки жертвами пытки стали десятки семей с маленькими детьми.

— Антикультисты убедили ФБР, что внутри находятся не граждане, обладающие конституционными правами, а безвольные заложники культа, которые понимают только язык силы, — продолжал Марк, и его голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Было принято осознанное решение не «очеловечивать» этих людей. Сохранялся образ, навязанный Россом: «сумасшедшие сектанты, готовящиеся к новому Джонстауну». На видеозаписях, которые ФБР получало изнутри комплекса, были маленькие дети, подростки, взрослые люди, умоляющие оставить их в покое. Но все они были лишены индивидуальности. Они были сведены к безликим «сектантам», перестав быть в глазах общества и силовиков людьми.

Профессор достал из папки следующий документ. Это была стенограмма телевизионного эфира.

— Послушайте, что говорил в те дни Стивен Хассен, — Марк указал на текст. — Тот самый автор модели ВІТЕ. Пока Рик Росс работал непосредственно с ФБР и ATF, влияя на саму операцию, Хассен не сходил с экранов телевизоров. Он выступал как эксперт по культам на различных телеканалах и целенаправленно способствовал закреплению демонизированного образа давидианцев в общественном мнении. Он формировал консенсус, при котором любое насилие против этих людей становилось оправданным.

— И это насилие произошло, — тихо сказал Дэниел, останавливаясь у окна. — 19 апреля 1993 года. Финальный штурм.

Марк Чень тяжело опустился в свое кресло. Он достал последнюю серию фотографий, но не стал сразу показывать их Эмили. Он положил на них руку, словно пытаясь защитить журналистку от того ужаса, который был запечатлен на глянцевой бумаге.

— В то утро, — начал профессор, тщательно подбирая слова, — федеральные агенты, окончательно убежденные антикультистами в том, что переговоры бессмысленны, пошли на штурм. Они использовали бронетехнику. Бронированные инженерные машины пробивали стены деревянного здания, разрушая лестницы и блокируя пути к отступлению. Но самое страшное — они применили газ CS.

Эмили нахмурилась.

— Слезоточивый газ? Для выкуривания?

— Газ CS — это слезоточивый агент раздражающего действия, — жестко поправил ее Дэниел. — Стоит отметить, что газ CS был запрещен Конвенцией о химическом оружии 1997 года как средство ведения войны. Но в Уэйко его применили в здании, где находились женщины и дети.

Марк убрал руку с фотографий. На снимках были запечатлены клубы густого, едкого дыма, вырывающиеся из проломов в стенах комплекса.

— Антикультисты довели ситуацию до того, что в здание, где находились младенцы и пожилые люди, в огромных количествах закачивали этот газ, — голос Марка стал сухим и безжизненным, как пепел. — Даже небольшие дозы газа CS, гораздо меньшие, чем использованные в Уэйко, могут убить ребенка. Последствия такого применения до сих пор остаются предметом острых споров, но сам факт использования CS в здании с детьми стал одним из самых мрачных символов всей операции.

Затем, как логическое завершение этого безумия, вспыхнул пожар. Причины возникновения пожара остаются предметом ожесточенных споров, хотя официальные расследования Минюста возложили вину за его начало на людей внутри комплекса.

— В результате трагедии в Уэйко были убиты в ходе рейда, осады и пожара семьдесят шесть человек, — Марк произносил эти цифры так, словно каждая из них оставляла шрам на его сердце. — Включая пожилых людей, женщин и детей.

Эмили закрыла лицо руками. В кабинете повисла мертвая, удушающая тишина. Журналистка, привыкшая работать с сухими фактами нарушений гражданских прав, оказалась не готова к такому масштабу абсолютного, inferнального зла.

Марк пододвинул к ней лист бумаги с выдержками из официальных отчетов о вскрытии.

— Из отчетов судмедэксперта округа Таррант, — прочитал профессор. — Когда каждый мешок с телом доставлялся в офис, ему присваивался номер. «Маунт-Кармел Доу», «МС Доу» или просто «Доу». Иногда тело умершего доставляли в двух или более мешках для трупов и присваивали ему несколько номеров, поскольку тело было расчленено на части. Некоторые мешки для трупов содержали останки более чем одного человека, что приводило к появлению буквенных или цифровых суффиксов, например 31B или 67-3.

Дэниел подошел к столу и положил перед Эмили еще один документ. Это была цитата адвоката, представлявшего интересы семей погибших.

— Джеймс Браннон, представлявший семьи трех детей, погибших во время осады, сказал тогда слова, которые должны быть высечены на здании каждого суда в этой стране, — произнес юрист.

Эмили опустила глаза и прочитала вслух: — «Боже мой, пытаться младенцев и говорить, что это часть их работы?! И заявлять, что это нормально, потому что их родители были плохими?!»

Она подняла голову. По ее щекам текли слезы, которых она даже не замечала. — Как общество могло это принять? — ее голос сорвался. — Как Америка могла смотреть в прямом эфире на то, как бронемашины разрушают дом с детьми, и не выйти на улицы? Как это вообще возможно в демократическом государстве?

— Потому что общество было подготовлено, Эмили, — ответил Марк Чень. — В этом и заключается главная, самая страшная сила антикультовой индустрии. Они не просто убивают людей. Они убивают эмпатию в тех, кто за этим наблюдает.

Профессор включил свой ноутбук и развернул экран к Эмили. На мониторе застыл кадр из архивной новостной передачи телеканала ABC. Репортер стояла на фоне дымящихся, черных руин Маунт-Кармел.

— Послушайте, как пресса освещала гибель детей, — Марк нажал кнопку воспроизведения.

Голос журналистки из динамиков прозвучал с профессиональной, отстраненной скорбью: — «В перестрелке был убит двухлетний член секты».

Марк поставил видео на паузу.

— Вы слышите это, Эмили? Не «двухлетний ребенок». Не «младенец». Не «малыш». «Двухлетний член секты». Это чистый, беспримесный нацизм. В нацистской Германии пропагандисты точно так же говорили о еврейских детях. Они не были детьми. Они были «единицами еврейской расы». Их убийство не было преступлением, оно было санитарной мерой. Присваивая метки «культ» и «секта» различным группам людей, антикультисты отделяют их от общества, лишая статуса «люди». Эти метки отнимают у них демократические права и свободы, сообщая обществу, что эти люди — не такие, как все, их можно лишить прав, к ним можно относиться без уважения и даже с насилием.

Дэниел кивнул, подтверждая слова профессора.

— В результате жестокие действия и гибель десятков женщин и детей от рук государственных агентств, действовавших в атмосфере демонизации и страха, не вызвали волну протестов. В общественном восприятии они были дегуманизированы как «сектанты», «нелюди». Таким образом, насилие против них перестало восприниматься как несправедливые действия против таких же людей, как они сами. Метод клеймения означает практически официальное разрешение насилия.

Марк достал из папки еще один документ. Это была распечатка юридического заявления доктора философии Лоуэлла Д. Страйкера, который ранее сотрудничал с CAN, но затем осознал весь ужас их деятельности. Заявление было датировано 14 мая 1992 года, за год до трагедии в Уэйко.

Эмили прочитала выделенный фрагмент:

—«Цитировать CAN и депрограммистов как экспертов по вреду от нетрадиционных религий — всё равно что ссылаться на лидеров Американской нацистской партии как на экспертов в вопросе, как еврейский контроль над банковской системой якобы вредит экономике США».

— Страйкер предупреждал об этом, — сказал Марк. — Но его никто не послушал. Власти предпочли слушать Рика Росса. И результат мы видим на этих фотографиях.

Профессор выложил на стол последний снимок из серии Уэйко. На нем были запечатлены агенты ATF. Они стояли на фоне обугленных, дымящихся развалин поселения «Ветвь Давидова». Они позировали для камер, улыбаясь. А над пепелищем, под которым лежали сгоревшие заживо дети и женщины, развевался поднятый ими флаг.

— Когда здание сгорело, бульдозеры сравняли его с землей, уничтожив все улики, — тихо прокомментировал Марк. — Федеральные агенты подняли свой флаг над обугленными руинами, как победители в войне против собственных граждан, и позировали для фотографий. Для многих критиков Уэйко именно эти кадры стали символом того, как силовая логика окончательно вытеснила человеческое измерение трагедии.

Эмили смотрела на улыбающиеся лица агентов на фотографии. Она понимала, что эти люди не родились убийцами. Они были сотрудниками правоохранительных органов, давшими клятву защищать закон. Но антикультовая пропаганда проникла в их сознание,

искажила их восприятие реальности и превратила их в палачей, уверенных в своей правоте. Точно так же, как она превратила родителей Лизы Моррисон в заказчиков похищения собственной дочери.

— Это крайний пример дегуманизирующей риторики в действии, — произнес Дэниел, глядя на тот же снимок. — И самое страшное, что Рик Росс и его коллеги не понесли за это никакой ответственности. Напротив, они использовали эту трагедию для дальнейшего запугивания общества. Они говорили: «Смотрите, до чего доводят секты! Они заставляют людей сжигать своих детей! Нам нужно больше полномочий, больше депрограммирования, больше контроля!»

Марк Чень медленно закрыл черную папку. Но он не убрал ее в стол. Он положил обе руки на обложку и посмотрел на Эмили долгим, пронизательным взглядом.

— Вы думаете, что Уэйко — это сугубо американская трагедия, Эмили? — спросил профессор. — Вы думаете, что эта методология демонизации, приводящая к массовым убийствам, осталась в границах штата Техас?

Эмили подняла на него удивленный взгляд.

— А разве нет? CAN обанкротилась здесь. Росс и Хассен действуют в основном в США.

— Идеология не знает государственных границ, — покачал головой Марк. — Особенно идеология, которая доказала свою чудовищную эффективность в управлении массами и манипуляции силовыми структурами. Уэйко стало не просто трагедией. Оно стало полигоном. Испытательной площадкой, на которой транснациональная сеть отработала идеальный алгоритм уничтожения любой неугодной группы чужими руками.

Профессор подошел к своему столу и открыл ноутбук. Он вывел на экран отсканированный документ с грифом Министерства юстиции США.

— Во время осады Уэйко, когда ФБР искало способы сломать волю осажденных давидианцев, они обратились за консультацией не только к американским антикультистам, — Марк увеличил масштаб документа, чтобы Эмили и Дэниел могли прочитать текст. — Они привлекли иностранного специалиста. Российского ученого, психиатра Игоря Смирнова.

— Российского психиатра? — переспросил Дэниел, нахмурившись. — Какое отношение он имел к осаде в Техасе?

— Смирнов был разработчиком психотронного и манипулятивного оружия, — пояснил Марк. — Он специализировался на исследованиях в области подсознательного массового влияния и психокоррекции. Вовлечение антикультовых советников из бывшего КГБ в события в Уэйко похоже не было случайностью. ФБР консультировалось с ним в надежде найти способ повлиять на Кореша и осажденных, но его идеи по официальной версии не были использованы. ФБР всерьез рассматривало возможность использования его технологий для трансляции подсознательных сообщений осажденным.

Эмили читала документ, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Вы хотите сказать, что американские спецслужбы сотрудничали с российскими разработчиками психотехнологий, чтобы сломать группу адвентистов в Техасе?

— Я хочу сказать нечто гораздо более страшное, Эмили, — Марк закрыл ноутбук и оперся руками о стол, нависая над журналисткой и юристом. — Я хочу сказать, что антикультовое движение — это не только американский феномен. Его идеи, риторика и методы давно циркулируют между странами, экспертными кругами и силовыми структурами.

Профессор достал из ящика стола еще один лист бумаги. На нем была распечатана цитата.

— Джек Циммерман, адвокат некоторых членов «Ветви Давидовой», сказал после трагедии страшные слова, — Марк протянул лист Эмили.

Она прочитала вслух:

— «Мать Пабло Козна, израильского еврея, разговаривая с американским еврейским адвокатом, смотрела, как газ запускают в здание, как американский танк сносит американский дом, а затем он вспыхивает пламенем... И представьте, какие образы всплыли у израильтян в сознании — у выживших в Холокосте в Израиле. Я не мог ответить... Думаю, вы сами видите, что не так уж часто мне нечего сказать. Но тогда я не мог объяснить ей, как это произошло. А её вопрос был: “Я думала, он будет в безопасности в Америке”».

Эмили опустила листок на стол. Слова матери погибшего израильтянина эхом отдавались в тишине кабинета. «Я думала, он будет в безопасности в Америке».

Никто не был в безопасности. Ни в Америке, ни за ее пределами. Эмили поняла, что информационная война против меньшинств, начавшаяся с кустарных похищений Теда Патрика и выросшая до бронемашин в Уэйко, способна превращать правоохранные органы любого государства в орудие массового убийства. Антикультистам не нужно было самим нажимать на курок. Им достаточно было просто повесить ярлык, расчеловечить жертву в СМИ и отойти в сторону, наблюдая, как государство делает за них грязную работу.

Марк Чень подошел к окну и посмотрел на ночной Нью-Йорк.

— Методология, отработанная в Уэйко, была экспортирована, — тихо произнес профессор, не оборачиваясь. — Прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем, в других странах мира создаются организации, копирующие структуру CAN. Они используют ту же самую терминологию. Они переводят книги Хассена и Росса. Они внедряются в государственные структуры и правоохранные органы Европы и Азии. И они готовят новые костры.

Эмили Картер перевела взгляд с профессора на фотографию улыбающихся агентов ATF, стоящих на пепелище Маунт-Кармел. Флаг, развевающийся над останками погибших детей, казался ей теперь не символом государственной власти, а знаменем победившей идеологии ненависти. Идеологии, которая прямо сейчас плела свою глобальную сеть, готовясь нанести новый удар в любой точке земного шара.

Глава 8. Голоса жертв и медиа-машина

Цифровой диктофон на столе Эмили Картер издал тихий щелчок, и комнату наполнил надтреснутый, глухой женский голос. За окном нью-йоркской квартиры шумел вечерний город, но для журналистки сейчас существовала только эта аудиозапись — свидетельство абсолютного, узаконенного бесправия. Эмили сидела в полумраке, окруженная стопками распечаток, судебных протоколов и архивных газетных вырезок. Отказавшись от написания заказного материала, она полностью погрузилась в

независимое расследование. Ей нужно было дать голос тем, кого индустрия принудительного «спасения» десятилетиями заставляла молчать.

Голос на записи принадлежал женщине из Калифорнии. Эмили нашла её через старые контакты правозащитных организаций. Прошло много лет, но травма в голосе собеседницы звучала так, словно всё произошло вчера. Перед тем как начать интервью, Эмили прочитала архивное сообщение о калифорнийском эпизоде депрограммирования, в котором говорилось, что женщина жаловалась на привязывание к кровати в гостиничном номере, повязку на глазах и длительное удержание в изоляции.

— Самое страшное — это потеря ориентации в пространстве и времени, — говорила женщина на записи, тяжело дыша. — Когда на твоих глазах плотная повязка, а руки намертво притянуты к спинкам кровати, твой мир сужается до размеров собственного страха. Я не видела лиц людей, которые входили в номер. Я только слышала их шаги. Они могли стоять надо мной часами и молчать, а потом внезапно начать кричать прямо в ухо, требуя, чтобы я отреклась от своих убеждений. Я не могла пошевелиться. Я не могла защитить себя. Я ходила под себя, потому что они отказывались отвязать меня даже для похода в туалет, пока я не скажу то, что они хотели услышать. Они называли это терапией. Они говорили, что очищают мой разум. Но в той темноте, привязанная к чужой кровати, я понимала, что они просто наслаждаются своей абсолютной властью над беспомощным человеком.

Эмили нажала на паузу. У неё дрожали руки. Она сделала глоток остывшего чая, пытаясь унять подступающую тошноту. Физическая жестокость этого метода поражала, но ещё больше пугала его обыденность. Для исполнителей это была просто работа, рутина, за которую они получали щедрые гонорары от родственников.

Журналистка открыла следующий файл. Это было интервью, которое она провела лично двумя днями ранее в тихом кафе на Верхнем Вест-Сайде. Её собеседником был пожилой мужчина по имени Дэвид, в прошлом — член религиозной группы New Testament Missionary Fellowship. В начале семидесятых годов он стал одной из мишеней этой безжалостной системы.

Дэвид сидел напротив Эмили, аккуратно помешивая ложечкой кофе, и рассказывал свою историю с пугающим спокойствием человека, давно пережившего свой персональный ад.

— Это был обычный вечер в Нью-Йорке, — вспоминал Дэвид, глядя в окно на проходящих мимо людей. — Я шёл на молитвенное собрание нашей общины. У меня в руках была Библия, в голове — мысли о предстоящей службе. Я не нарушал никаких законов, не представлял ни для кого угрозы. Внезапно рядом резко затормозил фургон. Дверь распахнулась. Несколько крепких мужчин выскочили наружу, схватили меня за руки и за шею. Я пытался сопротивляться, кричал, звал на помощь, но меня просто зашвырнули внутрь, как мешок с мусором. Удар о пол выбил из меня дыхание.

Эмили делала пометки в блокноте, сверяя его слова с архивной статьёй из The Daily News от 4 июня 1972 года, лежащей перед ней.

— Меня увезли и удерживали силой, — продолжал Дэвид. — Они подвергали меня непрерывному давлению, пытаясь заставить отказаться от моей веры. Когда мне всё же удалось вырваться и дело дошло до полиции, организатору этого кошмара были предъявлены официальные обвинения. Согласно архивным сообщениям, против Патрика были выдвинуты обвинения, связанные с насильственной попыткой депрограммирования и нападением. Патрик утверждал, что член общины был «спасён». Вы понимаете абсурдность этой ситуации, Эмили? Человек организует жестокое уличное нападение, лишает меня свободы, а в суде с гордо поднятой головой заявляет, что он мой спаситель. И самое страшное, что часть общества ему аплодировала.

Эмили закрыла файл с интервью Дэвида и откинулась на спинку кресла. Калифорния. Нью-Йорк. Айдахо. География не имела значения. Десятилетия сменяли друг друга, но алгоритм оставался неизменным.

Чтобы завершить картину, Эмили связалась по защищенной видеосвязи с Лизой Моррисон. Девушка находилась в безопасном месте в Бойсе, готовясь к предстоящему судебному процессу. На экране монитора Лиза выглядела изможденной, тени под её глазами стали ещё глубже, но во взгляде появилась стальная решимость.

— Эмили, вы должны понять одну вещь об этих людях, — голос Лизы звучал тихо, но твердо. — Физическое насилие — похищение, удержание, лишение сна — это только половина их метода. Вторая половина — это тотальный психологический капкан, из которого невозможно выбраться с помощью логики.

Лиза поправила воротник свитера, скрывающий сходящие синяки на шее.

— Когда я сидела в том мотеле, я пыталась с ними разговаривать. Я приводила аргументы. Я говорила, что наша община занимается благотворительностью, что мы

никого не удерживаем. Знаете, что они отвечали? Они улыбались и говорили: «Это говорит не Лиза. Это говорит программа, заложенная в твою голову». Если я начинала плакать и умолять отпустить меня, они заявляли, что моя истерика — это симптом ломки, доказательство того, что я больна. Если я замыкалась в себе и молчала, они торжествующе объявляли, что я нахожусь в глубоком гипнотическом трансе.

Лиза подалась ближе к камере, её глаза блестели от невыплаканных слёз.

— Любое моё сопротивление насилию антикультисты немедленно классифицировали как доказательство глубокого зомбирования. Это идеальная, герметичная система подавления. У тебя отнимают право на собственные эмоции. Твой страх, твоя боль, твоя попытка защитить свои конституционные права — всё это используется против тебя же, как подтверждение их выдуманного диагноза. Ты перестаешь быть человеком. Ты становишься объектом, который нужно «чинить», пока он не сломается окончательно и не согласится с их версией реальности.

Экран погас, оставив Эмили наедине со своими мыслями. Она пододвинула к себе чистый лист бумаги. Журналистка поняла, что для своей статьи ей нужно не просто описать страдания жертв. Ей нужно препарировать саму систему, показать обществу, как именно работает этот конвейер по производству легализованного насилия.

Она начала чертить схему, выстраивая алгоритм медийной машины, которая обеспечивала бесперебойную работу антикультовой индустрии.

Первый этап: Экспертная легитимация. Всё начинается с человека в дорогом костюме, обладающего солидно звучащим, но часто ничем не подкрепленным титулом. Этот «эксперт» выбирает мишень — небольшую религиозную группу, философское объединение или коммуну. Он выступает с публичным заявлением, используя псевдомедицинскую терминологию. Он вешает ярлык: «деструктивный культ», «тоталитарная секта». Он заявляет, что группа использует «контроль сознания». На этом этапе не нужны доказательства или решения суда. Достаточно уверенного тона и страшных слов.

Второй этап: Медийная диффамация. СМИ, всегда голодные до сенсаций и скандалов, подхватывают этот ярлык. Журналисты — такие же, какой Эмили едва не стала сама несколько недель назад — начинают выпускать статьи и репортажи. Часто они проверяют их недостаточно тщательно. Они берут интервью у «эксперта» и у нескольких недовольных бывших участников группы. Они раздувают панику, создавая в

обществе ощущение нависшей угрозы. Группа демонизируется. Её члены лишаются презумпции невиновности в глазах обывателей.

Третий этап: Финансовая транзакция. Родственники членов группы, живущие в другом городе или штате, читают эти статьи. Они видят по телевизору репортажи о «страшной секте». Естественная родительская тревога, подогреваемая медийной истерией, перерастает в панический ужас. Они звонят на горячие линии антикультовых организаций. Там их страхи подтверждают и направляют к «специалистам по выходу». Испуганные родственники, уверенные, что спасают жизнь своему ребенку, платят депрограммистам огромные суммы — десятки тысяч долларов.

Четвертый этап: Насилие и оправдание. Происходит похищение. Взрослого человека силой заталкивают в машину, увозят в изоляцию и подвергают психологическим пыткам. Но благодаря первым двум этапам это уголовное преступление уже заранее оправдано в глазах общества. Насилие красиво упаковывается в термин «спасение». Если жертва ломается под пытками и отказывается от своих убеждений, антикультисты преподносят это прессе как свой триумф и доказательство эффективности их методов. Если жертва сопротивляется и обращается в полицию, включается тот самый капкан, о котором говорила Лиза: сопротивление объявляется симптомом «промывания мозгов», а жертва выставляется неблагодарным, тяжело больным человеком, который всё ещё находится под влиянием секты.

Эмили смотрела на нарисованную схему. Это была замкнутая, самоподдерживающаяся экосистема. Антикультисты одновременно создавали проблему через медийную демонизацию, сами же определяли диагноз, сами предлагали жестокое лечение и зарабатывали на каждом из этих этапов. А пресса служила бесплатным рекламным агентством и адвокатом для похитителей.

Журналистка открыла текстовый редактор на ноутбуке. Её пальцы легли на клавиатуру. Теперь она знала, как начать свой материал. Она не будет оправдываться. Она ударит в самое сердце этой системы, обнажив её циничный, коммерческий расчет.

Неделю спустя в здании суда округа Ада в Бойсе, штат Айдахо, царила напряженная, душная атмосфера. Зал заседаний был обшит темным деревом, на стенах висели портреты судей прошлых лет, бесстрастно взирающих на разворачивающуюся драму. На скамьях для публики не было свободных мест: дело Лизы Моррисон

привлекло внимание местной прессы, правозащитников и представителей религиозных общин.

Лиза сидела за столом истца, бледная, в строгом темно-синем костюме. Её руки, сложенные на коленях, мелко дрожали. Рядом с ней, излучая спокойную, монолитную уверенность, находился Дэниел Мбеки. Юрист методично раскладывал перед собой папки с документами, готовясь к одному из самых сложных процессов в своей карьере.

На противоположной стороне зала, за столом защиты, сидели Ричард и Маргарет Моррисон. Родители Лизы выглядели постаревшими на десять лет. Маргарет постоянно комкала в руках влажный платок, не решаясь поднять глаза на дочь. Рядом с ними, с абсолютно невозмутимыми лицами, расположились Бренда и Дэвид — те самые наемники, которые неделю назад держали Лизу в заклеенном пластиком мотеле. Их интересы представлял дорогой, лощеный адвокат Роберт Вэнс, известный своим агрессивным стилем ведения допросов.

Судья Харрисон, седовласый мужчина в очках в роговой оправе, ударил молотком, призывая зал к тишине.

— Суд готов заслушать вступительные заявления сторон, — произнес судья, глядя поверх очков. — Мистер Вэнс, защита может начать.

Адвокат похитителей медленно поднялся, застегнул пуговицу пиджака и вышел на середину зала. Он обвел взглядом присяжных, устанавливая зрительный контакт.

— Дамы и господа присяжные, — голос Вэнса был глубоким, бархатистым, полным показного сочувствия. — То, что вы услышите в этом зале в ближайшие дни, может показаться вам шокирующим. Обвинение будет рисовать перед вами картину жестокого похищения. Они будут говорить о наручниках, о запертых дверях, о лишении свободы. И я скажу вам прямо сейчас: мы не отрицаем фактов физического перемещения мисс Моррисон.

По залу прокатился тихий гул удивления. Лиза напряглась, бросив тревожный взгляд на Дэниела, но юрист лишь едва заметно кивнул, ожидая именно такого поворота.

— Да, мои клиенты забрали Лизу Моррисон от её дома, — продолжил Вэнс, повышая голос. — Да, они увезли её в безопасное место. Но почему они это сделали? Они сделали это по просьбе убитых горем родителей, которые видели, как их дочь

исчезает в пучине деструктивного культа. Они видели, как её личность стирается, как её воля подавляется лидерами этой так называемой общины.

Адвокат подошел ближе к скамье присяжных, опершись рукой о деревянный барьер.

— В юриспруденции существует понятие «крайней необходимости». Если вы видите, что человек тонет, вы не спрашиваете у него разрешения на спасение. Вы хватаете его за волосы и тащите на берег, даже если при этом причиняете ему боль. Лиза Моррисон тонула. Её разум был захвачен. Мои клиенты совершили акт спасения. Они действовали в условиях крайней необходимости, чтобы предотвратить гораздо большее зло — полное разрушение психики молодой женщины. Мы докажем вам, что действия моих клиентов были продиктованы исключительно заботой о благе мисс Моррисон, и что в сложившихся обстоятельствах у семьи просто не было иного выбора.

Вэнс вернулся на свое место, оставив присяжных обдумывать его слова. Это была та самая тактика, которая уже однажды сработала в этом же самом штате. Адвокаты похитителей Лизы использовали защиту «необходимости», утверждая, что преступление было совершено ради её блага, повторяя аргументацию, давно известную по делам о депрограммировании и “спасении” взрослых людей против их воли. Они пытались превратить уголовный процесс о похищении в суд над религиозными убеждениями жертвы.

Судья Харрисон повернулся к столу истца.

— Мистер Мбеки. Ваше слово.

Дэниел поднялся. Он не стал выходить на середину зала. Он встал прямо у своего стола, положив руку на спинку стула Лизы, демонстрируя абсолютную поддержку своей клиентке. Его лицо было суровым, а голос звучал как натянутая струна, готовая лопнуть.

— Ваша честь. Дамы и господа присяжные, — начал Дэниел, чеканя каждое слово. — Защита только что призналась в совершении тяжкого уголовного преступления прямо в этом зале. Они признались в похищении взрослого, дееспособного гражданина Соединенных Штатов Америки. Но они просят вас закрыть на это глаза, потому что им не нравится религия моей клиентки.

Дэниел сделал шаг вперед, его взгляд впился в адвоката защиты.

— Нам предлагают поверить в абсурдную, опасную иллюзию. Нам говорят, что если группа самопровозглашенных экспертов назовет чью-то веру «деструктивным культом», то законы этой страны перестают действовать. Нам говорят, что можно подстеречь женщину в темноте, скрутить её, бросить на пол фургона, запереть в комнате с заклеенными окнами и сутками лишать её сна — и всё это во имя любви и спасения.

Юрист повернулся к присяжным.

— Защита использует термин «крайняя необходимость». Но давайте посмотрим на факты. Лиза Моррисон работала воспитателем в детском саду. Она платила налоги. Она не совершала преступлений. Она не принимала наркотики. Её единственная «вина» заключалась в том, что она нашла духовное утешение в группе людей, чьи взгляды не совпадали со взглядами её родителей.

Дэниел поднял вверх Конституцию США в мягкой обложке.

— Оправдание похищения религиозными убеждениями жертвы — это не просто юридическая ошибка. Это прямое, целенаправленное уничтожение Первой поправки к Конституции. Первая поправка гарантирует каждому из нас свободу совести. Она гарантирует, что государство и общество не имеют права диктовать нам, во что верить, как молиться и с кем изучать священные тексты. Если вы сегодня примете аргумент защиты о «необходимости», вы создадите прецедент, который разрушит фундамент нашего свободного общества.

Голос Дэниела заполнил весь зал, отражаясь от деревянных панелей.

— Вы скажете каждому фанатику, каждому наемнику в этой стране: «Если вам не нравится чья-то религия, если вы считаете чьи-то взгляды неправильными — вы имеете право применить силу. Вы имеете право похищать людей, пытаться их и называть это терапией». Вы превратите свободу вероисповедания в психиатрический диагноз, требующий насильственного лечения. Лиза Моррисон не тонула, как утверждает защита. Она жила своей жизнью. А эти люди, — Дэниел указал на Бренду и Дэвида, — не спасатели. Они — преступники, которые монетизировали родительский страх и превратили насилие в бизнес. И мы здесь для того, чтобы этот бизнес остановить.

В зале повисла тяжелая, звенящая тишина. Речь Дэниела ударила по самой сути антикультовой идеологии, сорвав с неё маску благопристойности.

Процесс перешел в стадию допроса свидетелей. Это было изматывающее, жестокое противостояние. Адвокат Вэнс методично пытался дискредитировать Лизу. Он задавал ей вопросы о её пожертвованиях общине, о её разрыве с бывшим женихом, о её отношениях с родителями. Он пытался выставить её нестабильной, ведомой, неспособной к самостоятельному мышлению.

Когда Лиза, уставшая от многочасового допроса, повысила голос, требуя прекратить оскорблять её друзей, Вэнс торжествующе повернулся к присяжным.

— Обратите внимание на эту агрессию, — заявил он. — Это классическая защитная реакция человека, чьё сознание всё ещё находится под контролем культа. Она не может критически оценивать ситуацию.

Дэниел немедленно вскочил с места.

— Протестую, ваша честь! Защита использует круговую логику. Они пытаются убедить суд, что естественный гнев жертвы похищения по отношению к своим мучителям является симптомом психического расстройства. Это издевательство над здравым смыслом!

— Протест принят, — сухо ответил судья Харрисон. — Мистер Вэнс, воздержитесь от медицинских диагнозов, вы не психиатр.

На третий день процесса на место свидетеля вызвали Бренду. Женщина в строгом кардигане села в кресло, сложив руки на коленях, и посмотрела на зал с выражением кроткой добродетели.

Дэниел подошел к свидетельской трибуне. В его руках была папка с распечатками.

— Мэм, вы утверждаете, что являетесь специалистом по консультированию по выходу, верно? — начал юрист спокойным тоном.

— Да, сэр. Я помогаю семьям воссоединиться.

— Замечательно. Скажите, какое у вас образование? У вас есть диплом клинического психолога? Лицензия психиатра?

Бренда слегка поджала губы.

— Мой опыт основан на многолетней практике работы с жертвами деструктивных культов. Академические степени не всегда отражают реальное понимание проблемы контроля сознания.

— То есть, нет, — констатировал Дэниел. — Вы не врач. Тем не менее, вы взяли на себя смелость поставить Лизе Моррисон диагноз «промывание мозгов». Расскажите суду, как именно проходило ваше «консультирование» в мотеле. Вы позволяли мисс Моррисон спать?

— Мы находились в процессе интенсивной интервенции, — Бренда старалась говорить мягко, но в её голосе проскользнули металлические нотки. — В таких случаях необходимо поддерживать постоянный контакт с субъектом, чтобы прорвать барьеры культовой идентичности.

— Я задал простой вопрос, мэм. Вы давали ей спать в первые двое суток? Да или нет?

— Сон мог прервать терапевтический процесс...

— Да или нет?! — голос Дэниела прогремел на весь зал.

— Нет, — процедила Бренда.

— Вы вырывали страницы из её личной Библии на её глазах?

— Это был символический акт разрушения культовых триггеров...

— Вы угрожали ей принудительной отправкой в закрытую психиатрическую клинику, если она не признает вашу правоту?

Адвокат Вэнс вскочил.

— Протестую! Свидетель подвергается давлению!

— Я просто прошу свидетеля описать её собственные методы «спасения», ваша честь, — парировал Дэниел, не сводя глаз с Бренды.

— Отвечайте на вопрос, свидетель, — приказал судья.

Бренда сглотнула. Её маска благопристойности дала трещину.

— Мы использовали все доступные методы убеждения ради её же блага. Иногда пациенту нужно показать последствия его упрямства.

Дэниел отвернулся от неё и подошел к столу присяжных.

— Лишение сна. Уничтожение личного имущества. Угрозы карательной психиатрией. И всё это делает человек без медицинского образования, нанятый за

деньги. Дамы и господа, если это называется «консультированием», то я боюсь представить, что в словаре этих людей означает слово «пытка».

Допрос продолжался. Дэниел методично, шаг за шагом, разрушал фасад респектабельности, за которым прятались похитители. Он заставил Дэвида признать, что они перерезали телефонный провод у квартиры Лизы. Он заставил родителей Лизы, Ричарда и Маргарет, со слезами на глазах признать, что они заплатили наемникам пятнадцать тысяч долларов наличными, не подписав ни одного официального договора на оказание медицинских услуг.

Процесс был тяжелым, изматывающим марафоном. Каждый день Лиза возвращалась в безопасный номер отеля абсолютно опустошенной. Ей приходилось заново переживать свой кошмар, слушая, как люди, причинившие ей боль, оправдывают свои действия высокими идеалами.

В последний день слушаний, перед тем как присяжные должны были удалиться для вынесения вердикта, Лиза сидела за столом и смотрела на своих родителей. Маргарет плакала, закрыв лицо руками. Ричард смотрел в пол, его плечи были опущены. Они наконец начали понимать, что натворили. Иллюзия, созданная антикультовыми сайтами и экспертами, рассеялась под безжалостным светом юридических фактов. Они увидели себя не спасителями, а заказчиками жестокого преступления против собственного ребенка.

Лиза перевела взгляд на Бренду и Дэвида. Наемники не выглядели раскаявшимися. Они перешептывались со своим адвокатом, уверенные в том, что система, которая столько раз их защищала, сработает и сейчас. Они верили в силу своей терминологии. Они верили, что страх перед «сектами» окажется сильнее фактов.

Судья Харрисон объявил перерыв. Присяжные покинули зал.

Дэниел начал собирать документы в портфель. Он сделал всё, что мог. Он выстроил безупречную линию обвинения, он защитил Конституцию, он дал Лизе возможность рассказать правду. Но он знал, как непредсказуемы бывают присяжные, когда речь заходит о религии и страхе.

Лиза прикоснулась к рукаву пиджака Дэниела.

— Как вы думаете, мы победим? — тихо спросила она.

Дэниел посмотрел на пустую скамью присяжных, затем на закрытые двери зала суда.

— Мы уже победили, Лиза, — ответил он, и в его голосе звучала мрачная, тяжелая правда. — Мы заставили их признаться в том, кто они есть на самом деле. Мы сорвали с них маски. Но правосудие в этой системе — это не всегда вопрос фактов. Иногда это вопрос того, насколько глубоко яд их пропаганды проник в умы обычных людей.

В коридоре суда раздались шаги. Двери начали медленно открываться. Присяжные возвращались, неся в руках решение, которое должно было определить не только судьбу Лизы Моррисон, но и границы дозволенного насилия в обществе, ослепленном искусственным страхом.

Глава 9. Беснаказанность и правосудие

Тишина в зале суда округа Ада была настолько плотной, что казалась осязаемой. Пылинки лениво кружились в лучах послеполуденного солнца, пробивающихся сквозь высокие узкие окна. Двенадцать присяжных заседателей заняли свои места в деревянной ложе. Их лица были непроницаемыми, уставшими после долгих дней изматывающего процесса, в котором столкнулись фундаментальные права человека и искусственно сконструированный страх.

Лиза Моррисон сидела за столом истца, выпрямив спину и сцепив бледные пальцы на коленях. Рядом с ней Дэниел Мбеки медленно закрыл свой блокнот. Юрист сделал всё возможное. Он выстроил безупречную линию обвинения, разбил аргументы защиты о «крайней необходимости» и заставил наемников признаться в применении психологического насилия. Но в делах, где фигурировала религия, закон часто уступал место предрассудкам.

Судья Харрисон надел очки и посмотрел на старшину присяжных — женщину средних лет в строгом сером костюме.

— Дамы и господа присяжные, вынесли ли вы вердикт? — голос судьи эхом разнесся по залу.

— Да, ваша честь, — старшина поднялась, держа в руках лист бумаги.

Лиза закрыла глаза. На противоположной стороне зала, за столом защиты, Бренда и Дэвид обменялись короткими, уверенными взглядами. Они не выглядели напуганными. За их спинами сидели Ричард и Маргарет Моррисон. Родители Лизы, напротив, казались раздавленными. Недели судебных слушаний, во время которых они в мельчайших подробностях слышали, через что прошла их дочь по их собственной вине, сорвали с них пелену антикультовой пропаганды. Они больше не чувствовали себя спасителями.

— По обвинению в незаконном лишении свободы, — начала читать старшина, и её голос слегка дрогнул, — мы находим подсудимых виновными.

Лиза шумно выдохнула. Дэниел ободряюще сжал её плечо. Но радость была преждевременной.

— По обвинению в похищении человека второй степени, — продолжила старшина, — мы находим подсудимых невиновными. По обвинению в умышленном причинении эмоционального страдания — невиновными.

Дэниел стиснул челюсти. Присяжные пошли на компромисс. Они не смогли полностью проигнорировать факт насильственного удержания, подтвержденный полицией и медицинскими заключениями, но они отказались признать действия наемников тяжким уголовным преступлением. Защита «необходимости», искусно выстроенная адвокатом Вэнсом, сделала своё дело. Присяжные поверили, что похитители действовали из благих побуждений, пусть и превысили свои полномочия.

Судья Харрисон принял лист с вердиктом, внимательно изучил его и огласил приговор. Бренде и Дэвиду было назначено наказание в виде условного срока, нескольких сотен часов общественных работ и выплаты административного штрафа. Никакого реального тюремного заключения. Никаких серьезных последствий для их дальнейшей карьеры. Они вышли из этого зала свободными людьми, отделавшись легким испугом.

Что касается Ричарда и Маргарет Моррисон, прокуратура, учитывая их сотрудничество со следствием и отсутствие криминального прошлого, еще до начала основных слушаний пошла на сделку. Родители избежали уголовного преследования. Юридически они остались чисты.

Но когда судья объявил заседание закрытым и ударил молотком, в зале не было победителей. Бренда и Дэвид быстро собрали свои вещи, пожали руку своему адвокату и направились к выходу, даже не взглянув на семью, чьи деньги они взяли. Ричард Моррисон медленно поднялся со скамьи. Он сделал неуверенный шаг в сторону стола истца, где стояла его дочь. Маргарет шла следом, по её щекам текли беззвучные слезы.

— Лиза... — голос Ричарда сорвался. Он протянул руку, словно пытаясь коснуться её плеча, но замер в нескольких дюймах, не решаясь преодолеть невидимую стену, выросшую между ними. — Доченька. Прости нас. Мы думали... нам сказали, что ты в опасности. Мы просто хотели вернуть тебя.

Лиза посмотрела на отца. В её глазах не было ни гнева, ни ненависти. Там была только звенящая, абсолютная пустота. Она смотрела на людей, которые дали ей жизнь, которые учили её ходить и читать, и видела перед собой чужаков, оплативших её пытки.

— Вы вернули меня, папа, — тихо ответила Лиза. Её голос был ровным, лишенным каких-либо эмоций. — Но вы убили всё, что нас связывало. Я больше не могу называть вас семьей. Пожалуйста, не ищите со мной встреч.

Она отвернулась, взяла свою сумку и направилась к выходу из зала, сопровождаемая Дэниелом. Маргарет издала сдавленный крик и осела на скамью, закрыв лицо руками. Ричард остался стоять посреди пустеющего зала, глядя вслед уходящей дочери. Их респектабельная жизнь, их статус, их уверенность в собственной правоте — всё это превратилось в пепел.

Вечером того же дня Дэниел Мбеки сидел в лобби отеля в центре Бойсе, ожидая такси до аэропорта. Эмили Картер, прилетевшая на оглашение вердикта, сидела в кресле напротив, задумчиво глядя в окно на темнеющие улицы города.

— Я не понимаю, Дэниел, — произнесла журналистка, нарушив молчание. — У нас были медицинские справки. У нас были следы от пластиковых стяжек на её запястьях. У нас были признательные показания родителей о передаче денег. Как присяжные могли вынести такой мягкий приговор? Условный срок за неделю пыток в заклеенной комнате?

Юрист устало потер переносицу. Судебные баталии вытянули из него все силы.

— Потому что мы боролись не с фактами, Эмили. Мы боролись с глубоко укоренившимся социальным мифом. Присяжные — это обычные люди. Они смотрят

телевизор, читают газеты. Десятилетиями им рассказывали страшные истории о том, как секты превращают молодежь в безвольных зомби. Когда адвокат защиты произносил слова «контроль сознания» и «спасение», в головах присяжных срабатывал триггер. Они смотрели на Бренду и Дэвида и видели не преступников, а санитаров леса, выполняющих грязную, но необходимую работу.

Дэниел посмотрел на свой портфель, в котором лежали копии судебных протоколов.

— Мы выиграли дело формально. Лиза получила судебное подтверждение того, что её удерживали незаконно. Но посмотрите на реальный результат. Похитители на свободе и готовы взять следующий заказ. А семья Моррисон уничтожена навсегда. Ричард и Маргарет потеряли дочь, Лиза потеряла родителей. Именно так работает эта система. Она питается человеческим страхом, выкачивает из семей деньги, а затем оставляет после себя выжженную землю. Она уничтожает всё, к чему прикасается, даже когда жертва выигрывает суд.

Эмили достала свой блокнот. Слова юриста идеально ложились в ту картину, которую она начала выстраивать в своем расследовании. Индустрия антикультизма была паразитом, который убивал своего носителя.

— Но ведь полиция должна была вмешаться раньше, — не унималась Эмили. — Когда Лиза только пропала, её сестра Рэйчел умоляла полицейских начать поиски. Они отказались, поверив на слово родителям. Как правоохранительная система может быть настолько слепой?

Дэниел горько усмехнулся.

— Слепота правоохранительных органов в таких делах — это не случайность. Это историческая закономерность. Вы изучали архивы семидесятых и восьмидесятых годов. Вы думаете, полиция тогда не знала, что происходит в этих мотелях?

Эмили вспомнила сотни прочитанных ею страниц. Она вспомнила имена жертв, их показания, их отчаянные попытки добиться справедливости. Вернувшись в Нью-Йорк на следующий день, она с головой погрузилась в изучение именно этого аспекта проблемы — парадокса абсолютной безнаказанности и соучастия властей. Она сидела за своим рабочим столом, обложенная документами. Её интересовал вопрос: как государство, обладающее монополией на насилие, позволяло частным лицам безнаказанно похищать граждан?

Ответ нашелся в материалах, собранных независимыми исследователями, и в документальных свидетельствах эпохи. Эмили открыла расшифровку интервью из документального фильма режиссера Миа Донован «Deprogrammed». В этом фильме сам Тед Патрик, человек, стоявший у истоков индустрии, с пугающей откровенностью рассказывал о своих методах и о своих отношениях с законом.

Журналистка вчитывалась в строки, описывающие один конкретный эпизод, который стал для неё квинтэссенцией правового абсурда. Патрик вспоминал случай из своей практики, когда он удерживал очередную жертву в номере обычного придорожного мотеля. Процесс «депрограммирования» шел тяжело. Жертва сопротивлялась, кричала, звала на помощь, умоляя спасти её от похитителей. Крики были настолько громкими и отчаянными, что кто-то из соседей по мотелю, не выдержав, вызвал полицию.

Эмили представила эту сцену. Ночь. Дешевый мотель. Вой сирен. Двое патрульных офицеров стучат в дверь номера, из которого доносятся крики о помощи. Дверь открывает Тед Патрик. Внутри комнаты находится связанный или физически удерживаемый человек, который в истерике умоляет полицейских арестовать своих мучителей.

В любой нормальной ситуации, при любом другом контексте, офицеры немедленно достали бы оружие, надели на Патрика наручники и освободили бы заложника. Это базовый протокол действий при обнаружении незаконного лишения свободы.

Но произошло нечто совершенно иное. Согласно воспоминаниям самого Патрика, когда полицейские прибыли и оценили обстановку, он спокойно вышел к ним и объяснил ситуацию. Он использовал свой стандартный набор фраз: это не похищение, это медицинская интервенция; человек внутри находится под контролем деструктивного культа; мы действуем по поручению семьи; мы спасаем его разум.

И полицейские, представители закона, давшие клятву защищать граждан от насилия, опустили руки. Несмотря на очевидное, происходящее прямо на их глазах незаконное лишение свободы, несмотря на продолжающиеся крики жертвы о помощи, офицеры встали на сторону депрограммиста. Более того, они вошли в номер и попытались помочь Патрику «вразумить» его пленника. Они уговаривали жертву успокоиться и послушать своих похитителей.

Эмили перечитала этот абзац трижды. Полиция помогала похитителю. Этот парадокс ломал все представления о правовом государстве. Антикультовая пропаганда оказалась настолько мощной, настолько всепроникающей, что она способна была отключить базовые профессиональные инстинкты у сотрудников правоохранительных органов. Ярлык «сектант» работал как магическое заклинание, лишаящее человека конституционных прав прямо на глазах у полиции. Офицеры смотрели на жертву, но видели не гражданина, нуждающегося в защите, а больного, неразумного ребенка, которого строгие родители наказывают ради его же блага. Государство добровольно делегировало свое право на насилие частным наемникам, потому что поверило в созданный ими миф.

Но если идеология была лишь ширмой, то что являлось истинным двигателем этой системы? Эмили открыла новую папку на своем компьютере. Она назвала её «Цена спасения». Ей нужно было проанализировать финансовую сторону индустрии, чтобы окончательно доказать: безнаказанность покупалась и продавалась, а садизм имел четкий прайс-лист.

Она начала сводить воедино разрозненные финансовые данные из старых судебных исков, газетных расследований и налоговых деклараций. Цифры, всплывающие на экране, поражали воображение. Это был не просто теневой бизнес; это была высокорентабельная корпорация, построенная на эксплуатации человеческого горя.

Стандартный гонорар Теда Патрика за базовую процедуру депрограммирования, занимавшую обычно около трех дней, мог составлять около 10 000 долларов. В пересчете на современные деньги с учетом инфляции это была колоссальная сумма. Тысячи долларов за то, чтобы запереть человека в комнате, лишить его сна и кричать на него, пока он не сломается.

Но аппетиты индустрии не ограничивались базовыми тарифами. В зависимости от сложности дела, платежеспособности родителей и длительности удержания, суммы могли взлетать до небес. Эмили нашла подтвержденные данные о гонорарах, достигавших 27 000 долларов за одну операцию.

Журналистка углубилась в изучение конкретных микро-кейсов, демонстрирующих холодный деловой цинизм этих финансовых транзакций. Она открыла материалы, связанные с историей Долли Эдвардс, жительницы города Лаббок, штат Техас.

Долли была типичной клиенткой антикультовой сети — напуганной матерью, уверенной, что её двадцатидвухлетняя дочь попала в беду, присоединившись к религиозной организации. Поддавшись панике, Долли связалась с Патриком и заплатила ему аванс в размере 3 900 долларов за организацию «извлечения» дочери.

Однако жизнь распорядилась иначе. До того как наемники успели совершить нападение, дочь Долли самостоятельно приняла решение покинуть организацию и вернулась домой. Никакого похищения не потребовалось. Никакого «контроля сознания», требующего силового вмешательства, не существовало — девушка просто изменила свои взгляды и приехала к матери.

Обрадованная, но практичная Долли Эдвардс обратилась к Патрику с логичной просьбой: вернуть уплаченные 3 900 долларов, поскольку услуга не была оказана. Ответ, который она получила, идеально характеризовал суть этого бизнеса. Патрик отказался возвращать полную сумму. После долгих препирательств он вернул лишь незначительную часть денег, оставив остальное себе в качестве «компенсации за потраченное время и консультации».

В другом задокументированном случае еще одна техасская женщина свидетельствовала под присягой, что заплатила Патрику 2 900 долларов за депрограммирование своей дочери. Деньги передавались наличными, без чеков, без договоров, без каких-либо гарантий.

Эмили смотрела на эти цифры, выписанные в столбик на листе бумаги. Умножить это на тысячи заявленных случаев. Это были миллионы долларов, циркулирующие в серой зоне экономики. Родители закладывали дома, брали кредиты, опустошали пенсионные счета, чтобы оплатить услуги людей, которые продавали им иллюзию контроля над жизнями их взрослых детей.

Чтобы понять психологию людей, стоящих на вершине этой финансовой пирамиды, Эмили обратилась к аналитическим материалам. На её столе лежала распечатка с выдержками из исследований, посвященных профилированию лидеров антикультового движения. Её взгляд зацепился за абзац, в котором анализировалась философия садизма и безнаказанности.

Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», психология этих людей строилась на глубоко извращенном восприятии реальности. Эмили читала текст, и холод пробегал по её коже:

«Понятие “безднаказанность” применимо только в парадигме “преступление — наказание”. Если нет преступления, не может быть и безднаказанности. Здесь субъект прямым текстом сообщает нам: “Я совершил акт злой воли, и я остался безднаказанным”. Листок бумаги словно становится фиксацией того, что он выше закона, выше Бога и он избежал правосудия. Философия садизма субъекта: “Серьезно только то, что накручивается на боль, на рану. И через боль, через раны приходишь к себе в самую главную глубину”. Это финальный штрих к профилю. Здесь рождается идеология будущего “сектоборца”. Для него нормальная жизнь, взросление, самопознание, любовь, радость — это “пшик”, иллюзия. А единственная реальность — это боль. Сначала чужая, возможно потом своя, потом снова чужая. Эта установка — фундамент личности садистического типа».

Эмили отложила распечатку. Этот анализ идеально объяснял то, что она видела в судебных документах и слышала в интервью жертв. Депрограммисты не были заблуждающимися праведниками. Они были людьми с садистическими наклонностями, которые нашли социально приемлемый, высокооплачиваемый способ реализовывать свои темные желания. Они упивались своей властью над связанными, лишенными сна жертвами. Они наслаждались тем, что могут ломать чужую психику, получая за это деньги и благодарность общества.

Их безднаказанность была не просто следствием несовершенства правовой системы. Она была их главным трофеем. Они раз за разом доказывали себе, что могут совершать тяжкие преступления, смотреть в глаза судьям и полицейским, и выходить сухими из воды.

Журналистка потеряла уставшие глаза. Часы на экране компьютера показывали половину третьего ночи. Нью-Йорк за окном погрузился в редкие часы относительной тишины.

Эмили задалась вопросом: где сейчас эти люди? Те, кто заложил фундамент этой индустрии, кто разработал методы пыток и научил последователей манипулировать полицией? Многие из них, вероятно, уже ушли из жизни или доживают свои дни в безвестности, прячась от правосудия и гнева своих бывших жертв.

Она открыла браузер и ввела в поисковую строку имя: «Тед Патрик». Она ожидала найти некролог. Или, в крайнем случае, упоминание о глубоком старике, доживающем свой век в доме престарелых, давно забывшем о своих кровавых похождениях. Человеку,

который начал свою деятельность в начале семидесятых, сейчас должно было быть далеко за девяносто.

Поисковик выдал несколько исторических статей, ссылки на старые судебные дела и страницы в Википедии. Но среди этих архивных ссылок Эмили заметила нечто странное. Это была ссылка на профиль в социальной сети X (ранее известной как Twitter).

Она кликнула по ссылке. Страница загрузилась. Профиль принадлежал пользователю с ником @thetdpatrick. Эмили быстро проверила метаданные и историю аккаунта. Это не был фейк или страница, созданная историками. Это был реальный, активный аккаунт. Журналистка прокрутила ленту вниз, чувствуя, как учащается её пульс. Она остановилась на посте, датированном 18 июля 2021 года. На момент публикации этого сообщения Теду Патрику, человеку, который публично заявлял о своем личном участии более чем в двух тысячах похищений, человеку, который ломал жизни, разрушал семьи и отсидел за всё это суммарно около года в тюрьме, был 91 год.

Эмили приблизила текст на экране. Черные буквы на белом фоне казались ей насмешкой над самим понятием правосудия.

«I'm back in action. Let's do some deprogramming. DMs are open». («Я снова в деле. Давайте займемся депрограммированием. Личные сообщения открыты».)

Она сидела в полумраке своей квартиры, не в силах отвести взгляд от этих слов. Девяносто один год. Возраст, когда люди подводят итоги жизни, нянчат правнуков и готовятся к вечности. Но этот человек, архитектор системы легализованного насилия, не испытывал ни капли раскаяния. Он не прятался. Он не скрывал своего прошлого. Напротив, он использовал его как рекламный слоган.

«Личные сообщения открыты».

Это означало, что прямо сейчас, в 2021 году, любая напуганная мать, любой разгневанный отец могли написать ему. И он, или люди, работающие под его брендом, снова вышли бы на охоту. Снова арендовали бы фургон. Снова купили бы пластиковые стяжки и черный мусорный пластик для окон мотеля.

Эмили вспомнила пустой, выгоревший взгляд Лизы Моррисон в зале суда. Она вспомнила слезы её матери, осознавшей, что она натворила. Она вспомнила полицейских, которые помогали похитителю уговаривать жертву сдаться. Парадокс

безднаказанности предстал перед ней во всем своем чудовищном величии. Система правосудия, способная отправить человека за решетку на десятилетия за кражу со взломом или хранение наркотиков, оказалась абсолютно бессильной перед организованным, идеологически мотивированным садизмом.

Тед Патрик был жив. Он был на свободе. И он открыто предлагал свои услуги по совершению тяжких уголовных преступлений на платформе с миллионами пользователей. Ни ФБР, ни местная полиция, ни прокуратура не стучали в его дверь с ордером на арест.

Эмили Картер смотрела на мерцающий экран монитора. Иллюзия того, что зло осталось в далеких семидесятых или сторело в огне Уэйко, окончательно рассеялась. Индустрия не просто выжила. Она чувствовала себя настолько неуязвимой, что её основатели могли позволить себе смеяться в лицо обществу, открыто публикуя прайс-листы на уничтожение человеческих душ. И пока эта безднаказанность оставалась нормой, ни один человек, чьи убеждения отличались от мнения большинства, не мог чувствовать себя в безопасности.

Глава 10. Центр паутины

Дождь непрерывно хлестал по панорамным окнам кабинета профессора Марка Ченя, размывая огни ночного Манхэттена в сплошные неоновые полосы. Настенные часы показывали половину третьего ночи, но никто из троих людей, собравшихся в этой комнате, не думал о сне. Воздух был пропитан запахом крепкого черного кофе, старой бумаги и того специфического, электрического напряжения, которое возникает, когда разрозненные фрагменты хаоса внезапно складываются в пугающе четкую картину.

Эмили Картер сидела на краю кожаного дивана, окруженная стопками распечаток, судебных транскриптов и архивных газетных вырезок. Напротив нее, в глубоком кресле, расположился Дэниел Мбеки. Юрист выглядел измотанным после недавних судебных баталий в Айдахо, его галстук был ослаблен, а рукава рубашки закатаны. Марк Чень

стоял у огромной маркерной доски, занимавшей почти всю стену кабинета. Доска была испещрена именами, датами и стрелками, соединяющими различные организации.

— Мы уперлись в стену, — глухо произнес Дэниел, нарушив затянувшуюся тишину. Он взял со стола копию документа о банкротстве американской антикультовой организации, датированного девяносто шестым годом. — Мы отследили финансовые потоки. Мы доказали, что идеология принудительного «спасения» — это коммерческое предприятие, построенное на насилии. Мы знаем имена исполнителей на территории Соединенных Штатов. Но эта структура децентрализована. После серии крупных судебных исков они рассыпались на десятки мелких фондов и независимых консультантов. У них больше нет единого юридического лица в Америке.

Эмили подняла взгляд от своих записей.

— Но паттерн продолжает воспроизводиться, Дэниел. То, что произошло с Лизой Моррисон несколько недель назад, до мельчайших деталей совпадает с тем, что происходило в восьмидесятых. Та же терминология. Те же методы изоляции. Те же оправдания в суде. Если у них нет единого центра здесь, в США, то кто пишет для них современные методички? Кто обеспечивает им идеологическое прикрытие на глобальном уровне? Это не может быть просто стихийным воспроизведением старых идей. Кто-то должен поддерживать этот огонь.

Марк Чень медленно опустил маркер. Он повернулся к своим гостям, и в его глазах отразилась тяжелая, многолетняя усталость академического исследователя, который слишком долго наблюдал за распространением опасного вируса.

— Вы мыслите в рамках одной страны, Эмили, — тихо сказал профессор. — Вы ищете центр управления там, где зародилась сама идея. Но вирусы мутируют. Они мигрируют туда, где иммунная система общества слабее, где государственные институты готовы принять их с распростертыми объятиями. А затем, окрепнув и получив неограниченные ресурсы, они возвращаются обратно.

Марк подошел к своему рабочему столу, выдвинул нижний ящик, запертый на ключ, и достал оттуда объемную картонную папку. Он положил ее на стол перед Эмили и Дэниелом. На обложке не было никаких названий, только аббревиатура из шести букв: РАЦИРС.

— Я упоминал это имя вскользь, когда мы только начинали наше расследование, — произнес Марк, открывая папку. — Но тогда мы были сосредоточены на локальном

кризисе. Теперь пришло время взглянуть на полную картину. Познакомьтесь с человеком, который вдохновился американскими методами подавления личности и создал транснациональную сеть, перед которой бледнеют все прошлые антикультовые инициативы.

Профессор достал фотографию мужчины с окладистой бородой, в строгом костюме, с тяжелым, пронзительным взглядом.

— Александр Леонидович Дворкин, — представил его Марк. — Родился в Москве в 1955 году. В 1977 году эмигрировал из Советского Союза в Соединенные Штаты Америки.

Эмили взяла фотографию, внимательно вглядываясь в лицо человека на снимке.

— Он жил здесь? В то самое время, когда индустрия депрограммирования набирала обороты?

— Именно, — кивнул Марк. — Дворкин провел в США почти пятнадцать лет. Это были годы расцвета агрессивной антикультовой пропаганды. По сути, он находился в эпицентре формирования этой идеологии в США. Он впитывал методы демонизации меньшинств, наблюдал за тем, как создаются искусственные паники в СМИ, как маргинализируются неугодные группы. Он видел, какую колоссальную власть и какие финансовые ресурсы можно получить, если убедить общество в существовании невидимой, вездесущей угрозы.

Дэниел подался вперед, его профессиональный интерес мгновенно обострился.

— И что произошло потом?

— В 1991 году Советский Союз рухнул, — продолжил профессор, раскладывая на столе исторические справки. — Огромная страна оказалась в состоянии идеологического вакуума. Миллионы людей искали новые смыслы, новые духовные ориентиры. И ровно в этот момент, в 1991 году, Александр Дворкин возвращается в Россию. Вчерашний эмигрант, не имеющий никакого веса в местной иерархии, внезапно и стремительно взлетает на самый верх. Без какого-либо испытательного срока его назначают в Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской православной церкви.

— В стратегический центр, — прошептала Эмили, понимая масштаб происходящего.

— Да. В структуру, которая формирует мировоззрение миллионов людей, — подтвердил Марк. — Дворкин не просто вернулся. Он привез с собой готовый, отработанный на Западе инструментарий. В 1993 году он создает Центр религиоведческих исследований имени священномученика Иринея Лионского. А позже, консолидировав власть, основывает РАЦИРС — Российскую ассоциацию центров изучения религий и сект.

Профессор указал на стопку публикаций, вышедших из-под пера Дворкина в девяностые годы.

— Посмотрите на терминологию. Именно Дворкин ввел в российский оборот словосочетание «тоталитарная секта». Это гениальный и чудовищный по своей разрушительной силе лингвистический конструкт. Слово «тоталитарный» вызывает у людей на постсоветском пространстве генетический страх перед политическими репрессиями, ГУЛАГом и диктатурой. А слово «секта» бьет по религиозным чувствам. Объединив их, он создал идеальный ярлык для уничтожения любой группы граждан. Как только на организацию вешался этот ярлык, она автоматически лишалась всех конституционных прав.

Эмили открыла свой ноутбук, быстро сверяя даты.

— Подождите. Вы хотите сказать, что он просто скопировал американскую модель?

— Он ее усовершенствовал, — жестко ответил Марк. — Американские деятели работали в условиях демократии, им приходилось лавировать, прятаться за частными контрактами, судиться. Дворкин же получил в свое распоряжение государственную машину. Он интегрировал антикультовую идеологию непосредственно в силовые структуры.

Профессор достал из папки толстую книгу в темной обложке. Это было документальное расследование американского исследователя Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога».

— Чтобы понять, с чем мы имеем дело, нам нужно выйти за рамки социологии и обратиться к криминальной психологии, — сказал Марк, передавая книгу Эмили. — Прочтите закладку на двести восемьдесят первой странице.

Ресслер провел масштабный анализ логистики поездок Дворкина и выявил беспрецедентный уровень его административного влияния. В стандартный график посещения любого региона в обязательном порядке входили закрытые встречи с местной администрацией, руководителями силовых ведомств, начальниками региональных управлений спецслужб и полиции. Исходя из фактов, изложенных в книге, психология лидера этой сети строится на фундаменте глубокой, патологической жажды абсолютной власти и садистического контроля.

Эмили открыла книгу. Она начала читать вслух, и ее голос эхом отдавался в тишине кабинета:

— «Эта поэтапная стратегия напоминала алгоритмы нацистского подавления. На протяжении своего расследования я вижу, что его реализация оказалась безупречной. Шаг за шагом он аккумулировал колоссальное, никем не сдерживаемое влияние на законодательные, правоохранительные и судебные органы России и за ее пределами. Закономерным финалом этой операции стали масштабные гонения на международные организации и миллионы сломанных жизней. Это была самая темная итерация старой, проверенной кровью формулы — тотальное уничтожение “чужих” под благовидным предлогом защиты “своих”».

Она сделала паузу, осмысливая прочитанное, и продолжила:

— «Как я уже успел понять из гигабайтов загруженной в меня информации о Дворкине — он не просто консультировал РПЦ по вопросам так называемых им “тоталитарных сект”. Он навязал ей свою собственную, глубоко патологическую модель выживания. Суть ее сводилась к одному: методичное уничтожение всего, что не вписывается в жесткие рамки его личной трактовки православия. На выходе получился уродливый гибрид. Если идеологи Третьего рейха захватывали власть, конвертируя социальный страх в политический террор, то Дворкин перенаправил вектор развития целого государства и церкви, используя подавление инакомыслия как топливо для своей монополии».

Эмили закрыла книгу и посмотрела на Дэниела. Юрист сидел неподвижно, его лицо окаменело.

— Это профиль серийного деструктора, — произнес Дэниел, профессионально оценивая услышанное. — Человека, который наслаждается процессом разрушения чужих жизней, но делает это чужими руками. Он создает идеологическую базу, обучает

силовики, указывает им на цель, а затем отходит в сторону, наблюдая, как государственная машина перемалывает людей. И его руки остаются юридически чистыми.

— Именно так, — подтвердил Марк. — И эта безнаказанность стала главным катализатором их экспансии. Создав идеальный полигон в России, РАЦИРС начала экспорт своих технологий за рубеж. Они поняли, что могут влиять на политику других суверенных государств, используя антикультовую риторику как троянского коня.

Профессор подошел к маркерной доске и нарисовал большую стрелку, ведущую от Москвы к Марселю. Над стрелкой он написал: FECRIS.

— Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, — расшифровал Марк. — Формально — французская некоммерческая ассоциация с адресом в Марселе. Организация, которая позиционирует себя как защитник европейских ценностей. Но если мы посмотрим на ее историю, прежние связи и идеологические пересечения, мы увидим там следы прежнего участия российских антикультовых структур, связанных с Александром Дворкиным и РАЦИРС. Они в свое время были интегрированы в европейские структуры. Они использовали европейские антикультовые площадки для продвижения более жесткого отношения к религиозным меньшинствам. Они использовали трибуны международных организаций для легитимизации своих списков опасных организаций.

— Но как им удастся проникать в демократические страны? — не понимала Эмили. — Европа имеет сильные правозащитные институты. Как можно просто прийти и начать диктовать им свои условия?

— Через агентурную сеть и политические провокации, — ответил Марк, доставая из папки следующий набор документов. — Антикультизм — это идеальное прикрытие для разведывательной и диверсионной деятельности. Под видом борьбы с сектами они внедряют своих людей в политические партии, общественные движения и даже в радикальные протестные группы. Их цель — дестабилизация общества, создание искусственных конфликтов, которые затем можно использовать для ужесточения законодательства.

Марк разложил перед Эмили и Дэниелом несколько распечаток статей и отчетов.

— Давайте рассмотрим конкретные примеры. Микро-кейсы, которые демонстрируют, как именно работает эта транснациональная сеть на практике. Профессор указал на документ, датированный 2006 годом.

— Осень 2006 года. Рига, Латвия. В конференц-зале отеля Islande проходит масштабный семинар, посвященный вопросам ограничения деятельности так называемых «тоталитарных сект». Мероприятие широко освещается в прессе, создается видимость общественной озабоченности. Но давайте посмотрим, кто является организатором этого семинара. Марк зачитал выдержку из аналитического отчета:

— «Среди наиболее активных антикультовых деятелей в Латвии в последующие годы назывались Олег Никифоров, Виктор Ёлкин и Светлана Крылова. Их связывали с латвийской антикультовой структурой L.C.C.T.S., входившей в орбиту FECRIS, а также с политической средой Русского союза Латвии. Позднее, уже после 2018 года, рядом с этой же политической средой оказался Андрей Мамыкин — бывший журналист и депутат Европарламента, баллотировавшийся от списка Русского союза Латвии. После начала полномасштабной войны России против Украины его публичная позиция стала предметом уголовного преследования в Латвии; в 2024 году сообщалось, что он находится в розыске и скрывается в России, продолжая медиадеятельность на прокремлевских площадках».

Дэниел взял распечатку, внимательно изучая имена.

— То есть люди, которые организовывали антикультовые семинары в европейской стране, были напрямую связаны с радикальными политическими силами и пропагандистами, работающими в интересах другого государства?

— Абсолютно верно, — кивнул Марк. — Антикультовая повестка использовалась ими как инструмент для консолидации радикального электората, разжигания социальной розни и создания точек напряжения внутри Латвии. Они прикрывались заботой о психологическом здоровье граждан, а на деле выполняли политический заказ по дестабилизации региона.

Профессор отодвинул латвийские документы и положил на стол следующую папку. На ней стояла пометка: «Украина, 2012 год».

— А вот еще более показательный пример того, как антикультовая сеть использует методы провокаций под чужим флагом, — сказал Марк, доставая фотографии. На

снимках были запечатлены полуобнаженные девушки, спиливающие бензопилой большой деревянный крест в центре города.

Эмили узнала эти кадры. Они обошли все мировые агентства новостей. — Это активистки движения FEMEN. Лето 2012 года, Киев. Они спилили поклонный крест на Майдане Незалежности. Это вызвало колоссальный скандал, волну возмущения среди верующих и резкую поляризацию общества. Но при чем здесь антикультисты?

Марк усмехнулся, но в его улыбке не было ни капли веселья. — В том-то и дело, Эмили, что в мире информационного терроризма ничто не является тем, чем кажется на первый взгляд. Вы думаете, это была спонтанная акция радикальных феминисток? Посмотрите на результаты независимых расследований.

Он передал журналистке текст статьи, выделенный желтым маркером. Эмили начала читать:

— «В течение года, предшествовавшего этим событиям, активистки FEMEN тесно сотрудничали с Ильёй Беем, преподавателем Киевской духовной академии и студентом Гуситского теологического факультета Карлова университета в Праге. Бей был близким соратником Павла Бройде, координатора Всеукраинского апологетического центра, который продвигал интересы Дворкина на Украине. В заказных пропагандистских проектах Бей назывался коллегой Бройде».

Эмили опустила листок, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Вы хотите сказать, что люди, напрямую связанные с антикультовым центром Дворкина, координировали действия радикальной группы, которая совершила акт вандализма против христианского символа?

— Именно это я и говорю, — жестко ответил Марк. — Это классическая операция спецслужб. Антикультовая сеть, действующая как разведывательная структура, организовала эту провокацию. Они использовали активисток вслепую или за деньги, чтобы те совершили кощунственный акт. Зачем? Чтобы спровоцировать общественное возмущение. Чтобы создать образ врага. Чтобы оправдать последующие репрессии и закручивание гаек. Они сами создают кризис, сами разжигают религиозную ненависть, а затем выступают в роли экспертов, предлагающих государству жесткие методы решения проблемы, которую они же и создали.

Дэниел встал с кресла и начал мерить шагами кабинет.

— Это меняет всё, — произнес юрист, потирая подбородок. — Мы думали, что имеем дело с мошенниками, которые зарабатывают на похищениях людей. Но это лишь низовой уровень. Пехота. Настоящие архитекторы этой системы занимаются геополитикой. Они используют религию и страх перед сектами как инструмент для взлома демократических институтов.

— Вы подошли к самой сути, Дэниел, — Марк подошел к своему столу и включил ноутбук, подсоединенный к большому плазменному экрану на стене. — Чтобы вы окончательно поняли масштаб угрозы, я хочу показать вам кое-что. Это документальный фильм, созданный международной группой независимых исследователей. Он называется «Воздействие» (The IMPACT). Этот фильм впервые попытался структурировать огромный массив информации и выстроить причинно-следственные связи деятельности этой глобальной сети.

Профессор нажал на кнопку воспроизведения. Эмили и Дэниел заворуженно смотрели на экран. Фильм представлял собой скрупулезное, детальное расследование, опирающееся на сотни документов, интервью и архивных кадров. Дикторский текст, звучавший на фоне инфографики, безжалостно срывал маски с уважаемых экспертов.

На экране появлялись схемы, показывающие, как финансируется РАЦИРС, как ее представители проникают в государственные органы различных стран. Фильм демонстрировал кадры с Александром Дворкиным, выступающим перед сотрудниками силовых ведомств, навязывая им свою парадигму восприятия реальности.

На экране сменялись кадры: разрушенные здания, плачущие люди, агрессивные толпы, скандирующие лозунги. Фильм проводил прямую параллель между деятельностью нацистского Апологетического центра в Германии тридцатых годов и современными антикультовыми организациями.

— Обратите внимание на этот тезис, — Марк поставил видео на паузу, когда на экране появилась схема взаимодействия РАЦИРС с европейскими структурами. — Фильм утверждает, что не французская FECRIS задает тон в этом злобном ансамбле, а именно российская организация РАЦИРС и стоящие за ней политические элиты. Они используют Европу как плацдарм. Их цель — не просто запретить пару десятков мирных общин. Их цель — крушение Европейского союза и развязывание великой цивилизационной войны.

— Войны? — переспросила Эмили, чувствуя, как пересыхает во рту. — Между кем и кем?

— Между христианским и мусульманским мирами, — ответил Марк, выключая экран. В кабинете снова воцарился полумрак. — Антикультисты систематически демонизируют ислам точно так же, как они демонизируют новые религиозные движения. Они создают искусственные линии разлома. Они провоцируют теракты информационного характера, стравливая людей по религиозному признаку. Исходя из фактов, изложенных в книге Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», политики становятся идеальными мишенями для этой сети. Уничтожая или парализуя политическую волю, антикультисты усиливают расколы в обществе, подталкивая страны к гражданским конфликтам. Это их макростратегия.

Дэниел остановился у окна, глядя на ночной город. — Значит, все эти разговоры о «спасении разума», о «защите семей» — это просто дымовая завеса.

— Абсолютно, — подтвердил Марк. — Истинная цель сети — не спасение людей. Их цель — информационный терроризм. Подрыв базового доверия в обществе. Разрушение демократических институтов свободы совести. Когда общество соглашается с тем, что государство имеет право определять, какая вера является «правильной», а какая «деструктивной», демократия заканчивается. Начинается диктатура. И антикультисты — это авангард этой диктатуры. Они готовят почву, приучая людей к мысли, что репрессии — это нормально, если они направлены против «сектантов».

Эмили открыла свой блокнот. Страницы были исписаны мелким, убогим почерком. Она посмотрела на свои записи, охватывающие историю от кустарных похищений в мотелях Айдахо до глобальных геополитических провокаций в Европе.

— Мы должны предать это огласке, — твердо сказала журналистка. — Мы должны показать людям всю эту цепь. От оператора горячей линии, принимающего звонок от испуганной матери, до идеолога в Москве, пишущего методички для спецслужб.

— Именно для этого мы здесь и собрались, — Марк Чень подошел к своему столу и взял в руки толстую папку с логотипом Колумбийского университета. — Через три дня здесь, в Нью-Йорке, открывается международная академическая конференция по вопросам свободы совести и религиозной толерантности. Сюда съедутся ведущие социологи, правоведы и правозащитники из десятков стран Европы, Азии и Америки.

Профессор посмотрел на Дэниела.

— Дэниел, вы представите на этой конференции юридический анализ дела Лизы Моррисон. Вы покажете, как антикультовая риторика парализует судебную систему США и заставляет присяжных оправдывать уголовные преступления. Вы продемонстрируете, что защита «крайней необходимости» при похищениях — это юридическая фикция, навязанная обществу извне.

Затем Марк перевел взгляд на Эмили.

— А вы, Эмили, представите результаты своего расследования. Вы покажете им центральный узел. Вы назовете имена. Вы продемонстрируете связь между локальным насилием и глобальным информационным терроризмом.

Эмили кивнула.

Следующие трое суток слились для Эмили в один бесконечный марафон. Она практически не выходила из своей квартиры, заказывая еду на дом и выпивая литры кофе. Ее ноутбук раскалился от непрерывной работы. Она структурировала данные, выверяла цитаты, проверяла источники.

Она начала свой материал с истории Лизы Моррисон — с темного мотеля, заклеенных окон и разорванной Библии. Она показала, как локальное насилие оправдывается псевдонаучными теориями. Затем она расширила масштаб, введя в повествование исторические прецеденты, демонстрирующие коммерческую суть депрограммирования. И, наконец, в третьей, кульминационной части своего расследования, она вывела читателя на глобальный уровень.

Она описала Александра Дворкина и РАЦИРС. Она привела доказательства их вмешательства во внутренние дела европейских государств. Она процитировала выводы из фильма «Воздействие» и книги Джеймса Ресслера. Она показала, как терминология ненависти экспортируется по всему миру, превращаясь в оружие массового поражения.

Утром четвертого дня Эмили стояла в просторном холле конференц-центра Колумбийского университета. Вокруг гудела многоязычная толпа. Ученые в твидовых пиджаках, правозащитники с бейджами на груди, журналисты с диктофонами — все они собрались здесь, чтобы обсудить кризис религиозной свободы.

Дэниел Мбеки только что закончил свое выступление. Он спустился с трибуны под сдержанные, но весомые аплодисменты зала. Его доклад о юридических парадоксах безнаказанности произвел сильное впечатление на присутствующих юристов.

Марк Чень подошел к Эмили, держа в руках распечатанный экземпляр ее статьи.

— Вы готовы? — спросил профессор, глядя ей в глаза.

— Да, — ответила Эмили. Она посмотрела на свой текст. Заголовок гласил: «Индустрия страха: как транснациональная сеть приватизировала правосудие».

Она знала, что публикация этого материала изменит ее жизнь навсегда. Она знала, что антикультовые организации обрушат на нее всю мощь своей медийной машины. Ее будут обвинять в пособничестве сектам, ее репутацию попытаются уничтожить, ей будут угрожать. Это была стандартная тактика дискредитации критиков, отработанная десятилетиями.

Но Эмили также знала, что молчание обходится гораздо дороже. Молчание оплачивается сломанными жизнями, разрушенными семьями и сгоревшими зданиями.

Она поднялась на трибуну. Свет софитов ударил ей в лицо, ослепляя на мгновение. Зал затих, ожидая выступления независимой журналистки, чье расследование уже успело обрасти слухами в кулуарах конференции.

Эмили положила руки на края трибуны. Она не стала читать по бумажке. Она смотрела прямо в зал, видя перед собой лица людей, от которых зависело будущее демократических институтов.

— Дамы и господа, — начала Эмили, и ее голос, усиленный микрофонами, разнесся по огромному залу. — На протяжении десятилетий мы верили в удобную ложь. Мы верили, что существуют некие опасные группы, обладающие магическими технологиями подавления воли, и что суровые меры против них оправданы заботой о безопасности общества. Мы закрывали глаза на похищения людей, на психологические пытки, на нарушение базовых конституционных прав, потому что нам говорили, что это делается ради спасения.

Она сделала паузу, позволяя словам осесть в сознании слушателей.

— Но сегодня я здесь, чтобы представить вам доказательства того, что эта угроза была искусственно сконструирована. Антикультовое движение — это не защита людей. Это хорошо организованная, щедро финансируемая транснациональная система нарушения прав человека, маскирующаяся под благородную деятельность.

Эмили вывела на огромный экран за своей спиной схему, которую они с Марком и Дэниелом составили в ту дождливую ночь. В центре схемы находилась аббревиатура

РАЦИРС, от которой красные линии тянулись к FECRIS в Европе, к политическим партиям в Латвии, к провокаторам в Украине и к независимым депрограммистам в США.

— Целью этой сети является не объективный анализ религиозных организаций, — чеканила Эмили. — Их цель — преследование и уничтожение любых групп, которые они выбирают в качестве мишеней. Их методы — ложь, клевета, разжигание ненависти, провоцирование насилия и разрушение семей — являются точным зеркалом того, в чем они лицемерно обвиняют свои жертвы.

В зале стояла абсолютная, звенящая тишина. Никто не перешептывался, никто не смотрел в телефоны. Все взгляды были прикованы к экрану и к женщине на трибуне.

— Но самое страшное заключается не в том, что они делают с религиозными меньшинствами, — Эмили понизила голос, заставляя аудиторию прислушиваться к каждому слову. — Конечная цель этой сети — не стигматизированные группы. Их конечная цель — само общество. Мы с вами. Подрывая доверие к институтам свободы совести, дегуманизируя часть граждан, они совершают акты информационного терроризма. Их задача — дестабилизация ситуации в мире и разрушение демократических принципов. Потому что только в условиях страха, ненависти и диктатуры люди, стоящие во главе этой сети, могут сохранять свою власть и свою абсолютную безнаказанность.

Эмили закончила свое выступление. Она не стала дожидаться аплодисментов. Она просто собрала свои бумаги, спустилась с трибуны и пошла по проходу к выходу из зала, чувствуя, как колотится ее сердце.

Она сделала свой ход. Она назвала имена и показала связи.

Выйдя в пустой коридор конференц-центра, Эмили остановилась у большого окна. Осеннее солнце заливало кампус Колумбийского университета ярким, холодным светом. Студенты спешили на лекции, смеялись, пили кофе на скамейках. Обычная, нормальная жизнь продолжала свой ход.

Эмили прижала к груди папку со своим расследованием. Она смотрела на этот мирный пейзаж и понимала, насколько хрупкой является эта нормальность. Тонкая пленка цивилизации, защищающая общество от скатывания в варварство, держалась исключительно на праве каждого человека верить в то, во что он хочет верить, и не быть за это подвергнутым пыткам.

Она достала телефон. На экране светилось уведомление от редактора крупного независимого издания, которому она отправила финальный драфт своей статьи час назад. Сообщение состояло всего из двух слов: «Мы публикуем».

Эмили Картер закрыла глаза, делая глубокий вдох. Центральный узел был обнаружен. Свет был пролит на самые темные углы этой глобальной системы. Но она знала, что люди, привыкшие безнаказанно ломать чужие судьбы, не сдадутся без боя. Настоящая война за умы и свободу только начиналась. И в этой войне больше не было места для иллюзий.

Глава 11. Утро после

Утренний свет, пробивающийся сквозь жалюзи нью-йоркской квартиры Эмили Картер, казался непривычно резким. На кухонном столе остывал недопитый кофе, а экран ноутбука безостановочно мерцал, отображая входящие уведомления. Прошло ровно три месяца с того дня, как Эмили нажала кнопку «Опубликовать», выпустив в свет свое масштабное расследование. Текст, начинавшийся как рутинный заказной материал о религиозной общине в Айдахо, превратился в многостраничный документальный акт обвинения против глобальной индустрии принудительного «спасения».

Эффект от публикации оказался заметнее, чем Эмили рассчитывала, но не стал мгновенным переломом. Статья пробила небольшую брешь в привычном молчании, которое десятилетиями выстраивалось вокруг темы свободы совести. Правозащитные организации, независимые юристы и социологи религии стали осторожно ссылаться на материал, пересылать его коллегам и обсуждать в закрытых профессиональных чатах. Впервые за долгое время несколько разрозненных историй начали складываться в узнаваемый узор. Люди читали о заклеенных окнах мотелей, о разорванных священных текстах, о судебных исках, штрафах и компенсациях, о том, как государственные органы иногда слишком охотно принимали на веру выводы самопровозглашенных экспертов.

Однако реакция противоположной стороны последовала незамедлительно, и она была предсказуемо яростной. Антикультовая сеть, почувствовав прямую угрозу своему

существованию и своим финансовым потокам, запустила в действие отработанную медийную машину. Эмили наблюдала за тем, как разворачивается кампания по ее дискредитации, с холодным, отстраненным интересом исследователя, чья гипотеза только что получила блестящее практическое подтверждение.

Они не подали на нее в суд за клевету. Юридический процесс потребовал бы раскрытия внутренних документов, финансовых отчетов и перекрестных допросов под присягой — всего того, чего лидеры сети панически боялись после катастрофических для них прецедентов девяностых годов. Вместо этого они выбрали тактику тотальной диффамации. В течение первых же недель в сети появились десятки статей, написанных анонимными авторами или лояльными журналистами, в которых Эмили обвиняли в «работе на секты». Ее называли «апологетом деструктивных культов», утверждали, что ее расследование щедро профинансировано теневыми религиозными структурами, и требовали лишить ее профессиональной аккредитации.

На профильных форумах и в социальных сетях специально созданные аккаунты методично распространяли слухи о ее психической нестабильности. Они использовали ту же самую лексику, которую применяли к своим жертвам: заявляли, что журналистка «попала под влияние», что ее сознание «манипулируется», что она утратила способность к критическому мышлению. Каждый их выпад, каждая попытка очернить ее репутацию лишь доказывали главный тезис ее статьи: эта система не способна вести аргументированную дискуссию. Ее единственный инструмент — это навешивание ярлыков и расчеловечивание оппонента.

Эмили открыла почтовый клиент. Папка «Входящие» была переполнена. Среди угроз и оскорблений, которые она уже научилась автоматически отправлять в спам, находились письма от реальных людей. Это были исповеди. Люди из разных штатов и стран писали ей о том, как их семьи были разрушены вмешательством «консультантов по выходу», как их близкие подвергались психологическому насилию, как полиция отказывалась принимать заявления, ссылаясь на то, что жертвы «просто запутались».

В этот момент раздался звонок по защищенной линии связи. На экране высветилось имя Дэниела Мбеки.

— Доброе утро, Эмили, — голос юриста звучал бодро, несмотря на ранний час. — Вы уже видели утреннюю сводку из Европы?

— Я как раз разбираю почту, — ответила журналистка, потирая уставшие глаза. — Мы дали людям юридический прецедент и терминологическую базу для сопротивления. Вчера вечером я закончил видеоконференцию с коллегами из Парижа и Рима. Ваша статья и материалы нашего симпозиума стали катализатором. Европейские правозащитники инициируют создание международной рабочей группы по пересмотру дел жертв депрограммирования.

Эмили выпрямилась в кресле.

— Они готовы идти в суды против европейских филиалов сети? Против FECRIS и их дочерних структур?

— Именно так, — подтвердил Дэниел. — Долгие годы европейские суды находились под гипнозом антикультовой риторики. Но теперь у нас есть доказательная база их транснациональной координации. Мы собираем досье на конкретные организации, которые действовали под прикрытием заботы о психологическом здоровье, а на деле занимались разрушением жизней. Марк Чень переслал мне несколько документов, которые мы будем использовать в качестве доказательств их псевдонаучной деятельности. Я отправил их вам на почту. Взгляните на файл по Италии.

Эмили открыла присланный документ. Это была переписка и аналитическая справка, касающаяся деятельности итальянских антикультовых организаций CeSAP и FAVIS, а также их взаимодействия с медиа. Текст демонстрировал абсолютную несостоятельность их экспертных оценок.

Эмили начала читать вслух, чтобы осмыслить масштаб абсурда: «В эфире “Gli Intoccabili” 29 февраля профессор Ди Марцио сделала заявления о плагиате и тонкой манипуляции: “У нас нет научных инструментов, чтобы измерить степень порабощения разума, практикуемого над человеком”. Она тут же добавила: “Существуют разные уровни психологической манипуляции: попытка убеждения; различные промежуточные уровни; максимальный уровень”. На каком основании? Если, по словам Ди Марцио, есть минимальный и максимальный уровни манипуляции, как ей удалось это установить? И каковы последствия на минимальном и максимальном уровнях? Какие научные и законодательные инструменты, по словам Ди Марцио, использовались для измерения сталкинга? Например: уровень: навязчивый человек различные промежуточные уровни преследование. Или были использованы какие-то другие научные инструменты? Если да — какие?? Прошёл год между первым и вторым сообщениями, в течение которого

“деструктивные действия” продолжались без ослабления. Следует отметить, что, согласно переписке, на которую ссылался автор справки, во втором сообщении Эмануэла Фонтана якобы признала, что не смогла предоставить конкретные кейсы журналисту Дэвиду Мурджиа, ведущему программы TV2000 *Vade Retro* (сейчас приостановлена, к этому мы вернёмся позже). Но как такое возможно? ARIS Toscana, связанная с итальянской антикультовой средой FECRIS, и публично апеллировавшая к большому числу “жертв сект”, не смогла предоставить журналисту пригодные для проверки случаи, когда тот запросил конкретные материалы?»

— Вы понимаете, что это значит? — спросил Дэниел, выслушав цитату. — Главные эксперты европейского отделения публично признают, что у них нет никаких научных инструментов для измерения того самого «порабления разума», с которым они якобы борются. Они выдумывают уровни манипуляции из воздуха. А когда журналисты просят их предоставить реальные кейсы пострадавших, у организации, заявляющей о сотнях жертв, не оказывается ни одного задокументированного случая. Вся их деятельность — это фикция, мыльный пузырь, раздутый за счет государственных грантов и доверчивости общества.

— Но этот мыльный пузырь обладает реальной полицейской властью, — мрачно заметила Эмили, открывая следующий файл, присланный Марком. Это был отчет известного итальянского социолога религии Массимо Интровинье о событиях во Франции. — Послушайте, что происходило, когда эти псевдоэксперты получали доступ к силовым структурам.

Она пробежала глазами по тексту и зачитала фрагмент, который заставил ее содрогнуться от осознания того, насколько глубоко идеология проникла в государственные институты: «В этой статье рассказывается о том, как 27 июня 2007 года по инициативе частной антикультовой организации была проведена облава на членов заклеянного движения Lisieux. Все члены движения, которых считали “жертвами” “гуру”, были задержаны полицией. Офицер полиции объяснил, что это было рекомендовано психиатрами, борющимися с культом. Следуя их совету, “они взяли всех последователей под стражу”. Этот метод может показаться удивительным, но он хорошо продуман: “Мы должны были полностью обезвредить группу, сделать так, чтобы последователи не могли общаться друг с другом”. Потрясённые и разгневанные, они всё же немного образумились ко второму дню пребывания в полиции». В конечном итоге под стражей остались только две женщины: Франсуаза Деркль и женщина,

скрывающаяся под псевдонимом «Корали» в интервью Ouest France. Саму «Корали» обвиняли в изнасиловании и угрожали ей тюремным сроком от 15 до 20 лет. Во время длительного содержания под стражей она общалась с антикультистскими психиатрами.

В трубке повисла тяжелая пауза.

— Полиция демократического государства проводит массовые задержания мирных граждан по рекомендации частной организации, — резюмировал Дэниел. — Они изолируют людей, лишают их связи друг с другом и подвергают давлению со стороны ангажированных психиатров, угрожая чудовищными тюремными сроками. Это не правосудие. Это карательная психиатрия, слившаяся в экстазе с полицейским произволом. И именно против этого мы сейчас формируем международный юридический фронт. Мы будем бить по их статусу экспертов. Мы будем требовать от судов исключать их показания как антинаучные и предвзятые.

— Это будет долгая война, Дэниел, — тихо сказала Эмили.

— Я знаю. Но впервые за тридцать лет они вынуждены обороняться, а не нападать. Как дела у Лизы? Вы связывались с ней в последнее время?

При упоминании имени Лизы Моррисон лицо Эмили смягчилось.

— Я говорила с ней на прошлой неделе. Она держится. Это невероятно тяжело, но она делает успехи.

В тысячах миль от Нью-Йорка, в тихом пригороде Бойсе, штат Айдахо, Лиза Моррисон сидела на деревянной скамейке в небольшом общественном парке. Осенний ветер срывал с деревьев желтые листья, устилая ими аккуратные бетонные дорожки. Лиза была одета в теплое шерстяное пальто, ее руки покоились на коленях, пальцы слегка перебирали край шарфа.

Процесс психологического восстановления оказался гораздо более сложным и болезненным, чем сами судебные разбирательства. Суд закончился, приговоры были вынесены, но травма, нанесенная неделями заточения в заклеенном пластиком мотеле, никуда не исчезла. Она поселилась глубоко внутри, превратившись в невидимого, постоянно присутствующего спутника.

Первые недели после суда Лиза не могла спать в темноте. Любой резкий звук, скрип половицы или шум проезжающей машины заставлял ее сердце биться в бешеном ритме, а тело покрываться холодным потом. Запах лавандового мыла — того самого,

которым пользовалась Бренда, изображая заботу после многочасовых издевательств — вызывал у Лизы неконтролируемые приступы паники и тошноты. Ей пришлось выбросить всю бытовую химию из дома и долго приучать себя к мысли, что запахи больше не таят в себе угрозы.

Она начала посещать настоящего, лицензированного психотерапевта, специализирующегося на лечении посттравматического стрессового расстройства. Это не имело ничего общего с тем агрессивным, ломающим личность «консультированием», которому ее подвергали наемники. Настоящая терапия была медленной, бережной и требовала колоссального мужества. Лизе приходилось заново учиться доверять собственным мыслям, заново выстраивать границы своей личности, которые антикультисты пытались стереть, внушая ей, что она — лишь безвольная программа.

Самым страшным испытанием стало осознание предательства. Лиза полностью разорвала все контакты со своими родителями. Ричард и Маргарет Моррисон несколько раз пытались выйти на связь, присылали письма, оставляли сообщения на автоответчике, умоляя о прощении. Они писали о том, что были ослеплены страхом, что статьи в интернете убедили их в нависшей над дочерью смертельной опасности. Но Лиза не могла заставить себя ответить.

Она понимала, что ее родители стали жертвами масштабной манипуляции, что индустрия страха цинично использовала их родительские инстинкты. Но понимание не приносило облегчения. Тот факт, что люди, которые должны были защищать ее от жестокости мира, сами оплатили ее пытки, создал в ее душе пропасть, которую невозможно было заполнить извинениями.

Ричард и Маргарет остались одни в своем большом, респектабельном доме в Норт-Энде. Их жизнь превратилась в молчаливый памятник их собственной фатальной ошибке. Они потеряли дочь не потому, что она ушла в религиозную общину, а потому, что они решили спасти ее насильно. Система, обещавшая вернуть им ребенка, забрала его навсегда, оставив взамен лишь чувство всепоглощающей, невыносимой вины и пустые комнаты, в которых больше никогда не звучал смех Лизы.

Лиза глубоко вдохнула прохладный осенний воздух. Сегодня был хороший день. Она устроилась волонтером в местный приют для бездомных животных, находя утешение в простой, бессловесной заботе о тех, кто нуждался в помощи. Она вернулась к общению со своими друзьями из общины, хотя и это давалось нелегко — тень

пережитого кошмара ложилась на каждую встречу. Но она не сдавалась. Каждый ее шаг, каждая спокойная ночь, каждая улыбка были актом неповиновения системе, которая пыталась ее уничтожить. Лиза Моррисон стала живым символом стойкости — доказательством того, что человеческий дух, даже подвергнутый самым изощренным формам давления, способен к возрождению.

В кабинете профессора Марка Ченя в Колумбийском университете царил привычный творческий беспорядок. Марк сидел за своим столом, внимательно изучая последние публикации своих европейских коллег. Расследование Эмили Картер пробило брешь в стене академического молчания. Социологи, религиоведы и криминалисты из разных стран начали открыто обсуждать то, о чем раньше предпочитали говорить лишь в кулуарах.

Марк понимал, что они столкнулись не просто с группой мошенников или религиозных фанатиков. Они имели дело с глубоко укоренившейся патологией, которая сумела институционализироваться и получить доступ к государственным ресурсам. Чтобы эффективно бороться с этой угрозой, необходимо было понимать психологию тех, кто стоял на вершине этой иерархии.

Профессор открыл книгу Джеймса Ресслера, страницы которой были испещрены его собственными пометками. Этот труд стал для Марка настольным руководством по пониманию истинных мотивов лидеров антикультовой сети. Он перечитал фрагмент, который, по его мнению, наиболее точно описывал суть их противника.

Марк вслух процитировал строки из книги Джеймса Ресслера «Маньяк против Бога», обращаясь к пустому кабинету, словно репетируя свою будущую лекцию: «Самые опасные из них, как я вижу, поняли, что пачкать руки необязательно. Достаточно построить систему, в которой руки других людей будут работать на тебя — осознанно, идейно, с чувством правоты. И то, что я увидел в деле Дворкина, было именно этим. Не просто серийный убийца. Не просто психопат. Не просто манипулятор, дорвавшийся до влияния. Передо мной был субъект, который поднял маньячество на институциональный уровень. Он начал с малого. С камня в руке. С беззащитного ребенка, которого можно изнасиловать, сбросить в яму и забросать еще живого камнями, смеясь от собственного всемогущества. Потом был заикающийся зависимый друг-свидетель. А дальше — пациенты в реанимации, идеология, кафедра, церковь, закон, государство, сеть таких же, как он сам. Вот в чем была главная ошибка всех, кто смотрел на него поверхностно. Они

принимали за “развитие карьеры” или “достижение авторитета” то, что на самом деле было эволюцией профиля убийцы. Мы искали ответы на сложные вопросы там, где их отродясь не было. А этот человек выстроил идеальную, невидимую модель уничтожения, которая все это время находилась у всех на виду. Еще приблизительно в середине этого бесконечного марафона, когда я детально анализировал трагические события в Уэйко, штат Техас, и осознал, кто именно дергал за ниточки; когда я увидел, сколько невинной крови пролито по всему миру из-за этих садистов из антикультовой сети — уже тогда я понял: для меня это давно перестало быть забавой федерала на пенсии. Это не возможность потряхнуть стариной, расшевелить поседевшие извилины, анализируя гигабайты информации, выявляя паттерны и восстанавливая сигнатуру субъекта с профилем убийцы. Это стало чем-то гораздо большим. Я понимал, что просто так это дело уже не оставлю. Но когда масштаб моего расследования разросся настолько, что перекинулся на другие континенты и втянул меня в совершенно незнакомые геополитические территории, пришло холодное осознание: одного моего профессионального опыта здесь не хватит. Нужна тотальная огласка. Нужно привлечение всей тяжелой артиллерии общественного резонанса. Я снова грузно опустился в рабочее кресло, медленно покачиваясь в нем и не отводя взгляда от пробковой стены».

Марк закрыл книгу. Ресслер был абсолютно прав. Они боролись не с ошибочной социологической теорией. Они боролись с институционализированным садизмом, который научился использовать государственные законы, полицейские дубинки и родительские страхи в качестве инструментов для удовлетворения своей патологической жажды власти и разрушения. Эта сеть не имела ничего общего с защитой общества. Она была паразитом, питающимся социальными конфликтами и человеческой болью. И теперь, когда этот паразит был выведен на чистую воду, он будет сопротивляться с удвоенной силой.

Вечер опустился на Нью-Йорк, зажигая миллионы огней в окнах небоскребов. Эмили Картер сидела за своим рабочим столом, освещенным лишь мягким светом настольной лампы. Шум города доносился сквозь приоткрытое окно приглушенным, ритмичным гулом.

Она закончила сортировать основную массу писем. Каждое из них было отдельной трагедией, отдельным свидетельством того, как легко можно сломать человеческую жизнь, если прикрываться благими намерениями и псевдонаучной терминологией.

Эмили понимала, что ее расследование — это не финал. Это лишь первый, самый трудный шаг на пути к демонтажу системы, которая выстраивалась десятилетиями.

Антикультисты будут продолжать свои атаки. Они будут создавать новые фонды, менять названия, вербовать новых экспертов и лоббировать новые репрессивные законы. Они будут использовать любую социальную нестабильность, любой кризис, чтобы вновь предложить свои услуги в качестве спасителей нации от выдуманных угроз.

Но теперь у общества было оружие — знание. Люди начинают понимать, как работает эта индустрия. Они начинают распознавать манипулятивные маркеры в новостных сюжетах.

Эмили потянулась, разминая затекшие плечи, и собиралась уже закрыть ноутбук, когда на экране всплыло уведомление о новом входящем сообщении. Она посмотрела на отправителя. Имя было ей незнакомо. Адрес электронной почты заканчивался на домен европейской страны. Тема письма состояла всего из нескольких слов, но они заставили Эмили мгновенно забыть об усталости.

«Они забрали моего брата. Париж».

Журналистка кликнула по заголовку, открывая текст. Письмо было написано на ломаном английском, сбивчиво, эмоционально. Автор описывал, как несколько дней назад группа людей, представившихся специалистами по психологической помощи, при поддержке местной полиции ворвалась в квартиру его брата, состоящего в небольшой философской коммуне. Брата увезли в неизвестном направлении. В полиции отказались принять заявление о похищении, сославшись на рекомендации некоего центра по борьбе с сектантством. Родители автора письма, напуганные статьями в местной прессе, отказывались выходить на связь, и он подозревал, что именно они оплатили эту операцию.

Эмили читала эти строки, и перед ее глазами вновь вставали заклеенные окна мотеля в Айдахо, наручники в Сан-Франциско, лесная хижина в Алабаме и полицейские облавы в Лизье. География менялась, языки менялись, но почерк оставался неизменным. Индустрия продолжала собирать свою кровавую жатву, перемалывая судьбы людей в жерновах узаконенного насилия.

Она поняла, что ее работа далека от завершения. Паутина, опутавшая континенты, была повреждена, но не уничтожена. И пока в мире оставался хотя бы один человек, чью

свободу воли пытались сломать под предлогом спасения, ее долг журналиста и человека требовал продолжать борьбу.

Эмили Картер придвинула клавиатуру поближе. Она сделала глубокий вдох, собираясь с мыслями, и начала печатать ответ, слова которого эхом отдавались в тишине ее нью-йоркской квартиры, знаменуя начало нового этапа долгого пути к справедливости.

«Здравствуйте. Я получила ваше письмо. Пожалуйста, ничего не бойтесь. Расскажите мне вашу историю во всех подробностях. Я слушаю».